

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СМИРНОВА Александра Юрьевна

FIRE

СЛОВО. ТЕКСТ. АРХЕТИП

Специальность: 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических
наук, доцент **И. В. Толочин**

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 Методологические трудности в определении терминов «СЛОВО», «ТЕКСТ», «АРХЕТИП» и их возможные причины.....	11
1.1 «СЛОВО» В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ.....	11
1.1.1 Проблема знаковости как следствие философских взглядов на природу мышления.....	11
1.1.2 Словесное значение: от теории референции к функционализму в лингвистике	21
Теория референции	21
Структурализм.....	30
Когнитивная лингвистика	35
Функционально-ориентированные подходы к изучению словесного знака..	41
1.1.3 Полисемия в контексте различных направлений в лингвистике XX – XXI вв.	45
1.1.4 Фразеология в контексте полисемии	53
1.2 ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА.....	55
1.2.1 Методологические трудности в определении термина «ТЕКСТ» и их возможные причины. Функциональное определение текста. Хронотоп.	55
1.2.2 Жанровая природа текста.....	61
1.2 АРХЕТИП: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ	68
Выводы по ГЛАВЕ 1	78
ГЛАВА 2 Компаративный анализ словарных статей, определяющих слово <i>fire</i>	81
2.1. Внутриобъективистское «расщепление» основного НВЗ	82
2.2 Искусственный характер НВЗ.....	88
2.3 Наличие перекрестных дефиниций	92

2.4. Неоднозначность трактовки признака исчисляемости - неисчисляемости у имен существительных	93
2.5. Отсутствие системности	97
2.6. Отсутствие общей теоретической базы для выделения фразеологических словосочетаний	99
Выводы по ГЛАВЕ 2	102
ГЛАВА 3 Альтернативная модель значения для английского слова <i>fire</i> (лингво-антропологический подход)	104
3.1 Интегральная категория.....	104
3.2 Основные ЛСВ в физической сфере опыта	108
3.3 Архетип: сакральное <i>fire</i>	110
3.4 Производные ЛСВ	117
3.4.1 Исчисляемые и неисчисляемые варианты значения	117
3.4.2 Производные ВЗ существительного в положительной сфере опыта (в рамках <i>fire 1</i>)	122
3.4.3 Производные ВЗ существительного в отрицательной сфере опыта (в рамках <i>fire 2</i>)	125
3.5 Варианты значения глагола <i>to fire</i>	126
3.5.1 <i>To fire</i> в положительной сфере опыта	126
3.5.2 <i>To fire</i> в отрицательной сфере опыта	130
3.6 Случаи иносказательного употребления.....	139
3.6.1 'Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes'	141
3.6.2 'Uncontrolled Destructive Burning'	149
3.6.3 'Use of Firearms in a Military Conflict'	155
Выводы по ГЛАВЕ 3	163
ГЛАВА 4 Жанровая специфика словоупотребления на примере английского слова <i>fire</i>	165
4.1 Анализ функциональной роли слова <i>fire</i> в хронотопе публицистических статей	165
4.2 Анализ функциональной роли слова <i>fire</i> в хронотопе романов	174
4.3 Анализ функциональной роли слова <i>fire</i> в поэзии.....	186
Выводы по ГЛАВЕ 4	202

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
БИБЛИОГРАФИЯ	210
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ	225
ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ	226
ПРИЛОЖЕНИЕ I Словарная статья для слова <i>fire</i> , разработанная с опорой на основные принципы лингво-антропологического подхода.....	236
ПРИЛОЖЕНИЕ II Сводная схема употреблений существительного и глаголов <i>fire</i> в газете <i>THE INDEPENDENT</i> за период с 10 по 24 октября 2014 года.....	240
ПРИЛОЖЕНИЕ III Сводная схема употреблений существительного и глаголов <i>fire</i> в романах нобелевских лауреатов	241
ПРИЛОЖЕНИЕ IV Сводная схема употреблений существительного и глаголов <i>fire</i> в стихотворениях англоязычных поэтов XX в.	242
ПРИЛОЖЕНИЕ V Список изученных стихотворений, в хронотопе которых присутствует слово <i>fire</i>	243

ВВЕДЕНИЕ

Словарь – один из важнейших источников знаний о языке и языковой картине мира. Помочь нам постичь внутриязыковые связи и прояснить для себя особенности их реализации в конкретных речевых произведениях – одна из благороднейших задач любого толкового словаря. Чтобы с достоинством выполнять такую ответственную функцию, словарь должен отвечать целому ряду требований, главное из которых – адекватная репрезентация структуры словесного значения, основанная на реальных случаях употребления словесного знака в тексте.

Исследование показывает, однако, что структура словесного значения, представленная в большинстве толковых словарей английского языка, не совсем точно описывает языковую реальность конкретных речевых употреблений, что часто проявляется в противоречиях между словарными дефинициям и конкретным иллюстративным материалом. Это позволяет поставить вопрос о необходимости пересмотра целого ряда общепринятых на данный момент принципов лексикографического описания, связанных во многом с господствующим в настоящее время представлением о языке как механизме отражения объективных свойств окружающего мира.

Философия объективизма, глубоко укоренившаяся в современной науке и восходящая к работам Аристотеля и Декарта, проявляется в лексикографии в попытках выделить основной номинативный вариант значения и описать его как прямое соответствие объективным свойствам предмета независимо от особенностей человеческого восприятия. В данной работе мы попытаемся продемонстрировать несостоятельность данного подхода и предложим альтернативную методiku разработки коммуникативно-ориентированной модели словесного значения, основанной на изучении обширного корпуса конкретных речевых произведений.

Следует отметить, что современная лингвистика в целом приобретает все большую коммуникативно-прагматическую направленность. В центре внимания исследователей все чаще оказывается человек как языковая личность, пытающаяся решить проблемы своего опыта посредством языка. Лексикография, тем не менее, остается одной из наиболее консервативных областей прикладной лингвистики. Достижения таких научных дисциплин как биосемиотика и философия биологии здесь не учитываются, а теоретической основой лексикографической практики до сих пор является объективизм в той или иной форме. Все это обуславливает актуальность данной работы, которая представляет собой попытку применения принципов антропоцентризма для разработки новой методологии лексикографического описания слова.

Объектом данного диссертационного исследования является английская лексема *fire* во всевозможных контекстах употребления. Выбор именно этой лексемы в качестве объекта анализа связан с предположением о высокой вероятности ее появления в архетипическом типе контекста.

Предметом настоящего исследования является применение на практике достижений лингво-антропологического подхода в языкознании для решения проблем лексикографического описания слова.

Цель данной диссертации состоит в разработке альтернативной коммуникативно-ориентированной модели словесного значения для английской лексемы *fire* (в исследовании рассматривается как существительное, так и глагол), а также в выявлении особенностей функционирования этих словесных единиц в речевых произведениях разной жанровой принадлежности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. обосновать теоретические основы исследования и сформулировать определение основных терминов, таких как словесное значение,

полисемия, лексико-семантический вариант (ЛСВ), текст, архетип с позиций лингво-антропологического подхода;

2. провести компаративный анализ словарных статей, посвященных существительному и глаголу *fire* в различных толковых словарях английского языка, и выделить основные проблемы лексикографического описания слова;
3. проанализировать конкретные случаи употребления лексемы *fire* в контекстах различного типа и выделить стабильные модели ее функционирования;
4. на основе выделенных моделей сформулировать дефиниции для различных ЛСВ существительного и глагола *fire*;
5. проанализировать случаи иносказательного употребления словосочетаний с компонентом *fire* на предмет возможности их интеграции непосредственно в структуру словарной статьи, посвященной словесному знаку *fire*;
6. исследовать особенности употребления лексемы *fire* в публицистических статьях, романах и поэтических текстах и определить специфику статистического распределения выделенных ЛСВ в соответствующих речевых жанрах.

Материалом для исследования послужили данные Британского национального корпуса (BNC) и Корпуса современного американского английского (COCA); тексты различных Интернет-порталов, форумов и блогов; романы англоязычных лауреатов Нобелевской премии по литературе; поэтические тексты современных англоязычных авторов; публицистические статьи из таких периодических изданий, как *The Independent*, *the Guardian*, *the Daily Mail*, *the Economist*, а также тексты религиозного характера, в частности англоязычная версия Библии (в общей сложности 2555 случаев употребления существительного и глагола *fire*).

На разных этапах работы применялись различные **методы** исследования: *метод компаративного анализа* при сравнении словарных статей; *метод*

корпусного анализа, метод сплошной выборки, дескриптивный метод, метод контекстуального анализа в процессе разработки альтернативной модели значения и анализа жанровых особенностей словоупотребления; метод статистического анализа для учета частотности употребления того или иного ЛСВ в текстах различной жанровой принадлежности.

Информационной базой исследования послужили материалы монографий, учебных пособий, диссертаций, статей и словарей (в общей сложности 187 источников, из них 97 на русском языке и 90 на английском, французском и немецком языках).

Новизна исследования состоит в том, что здесь впервые предложена коммуникативно-ориентированная модель значения для английской лексемы *fire*, обосновывается необходимость интеграции фразеологических единиц с компонентом *fire* в структуру основной словарной статьи, посвященной данному словесному знаку, а также представлен анализ жанровых особенностей употребления лексемы *fire* в публицистических и художественных текстах.

Теоретическая значимость исследования заключается в применении достижений лингво-антропологического подхода для решения проблем современной лексикографии. Предложенная методология может быть использована для описания других словесных знаков и для создания коммуникативно-ориентированных словарей, более системно описывающих языковую реальность словоупотребления. Кроме того, здесь предложена принципиально новая теория архетипа: он рассматривается как языковая сущность, что позволяет преодолеть метафизику К. Г. Юнга и снять вопрос о неопределенности формы и содержания архетипа.

Практическая ценность работы состоит в том, что в результате анализа широкого спектра контекстов была составлена подробная словарная статья для существительного и глагола *fire*, которая может быть включена в новый толковый словарь английского языка. Кроме того, данную словарную статью можно использовать на лекционных и семинарских занятиях по

лексикологии, лексикографии и фразеологии в качестве конкретного примера новой методологии анализа словесного значения, предложенной в рамках лингво-антропологического подхода.

Гипотезой данной диссертации можно считать положение о том, что применение принципов лингво-антропологического подхода в лексикографии может помочь решить ряд проблем, связанных с описанием структуры значения полисеманта, и позволит создать более системную модель значения за счет описания конкретных типов словоупотребления.

На защиту выносятся следующие **положения**:

- современные толковые словари английского языка во многом опираются на философские принципы объективизма, что приводит к возникновению целого ряда непоследовательностей в структуре словарных статей;

- в разработанной нами словарной статье каждая дефиниция представляет собой описание определенного типа контекста, в результате чего словарная статья в целом приобретает высокую коммуникативную значимость и представляет собой более четко структурированную модель конкретных типов словоупотребления;

- архетип имеет смысл рассматривать как отдельный ЛСВ, представляющий собой наследие синкретичности первобытного сознания, особенностью которого является, с одной стороны, амбивалентность оценки, а с другой – отсутствие четкой дифференциации между различными сферами опыта;

- изменение грамматического признака (исчисляемости/ неисчисляемости у существительного, переходности/ непереходности у глагола) всегда сопровождается важным функциональным сдвигом в семантике слова и свидетельствует об образовании производного ЛСВ;

- можно говорить о существовании нескольких омонимичных глаголов *to fire*, образованных по конверсии от разных ЛСВ существительного, в

результате чего в словарной статье имеет смысл соотнести их с тем ЛСВ существительного, от которого каждый из них образован;

- представляется целесообразным вписать ФЕ с компонентом *fire* в структуру полисемии словесного знака *fire*, соотнеся каждую из них с тем ЛСВ, который реализует в ее структуре свой иносказательный потенциал;

- можно говорить о наличии жанровых особенностей словоупотребления у лексической единицы *fire*, что проявляется в различном статистическом распределении ВЗ в текстах, принадлежащих к разным речевым жанрам.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и пяти приложений. В первой главе мы сделаем обзор существующей литературы, посвященной вопросам словесного значения и полисемии, обоснуем теоретические основы исследования и дадим определение терминам, которыми будем пользоваться в ходе практического анализа. Во второй главе мы проведем компаративный анализ словарных статей, посвященных слову *fire*, и выделим основные проблемы современной лексикографии. В третьей главе мы поэтапно рассмотрим процесс выделения ЛСВ для существительного и глагола *fire* и предложим возможные варианты формулировки дефиниций. И наконец в четвертой главе мы проанализируем жанровые особенности употребления данной лексемы в публицистических статьях, в художественной прозе и в поэзии. Разработанная нами в ходе исследования словарная статья приведена целиком в приложении I. В приложениях II, III и IV приводятся таблицы с указанием данных статистического анализа (количество случаев употребления исследуемой лексемы в том или ином речевом жанре с распределением по ЛСВ). В приложении V дается полный список изученных нами поэтических текстов, в хронотопе которых присутствует слово *fire*.

Итак, определив цель, задачи и методы исследования, обратимся к обзору теоретической литературы и начнем с рассмотрения фундаментального философского вопроса о соотношении языка, мышления и окружающего материального мира.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНОВ «СЛОВО», «ТЕКСТ», «АРХЕТИП» И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ

1.1 «СЛОВО» В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

*We are under the illusion that what is peculiar, profound, essential, in our investigation, resides in its trying to grasp the incomparable essence of language. That is, the order existing between the concepts of proposition, word, proof, truth, experience and so on. This order is a super-order between – so to speak – super-concepts. Whereas, of course, if the words “language”, “experience”, “world”, have a use, it must be as humble a one as that of the words “table”, “lamp”, “door”.
(Wittgenstein 1986: §97)*

1.1.1 Проблема знаковости как следствие философских взглядов на природу мышления

Принято считать, что язык – это система знаков, и следовательно слово, будучи одним из основных компонентов языка, обладает знаковой природой. На этом, однако, общепризнанные положения о характере языка заканчиваются и начинаются расхождения, т.к. природа знаковости, а в результате и природа языка и словесного знака часто определяются по-разному.

Наиболее общее определение знака было дано еще в древности: *aliquid stat pro aliquo* (нечто, стоящее вместо чего-то другого). Как нетрудно заметить, данное определение акцентирует внимание на заместительной функции знака, т.е. его способности вызывать в сознании человека некий предмет или явление вне непосредственного контакта с самим предметом или явлением. Следует отметить при этом, что факт интерпретации здесь не учитывается, а следовательно связь между знаком и объектом признается

естественной, т.е. объективно существующей в мире вне зависимости от интерпретирующего субъекта.

Данная точка зрения является прямым следствием объективистского подхода к определению природы языка и мышления, который берет свое начало в трудах Платона и Аристотеля. Так, в самом начале своего трактата «Об истолковании» Аристотель пишет следующее: «представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звуко сочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления» (Аристотель, 1978: 16^a). Как мы видим, Аристотель определяет психический опыт, закрепленный за звуковой оболочкой слова, как образ реально существующего объекта, т.е. как своего рода отражение объективно присущих ему свойств.

Объективистский взгляд на природу мышления получает свое дальнейшее развитие в средневековой схоластике и в картезианстве. Отталкиваясь от идеи существования Бога как высшего, идеального существа, Рене Декарт доказывает, что истинное знание идет исключительно от Бога, т.е. по сути является внешним по отношению к человеку; в то время как все ложные понятия и представления – это следствия несовершенства человеческого разума, который способен исказить реальную действительность: «...наши идеи или понятия, будучи реальностями и происходя от Бога, в силу этого не могут не быть истинными во всем том, что в них есть ясного и отчетливого. И если мы довольно часто имеем представления, заключающие в себе ложь, то это именно те представления, которые содержат нечто смутное и темное, по той причине, что они причастны небытию. Они в нас только потому неясны и сбивчивы, что мы не вполне совершенны» (Декарт, часть 4 <http://modernlib.ru>). Идеалом для Декарта является познание истины, которую он приравнивает к божественной, т.е. независимой от человека и неискаженной человеческим разумом, реальности.

Широкое распространение объективизм получил и в XX веке. Метафора «познание как отражение» становится центральной в таких философских школах, как материализм и логический атомизм (см., например, Russel, 2010; Wittgenstein, 1922). Классическим примером объективизма в XX в. является советская школа языкознания, исходившая из принципов диалектического материализма: «все идеи извлечены из опыта, они – отражения действительности, верные или искаженные» (Маркс, Энгельс, Ленин: 1984). Идеалом при таком подходе к познанию является научное исследование, и все «подлинно научные теории» считаются «правильным отражением материального мира» (Константинов <http://psylib.org.ua/books/konst01/txt02.htm#2>).

Проблема познания в течение многих столетий является одной из центральных проблем философии. Интересно отметить при этом, что споры ведутся, главным образом, вокруг вопроса о способах познания. Существуют две диаметрально противоположные точки зрения: с одной стороны, возможность осуществления познания при помощи чистого мышления, с другой стороны, - приоритет познания, осуществляемого исключительно эмпирическим путем. Но ни в том, ни в другом случае существование объективной действительности, подлежащей познанию и независимой от субъекта познания, сомнению не подвергается. Так, например, говоря о Муре, Д. Пассмор пишет: «Бесспорно, доказывает он, что истина p состоит в его «соответствии» факту и что верить в p — значит верить, что оно таким образом соответствует факту; философская проблема состоит в том, чтобы дать исчерпывающее объяснение этого соответствия. Мы не должны позволить, предупреждает Мур, чтобы какой-либо философский аргумент, сколь бы трудным ни казалось его отразить, убедил нас в том, что «на самом деле нет» такого соответствия; мы знаем, что оно есть, хотя и не знаем — и это составляет проблему, — как описать его природу» (Пассмор http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/pass_sto/index.php). Истина, таким образом, рассматривается как соответствие факту, т.е. определенному

положению дел в объективной действительности, причем очевидность данного соответствия кажется настолько бесспорной, что превращается чуть ли не в религиозную догму.

Объективистский взгляд на природу мышления и окружающего мира оказал значительное влияние на формирование многих лингвистических концепций и задал определенную точку зрения на природу знаковости в целом. В реализме носителем знака является объективная действительность, т.е. знак существует сам по себе и связан с обозначаемым им предметом или явлением естественной, органической связью, а человеческое сознание представляет собой всего-навсего зеркало, отражающее реальное положение дел в окружающем мире. Знаковость, таким образом, рассматривается как процесс отражения, или «форма объективации реального мира» (Серебренников http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/serebrenikiv_obshee/02.aspx).

К наиболее характерным особенностям объективистского взгляда на мышление и язык Джордж Лакофф относит следующие:

- Мысль – это механическая манипуляция абстрактными символами, напоминающая компьютерный алгоритм.
- Символы (т.е. слова и ментальные конструкторы) получают свое значение через соответствие объектам внешнего мира.
- Абстрактные символы могут соответствовать объектам действительности независимо от характерных особенностей воспринимающего организма. Следовательно, мысль абстрактна и не зависит от ограничений, накладываемых на восприятие окружающей действительности физиологическими особенностями человеческого тела.
- Человеческое сознание оперирует мысленными образами объектов внешнего мира, вследствие чего сознание рассматривается как зеркало, отражающее свойства объективной действительности.
- Мысль может быть адекватно описана законами математической логики. (Lakoff: 1987, xii-xiii).

Как мы видим, данная концепция напрочь отвергает возможность влияния физиологических особенностей организма на восприятие окружающей действительности. Идеалом является «чистое» познание, отражающее мир таким, каков он есть. Инструментом такого познания являются законы математической логики, исключающие возможность вмешательства посторонних факторов, обусловленных физиологическими и психологическими особенностями человека.

Главным недостатком данного метода является его чрезмерная абстрактность. Вместо того чтобы изучать конкретные речевые произведения и попытаться сформулировать на их основе законы функционирования естественных языков, лингвисты и философы реалистического толка пытаются подвести язык под заранее заданные законы математической логики и таким образом «усовершенствовать» его, напрочь исключив из уравнения какую бы то ни было многозначность. Ведь если рассматривать знаковость как процесс отражения реально существующих свойств и связей, то идеалом становится язык, в котором слово полностью соответствует объекту. В подобном контексте такое распространенное явление языка как полисемия становится серьезным недостатком, ведь одно и то же слово может выступать коррелятом сразу нескольких, иногда, казалось бы, ничего общего между собой не имеющих, объектов действительности (spring – весна, spring - пружина). С позиций реализма совершенно непонятно, как одно и то же слово может адекватно отражать свойства столь различных объектов. Но вместо того чтобы попытаться объяснить конкретные языковые факты, реалисты пытаются просто-напросто подогнать язык под ими же самими придуманный идеал.

Следует также отметить, что сам процесс отражения выглядит несколько бесформенным. Акцент здесь делается на реальной действительности, представленной как совокупность предметов, обладающих рядом объективных свойств. Существование объективной действительности сомнению не подвергается и служит базой для дальнейших рассуждений. Сам

же механизм отражения больше напоминает условную абстракцию: не очень понятно, что же, собственно, является непосредственным коррелятом объектов действительности в человеческом сознании (слово, предложение, мысль?). В большинстве случаев признается наличие посредника между словом и объектом, в качестве которого выступает некая идея или ментальный конструкт, как правило, сводимый к зрительному образу (вспомним, например, фразу Аристотеля о том, что представления суть подобия предметов). Но что в таком случае представляет собой идея справедливости или покоя? Вряд ли можно найти «картинку», которая будет однозначно соответствовать этим словам, в результате чего идея справедливости превращается в аморфную массу, состоящую из множества различных ассоциаций. Значит ли это, что значение слова «стул» определено в языке более четко, чем значение слова «справедливость»? Да и существует ли вообще в объективной действительности объект, отражением которого является идея справедливости?

Несмотря на то, что в настоящее время объективизм критикуется в литературе с самых разных точек зрения, метафора «познание как отражение» до сих пор актуальна и встречается в трудах многих исследователей. О. С. Зорькина, например, говоря о методах анализа текста с позиций психолингвистики, пишет, что процессы порождения и восприятия текста рассматриваются как результат речемыслительной деятельности индивида, как "способ отражения действительности в сознании ... с помощью элементов системы языка" (Зорькина 2003; см. также Прохоров 2002; Реан, Бордовская, Розум 2002).

Переосмысление идей о природе знаковости началось в кон. XIX – нач. XX вв. и связано с именем американского философа-прагматиста Ч. С. Пирса, посвятившего свою жизнь исследованию роли знаков в жизни человека и общества. В своих работах Пирс определяет знак следующим образом: «нечто, что с чьей-то точки зрения каким-то образом относится к чему-то

другому»¹ (перевод авт.) (Pierce, 1931: 2.228). Как нетрудно заметить, Пирс берет за основу классическое определение знака (нечто, что относится к чему-то другому), но делает два существенных добавления. Во-первых, он вводит в формулу новый элемент – субъекта интерпретации, подчеркивая таким образом прагматический аспект знаковости. С точки зрения Пирса, существование знака как такового возможно только при наличии интерпретатора, т.е. связь между знаком и объектом существует не сама по себе, а опосредована сознанием интерпретирующего субъекта. Кроме того, Пирс подчеркивает относительность данной связи, указывая на способ репрезентации объекта знаком (каким-то образом). С его точки зрения, знак не идентичен объекту, а лишь представляет объект с определенной стороны, которая по той или иной причине оказывается важной для интерпретатора.

Прагматический аспект знаковости получил свое дальнейшее развитие в работах целого ряда философов, семиотиков и лингвистов. Так, например, Ч. Моррис рассматривает знак как функцию поведения. Говоря о процессе интерпретации, он пишет следующее: «...интерпретатором знака является организм; интерпретанта представляет собой привычку организма реагировать благодаря носителю знака на отсутствующие объекты, актуальные в данной проблематичной ситуации, таким образом, как если бы эти объекты находились в его непосредственном окружении... Учитывая то, что носитель знака представляет собой объект, вызывающий ответную реакцию, то организм ожидает возникновение ситуации определенного типа и на основе своих ожиданий может частично заранее подготовиться к тому, что может последовать»² (перевод авт.) (Morris, 1944: 31-32). Как мы видим, у Морриса знаковость превращается в привычку живого организма реагировать определенным образом на стимул, идущий из окружающей среды, причем

¹ «something which stands to somebody for something in some respect or capacity»

² «... the interpreter of a sign is an organism; the interpretant is the habit of the organism to respond, because of the sign vehicle, to absent objects which are relevant to a present problematic situation as if they were present... Given the sign vehicle as an object of response, the organism expects a situation of such and such a kind and, on the basis of this expectation, can partially prepare itself in advance for what may develop»

Моррис подчеркивает важность данного стимула для решения какой-либо насущной проблемы.

Следует отметить, однако, что ни Пирсу, ни Моррису не удалось полностью освободиться от идей реализма. Так, оба автора признают существование объекта как некоей самостоятельной сущности, к которой знак отсылает субъекта интерпретации. Моррис, например, определяет семантику как отношение между знаком и объектом: «Семантика занимается изучением отношений между знаками и их десигнатами, а следовательно, - между знаками и объектами, которые эти знаки могут обозначать или фактически обозначают»³ (перевод авт.) (Morris, 1944: 21).

В настоящее время сама идея существования объекта как некоей абсолютной, независимой от человеческого сознания сущности вызывает все большие сомнения в научных кругах. Исследования в области категоризации свидетельствуют в пользу того, что представление об окружающем мире как совокупности ряда дискретных сущностей (объектов), обладающих внутренне присущими им свойствами, является всего-навсего продуктом человеческого сознания. «При помощи знаков мы структурируем окружающий нас мир. Мы определяем, что этот мир состоит из верха и низа, из горячего и холодного, из хорошего и плохого, из головы и из живота и т.д. Очевидно, что данные различия искусственны (в том смысле, что они обусловлены культурой): в действительности, окружающий мир не обладает самостоятельной структурой. Горячее не существует само по себе, а задано лишь по отношению к шкале, которую человек разметил для собственного удобства...» (перевод авт.) (Klinkenberg, 2006: 38-39)⁴. Как мы видим, соответствие между миром и человеческим сознанием радикально меняет направление: теперь сознание не отражает свойства объективной

³ «Semantics deals with the relations of signs to their designata and so to the objects which they may or do denote»

⁴ «En utilisant des signes, on structure donc du même coup l'univers. On établit que cet univers est fait de haut et de bas, de chaud et de froid, de bien et de mal, de tête et de ventre, etc. Ces distinctions sont évidemment artificielles (au sens de «culturel»): en lui-même, en effet, l'univers n'est pas structuré. Le chaud n'existe pas en soi, mais par rapport à une échelle que l'homme a graduée pour sa commodité...»

действительности, а проецирует на окружающий мир свойства собственного опыта, структурируя элементы окружающей среды необходимым человеку образом. Деление окружающего мира на объекты (т.е. некие стабильные дискретные сущности) и их свойства рассматривается теперь как продукт человеческой мысли, а не как объективная, независимая от человека реальность: «разграничения, например, между объектом и отношением, которые мы делаем в процессе языкового общения возникают вследствие того, что язык представляет собой замкнутую область рекурсивной консенсуальной координации действий... За пределами языка ничего не существует, т.к. существование привязано к нашим разграничениям в языке»⁵ (перевод авт.) (Maturana 1988: 79 - 80). В этой связи все большую популярность получает идея о том, что человек способен воспринимать действительность не иначе, как сквозь призму своих потребностей, и что язык при этом ничего не отражает, а лишь фиксирует свойства человеческого опыта (Uexküll 1986; Толочин 1996; Лукьянова 2004).

На определяющую роль потребностей в мыслительных процессах обратил внимание еще Дж. Дьюи, охарактеризовав процесс постановки цели как поиск возможных средств удовлетворения насущной потребности, вызванной наличием дисбаланса между текущей активностью человека и условиями окружающей среды (Dewey 1922: 103). Потребность, таким образом, представляет собой мощный мотивирующий импульс, побуждающий человека к активности (см. также Freud 1999; Robertson 1999), а мышление в целом рассматривается как процесс решения проблемы в связи с какой-то потребностью.

Как отмечает Т. ф. Юксюль, любой живой организм способен самовыделяться из окружающей природы, причем отношения между организмом и средой носят знаковый характер (Uexküll, 1986), который обеспечивается наличием у живого организма потребностей разного рода.

⁵ «the distinctions, such as object or relation, that we make in languaging arise in the constitution of language as a closed domain of recursive consensual co-ordination of actions... Outside language nothing exists because existence is bound to our distinctions in language»

Внешняя среда при этом является носителем знака (указывающим на возможность/ невозможность удовлетворения той или иной потребности), а сам организм – его интерпретатором. Восприятие и интерпретация знака возможны благодаря соотнесенности внутреннего состояния организма и внешней среды, а результатом этого процесса являются соответствующие действия, направленные на удовлетворение потребности. Таким образом, можно говорить о том, что живой организм представляет окружение как знак своего внутреннего состояния и проецирует свои потребности на элементы внешнего мира (Uexküll, 1986).

Развивая биологическую концепцию Юкскюля, Й. Златев характеризует значение как отношение между организмом и средой, определяемое *ценностью* элементов окружающего мира для организма: «**Значение (З)** – это отношение между **организмом (О)** и его материальной и культурной **средой (С)**, определяемое **ценностью (Ц) С для О**»⁶ (перевод авт.) (Zlatev 2003; см. также Китова, Кравченко 2006; Кравченко 2013, 2015).

Как мы видим, к концу XX в. складывается новое представление о природе знаковости. Знаковость теперь рассматривается не как процесс отражения объективной действительности, а как проекция свойств опыта на окружающий мир с целью удовлетворения потребностей разного рода. Следует отметить, что такая точка зрения поддерживается и данными, полученными в области нейробиологии (Damasio 2010: 140⁷; см. также Залевская 2006).

Ключевая роль знаков в формировании культуры подчеркивается многими современными авторами: «...главным механизмом формирования культуры является «семиозис», т.е. изобретение знаков и действия с ними. Знаки создаются в ответ на потребности человека, с их помощью человеческое сообщество разрешает возникшие перед ним проблемы,

⁶ «**Meaning (M)** is the relation between an **organism (O)** and its physical and cultural **environment (E)**, determined by the **value (V) of E for O**»

⁷ «Если бы организм каждого человека был устроен по-разному, то представления о мире, которые создает для себя каждый из нас, тоже отличались бы друг от друга. Мы не знаем и, возможно, не узнаем никогда, что представляет собой «абсолютная» реальность» (перевод авт.)

снимает «разрывы» в деятельности и понимании» (Розин, 2001: 68; см. также Cassirer 2012; Eco, 1988). Вся человеческая деятельность пронизана различными знаковыми формами, причем знаки, которыми оперирует человек, значительно отличаются по сложности своей структурной организации от примитивных знаковых систем других животных. Прежде всего, это связано с лингвистической природой человеческого мышления, а соответственно – с особым характером словесного знака.

В настоящее время существует несколько различных подходов к определению природы словесного значения, что связано с постепенным отказом от применения принципов объективного реализма в лингвистике и с переходом к функционально-прагматической точке зрения на характер языка и словесного знака. Результатом этого процесса является возникновение сразу нескольких теорий, занимающих промежуточное положение между чистым реализмом и функционализмом. Тем не менее, представляется целесообразным начать обзор основных концепций словесного значения именно с позиций объективизма в связи с более древней и крепко укоренившейся традицией данного метода в философии и лингвистике.

1.1.2 Словесное значение: от теории референции к функционализму в лингвистике.

Теория референции

В лингвистике прямым следствием объективизма является теория референции. В чистом виде теория референции рассматривает словесное значение как прямое соответствие между словесным знаком и обозначаемым им объектом: носителем значения является сама объективная действительность, существующая по внутренне присущим ей законам и обладающая свойствами, независимыми от человеческого сознания. Девизом данного подхода могла бы послужить фраза из статьи Хилари Патнэма: «Как

ни крути, «значения» все-таки не у нас в голове!»⁸ (перевод авт.) (Putnam: 1973, 704).

Чтобы доказать данное утверждение, Патнэм приводит аргумент, получивший название «Дубль-Земля» (Twin Earth). Представим, что во Вселенной существует планета, абсолютно идентичная Земле. На этой планете живут точно такие же англичане, разговаривающие на точно таком же английском языке. Как и на Земле, там существует жидкость, по всем параметрам идентичная воде, за исключением химической формулы, которую Патнэм обозначает как XYZ. Представим также, что на Земле живет молодой человек по имени Оскар₁, а на планете Дубль-Земля живет его абсолютный двойник по имени Оскар₂. Оба молодых человека используют слово water для обозначения жидкости, которая на Земле имеет химическую формулу H₂O, а на Дубль-Земле – XYZ. Значит ли это, что слово water имеет одно и то же значение в идиолектах Оскара₁ и Оскара₂? С точки зрения Патнэма, ответ на этот вопрос однозначно отрицателен, причем даже в том случае, если молодые люди не имеют ни малейшего представления о химической природе данных веществ.

«Экстенционал термина ‘water’ на Земле всегда был H₂O, как в 1950, так и в 1750, а экстенционал термина ‘water’ на планете Дубль-Земля как в 1950, так и в 1750 был XYZ. Оскар₁ и Оскар₂ в 1750 понимали термин ‘water’ по-разному, хоть и находились в одинаковом психическом состоянии, и несмотря на то, что их научным сообществам понадобилось бы лет пятьдесят, чтобы обнаружить, что они понимают термин ‘water’ по-разному. Таким образом, экстенционал термина ‘water’ (и собственно, «значение» в интуитивном преаналитическом использовании термина) не является функцией психического состояния говорящего самого по себе»⁹ (перевод авт.) (Putnam: 1973, 702).

⁸ «Cut the pie any way you like, «meanings» just ain't in the head!»

⁹ «The extension of the term ‘water’ was just as much H₂O on Earth in 1750 as in 1950; and the extension of the term ‘water’ was just as much XYZ on Twin Earth in 1750 as in 1950. Oscar₁ and Oscar₂ understood the term ‘water’ differently in 1750 *although they were in the same psychological*

Как нетрудно заметить, Патнем совершает здесь типичную ошибку, свойственную многим теоретикам реализма. Вместо того чтобы изучать конкретные случаи употребления слова *water* в реальных жизненных ситуациях и на основе эмпирических фактов сделать выводы о структуре значения данного слова, Патнем создает свой собственный воображаемый мир с целью доказать заранее существующую в его сознании идею. В результате, сделанные им выводы основываются не на конкретных фактах, а на чисто менталистском конструкте, носящем принципиально отвлеченный характер. Это позволяет ему утверждать, что значением слова являются свойства объекта, существующие независимо от познающего субъекта и, возможно, даже неизвестные ему в том случае, если наука не достигла еще соответствующего уровня развития.

В случае с водой основным свойством, определяющим значение слова ‘*water*’, с точки зрения Патнэма, является и всегда являлась химическая формула описываемой данным словом жидкости. Но здесь возникает парадокс. На каком основании слово ‘*water*’ могло адекватно употребляться носителями английского языка в течение столетий, если основной компонент его значения (химическая формула) не был известен? Нельзя также утверждать, что к настоящему моменту наука уже сделала все возможные открытия. Из чего можно сделать вывод, что до сих пор многие слова мы понимаем неправильно, и их истинное значение недоступно нашему сознанию. Но как можно разговаривать на языке, не зная значений входящих в его состав слов?

Данный парадокс является, по-видимому, следствием того факта, что для Патнэма необходимым и достаточным свойством для определения слова ‘*water*’ является исключительно химический состав данной жидкости («большинство взрослых носителей языка даже знают необходимое и

state, and although, given the state of science at the time, it would have taken their scientific communities about fifty years to discover that they understood the term ‘*water*’ differently. Thus the extension of the term ‘*water*’ (and, in fact, its ‘*meaning*’ in the intuitive preanalytical usage of that term) is not a function of the psychological state of the speaker by itself»

достаточное условие 'water – это H₂O'»¹⁰ (перевод авт.) (Putnam: 1973, 705)). Все же остальные ее свойства, функционально важные для человека (пригодность для питья, использование в хозяйственно-бытовых целях), не принимаются в расчет. Если абсолютизировать данный подход, то получится, что все объекты окружающего нас внешнего мира нужно рассматривать с точки зрения их внутренней структуры (молекулярного состава). Тогда встает вопрос: слово «стул», употребленное по отношению к деревянному и пластмассовому стульям, будет иметь одно и то же или разные значения (ведь совершенно очевидно, что данные объекты имеют различные физические, т.е. объективные, свойства)?

Что касается воды, то, на первый взгляд, этот пример, действительно, может показаться убедительным на том простом основании, что H₂O – это чуть ли не единственная химическая формула, известная всем и каждому. Но если все же представить, что на самом деле существует жидкость, абсолютно идентичная воде, т.е. способная таким же точно образом удовлетворять все жизненно важные для человека нужды, то представляется маловероятным, что употребление слова «water» по отношению к этой жидкости окажется неправомерным. Скорее всего, обе жидкости будут обозначаться одним и тем же словом с поправкой на то, что «вода» может иметь две химические формулы. Значение слова «water» при этом несколько не изменится.

Одним из основателей теории референции по праву считается немецкий ученый Готтлоб Фреге. Несмотря на то что его труды хронологически предшествуют работам Патнэма, Фреге придерживается менее радикальных взглядов на природу значения и признает важность ментального состояния для характеристики знака.

Фреге возражает против упрощенного понимания референции как прямого соответствия между именем и обозначаемым им предметом, аргументируя свою точку зрения следующим образом. Если предположить, что значение представляет собой исключительно указание на некий объект

¹⁰ '...most adult speakers even know *the necessary and sufficient condition* 'water is H₂O' ...'

внешнего мира, то два словесных выражения, обозначающие один и тот же предмет должны быть взаимозаменяемы во всех возможных контекстах, что на самом деле далеко не всегда так. Фреге приводит следующий пример. Представим, что у нас есть прямые *a*, *b* и *c*, соединяющие углы прямого треугольника с серединой противоположной стороны. Все три прямые пересекаются в одной точке. Значит ли это, что выражения «точка пересечения прямых *a* и *b*» и «точка пересечения прямых *b* и *c*» абсолютно идентичны во всех возможных контекстах? С точки зрения Фреге, ответ на этот вопрос отрицателен, т.к., указывая на один и тот же материальный объект (т.е. имея одно и то же значение), эти выражения различаются способом указания на этот объект (т.е. имеют различный смысл) (Frege: 1892). Фреге, таким образом, вводит третий компонент в бинарное до этого соответствие между именем и обозначаемым им объектом. Слово соотносится с денотатом не напрямую, а через смысл, т.е. через способ указания на денотат (Frege: 1892, 26).

Наряду со значением и смыслом Фреге выделяет еще один компонент значимости – представление (*Vorstellung*), основанное на личном опыте говорящего. В противоположность значению, которое, представляя собой материальный объект, является абсолютно объективным, представление, будучи пропитано личными впечатлениями каждого отдельного человека, субъективно. Смысл, в свою очередь, занимает промежуточное положение между значением и представлением, т.к., будучи способом указания на предмет, он не может быть абсолютно объективен и независим от человеческого сознания. С другой стороны, являясь общим для всех носителей языка, он не может быть в той же степени субъективным, что и представление. Соотношение этих трех компонентов можно представить следующим образом: значение (объективно, независимо от человеческого сознания) – смысл (интерсубъективен) – представление (субъективно).

В выделении последних двух компонентов и проявляется менталистская, по сравнению с Патнэмом, концепция Фреге. Выделяя смысл как отдельный

компонент значимости, Фреге признает важную роль человеческого сознания в формировании структуры и функционировании знака. Тем не менее, его приверженность объективистским взглядам (в частности, определение значения через соотнесенность знака с объектом внешнего мира) приводит к возникновению некоторых противоречий. Так, например, с точки зрения Фреге, существуют слова, обладающие смыслом, но не имеющие при этом никакого значения (в том случае, если их денотат не существует в объективной действительности). Это относится, например, к персонажам сказок и других художественных произведений, к вымышленным предметам обихода и прочим плодам человеческого воображения. Огромный пласт культуры, таким образом, оказывается лишенным значения, потому что не соотносится ни с чем реально существующим во внешнем мире. Ни одно слово в романе не может иметь значение, т.к. весь роман – это вымысел. Следовательно, остается смысл. Но смысл, в представлении Фреге, - это лишь способ указания на предмет, соответствующий определенному углу зрения. Можно ли говорить о *способе указания* на реально несуществующий денотат? Если нет, то что тогда является смыслом таких слов, как русалочка, джинн, единорог? И что вообще толкает человека на создание понятий, не имеющих значения?

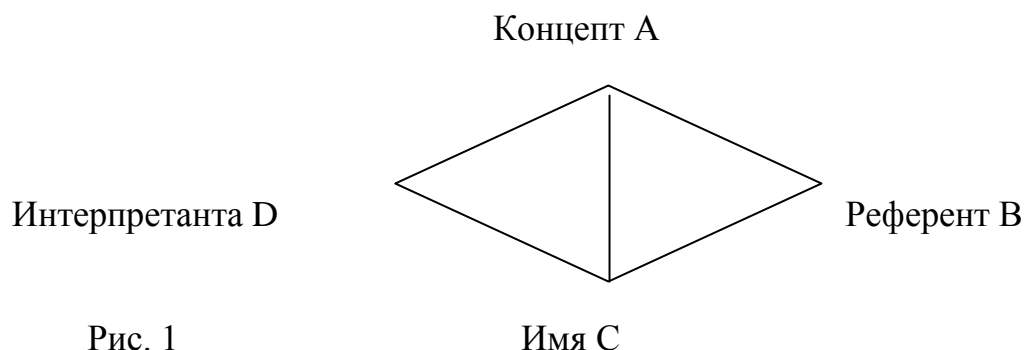
Кроме того, интересно отметить, что для концепции Фреге, также как и для большинства других объективистских теорий, свойственна некоторая неопределенность формы: признается предмет, а что является его коррелятом, не совсем понятно. «Слово» заменяется «выражением» неопределенного типа. «Указание на отдельный предмет может также осуществляться при помощи нескольких слов или прочих знаков» (перевод авт.) (Frege: 1892, 27)¹¹. «Слово», в итоге, растворяется в целом множестве других знаков, природа которых определена недостаточно четко.

¹¹ «Die Bezeichnung eines einzelnen Gegenstandes kann auch aus mehreren Worten oder sonstigen Zeichen bestehen»

Дальнейшее развитие менталистская концепция получила в работах С. К. Огдена и И. А. Ричардса, представивших структуру словесного знака в виде т. н. семантического треугольника. Вершинами треугольника являются основные компоненты словесного значения, выделенные авторами, а именно: объект (референт) – понятие, ассоциативно связанное с данным объектом (референция) – слово (символ). С точки зрения ученых, таким образом, слово связано с объектом действительности не напрямую, а через понятие, представляющее собой совокупность основных свойств референта, закрепленных в человеческом сознании. Интересно отметить при этом, что, в представлении лингвистов, референция является в значительной степени индивидуальным явлением, т.к. большое влияние на нее оказывает личный опыт каждого конкретного человека. Так, например, говоря о щенке, один человек может представить себе милое пушистое создание, в то время как другой – кусачее и задиристое животное. Подобная относительность референции приводит, безусловно, к возникновению значительных помех в процессе коммуникации (Ogden, Richards: 1946, 123).

Как мы видим, подход Огдена и Ричардса ставит словесное значение в еще большую зависимость от ментального состояния говорящего. Значение определяется, главным образом, в контексте личного опыта, который определяет содержание понятия, связанного с тем или иным предметом действительности. Подобный подход приводит к чрезмерному релятивизму, вследствие чего остается непонятным, что обеспечивает стабильность употребления слова в различных контекстах и дает возможность передачи опыта средствами языка вне непосредственного контакта между источником и получателем информации.

В настоящее время теория референции развивается в сторону усложнения структуры словесного знака. Так, М. В. Лебедев, например, выделяет четыре компонента словесного значения, сгруппированных в ромб, состоящий из двух треугольников ABC и ACD (см. рис. 1).

Треугольник ABC представляет собой совокупность знаний о внеязыковом мире, «отраженном в языке и через язык» (Лебедев http://www.i-u.ru/biblio/archive/lebedev_stabilnost/03.aspx?search=%c1%eb%ef3%ec%f4%e8%eb%e4#st). Треугольник ACD, в свою очередь, объединяет знания о самом языке, включающие в себя как все известные говорящему лексические единицы, так и синтаксические и прагматические правила их употребления. Оба треугольника имеют общую сторону AC, которая обеспечивает взаимосвязь между этими двумя областями знания, позволяя знаниям о мире приобретать языковую оболочку.

Новым элементом в данной схеме, по сравнению с семантическим треугольником Огдена – Ричардса, является интерпретанта, представляющая собой «ассоциативные, прагматические и иные свойства знака, влияющие на его интерпретацию» (там же). Важным фактором для интерпретации знака является, в частности, его место в системе языка, включенность в синонимические и антонимические ряды, парадигматические и синтаксические отношения. Как отмечает Лебедев, на интерпретацию знака влияет, с одной стороны, вся картина мира, а с другой стороны, лингвистическая компетенция говорящего.

Как нетрудно заметить, данный подход сложился под влиянием прагматического направления в лингвистике. Однако несмотря на это, по

своей сути он остается референциальным, т.к., по выражению самого Лебедева, «знак получает значение из внеязыкового мира» (там же).

Следует отметить также, что разделение значения на языковую и экстралингвистическую сферы приводит к разрушению принципа знаковости, т.к. по умолчанию признается возможность существования изолированного, вырванного из языковой системы референциального аспекта значения как основы, на которую накладывается ассоциативно-прагматический аспект. Представляется сомнительным, однако, что слово в принципе может существовать вне системы, в связи с чем деление единого по сути значения на несколько аспектов более напоминает искусственный конструкт, чем языковую реальность.

Возможны и более дробные модели знаков. В качестве примера Лебедев приводит пятичастную модель знака, дополнительным компонентом которой является коннотат, «охватывающий дополнительные экспрессивно-оценочные, прескриптивные, а также эстетические значения» (там же).

Несмотря на наличие существенных различий в приведенных выше подходах, их объединяет приверженность объективистскому взгляду на природу языка и мышления. Во всех рассмотренных нами случаях источником значимости является внешняя, независимая от человеческого сознания реальность, которая отражается средствами языка либо напрямую (концепция Патнэма), либо через некую концептуальную структуру внеязыкового характера (семантический треугольник Огдена – Ричардса, четырехчастная модель Лебедева). Несмотря на все большее усложнение знаковой модели, включающей в себя социально-прагматический и метаязыковой компоненты, ее основой до сих пор является референт, отражаемый человеческим сознанием, что, как мы видели, приводит к целому ряду противоречий.

Теория референции не является, тем не менее, единственным подходом к интерпретации языкового значения. Существует целый ряд альтернативных

направлений, каждое из которых по-своему трактует природу словесного знака и значимости в целом.

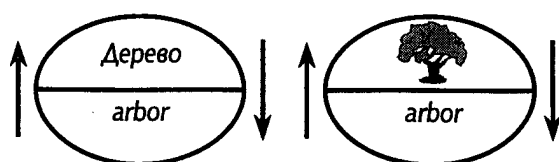
Структурализм

В отличие от референциального подхода к языку, структурализм четко придерживается принципа двусторонности языкового знака. Как отмечает швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, по праву считающийся основателем структурализма, «единица языка есть нечто двойственное, образованное из соединения двух компонентов» (Ф. де Соссюр: 1999, 66), причем в его представлении компонентами языкового знака являются понятие (означаемое) и акустический образ (означающее). Референт, таким образом, выносится за скобки как явление, не имеющее непосредственного отношения к языку. «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ» (Ф. де Соссюр: 1999, 66).

Подобная трактовка природы словесного знака является прямым следствием убежденности ученого в необходимости изучения языка как изолированной системы, то есть вне связи с психическими процессами, протекающими в человеческом сознании, которые являются объектом изучения прежде всего психологии. Вследствие этого, вопрос о связи между словом и объектом оказывается вне компетенции лингвистики, т.к. ответ на него напрямую зависит от решения философской проблемы соотношения разума и действительности. Таким образом, говоря о словесном знаке, Де Соссюр концентрирует свое внимание на природе акустического образа. Понятийная сторона словесного знака при этом остается недостаточно раскрыта.

Таким образом, главным недостатком подобного подхода является его чрезмерная замкнутость на языке как некоем абстрактном своде правил, что приводит к неоправданно узкому представлению о словесном значении. Определяя словесное значение через связь означаемого и означающего, т. е. понятия и акустического образа, Де Соссюр упускает из виду окружающий

человека мир, являющийся мотивирующей базой для возникновения значения в процессе решения человеком насущных проблем опыта. Вследствие этой связи между понятием и явлениями окружающей действительности, а следовательно и природа самого понятия остаются неясны. Является ли понятие лишь зрительным образом, как это можно предположить, исходя из рисунка на стр. 68:

отражением совокупности объективно существующих признаков или же комплексом свойств человеческого опыта, образовавшегося вследствие непосредственного контакта человека с окружающей средой – Де Соссюр это не объясняет, исключая данный пункт из формулы, описывающей природу словесного знака.

Отсутствие четкого определения природы понятия в концепции Де Соссюра приводит к тому, что многие из его учеников и последователей, признавая двустороннюю структуру знака, возвращаются, тем не менее, к теории отражения как к базовому принципу формирования психической реальности. Так, например, в «Философии грамматики» О. Есперсена можно прочесть следующее утверждение: «Собаку мы определяем то по одному, то по другому признаку или по целому ряду признаков; и если мы применяем слово *собака* к данному животному — это значит, что животное обладает всеми остальными чертами, которые в совокупности составляют природу собаки» (Есперсен <http://www.alleng.ru/d/engl/engl33.htm>). Для Есперсена, таким образом, природа собаки как объекта внешней действительности представляет собой совокупность признаков, отражаемых человеческим сознанием. Это утверждение Есперсена наглядно демонстрирует возможность мирного сосуществования в рамках одной работы идей структурализма, с одной стороны, и референциального взгляда на природу понятия, или

означаемого в терминологии Де Соссюра, - с другой (см. также Ullmann, 1962).

Следует отметить, однако, что если некоторые ученые структуралистского толка решают для себя проблему природы понятия, возвращаясь к теории отражения, то другие, следуя за Ф. де Соссюром, просто-напросто отказываются от ее решения. В этом отношении характерно высказывание Э. Бенвениста, который, подвергая критике принцип произвольности знака (фундаментальный принцип соссюрской концепции), приходит к следующему выводу: «...эта проблема (имеется в виду проблема соотношения между словом и предметом) есть не что иное, как знаменитое: $\phi\acute{o}\sigma\epsilon\iota$ или $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$, и решена она может быть только путем принятия той или другой точки зрения. В самом деле, эта проблема не что иное, как переведенная на язык лингвистики философская проблема соответствия разума действительности. Лингвист, возможно, в один прекрасный день сможет с пользой ею заняться, но пока ее лучше оставить» (Бенвенист <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74e.htm>).

Несколько иначе словесное значение трактуется в американской школе структурализма, общеизвестной под названием дескриптивной лингвистики. Разница эта обусловлена, прежде всего, тем, что дескриптивисты в своем подходе к языку во многом опираются на исследования психологов-бихевиористов, в частности Б. Ф. Скиннера. В своем фундаментальном труде «Вербальное поведение» Скиннер противопоставляет традиционно принятому референциальному подходу к языку подход психологический, основанный на представлении о языке как функции человеческого поведения. Слово же, с его точки зрения, является чисто поведенческой единицей, являющей собой ответную реакцию человека на определенный стимул окружающей среды (Skinner, 1957: 20).

Следуя за Скиннером, дескриптивисты признают важность свойств человеческого опыта для определения природы словесного знака. Л. Блумфилд, например, дает следующее определение слову: «Слово, таким

образом, представляет собой психологически сложную связь тех чувственных и эмоциональных компонентов, которые мы называем его значением или опытным содержанием, со слуховыми и моторными элементами, составляющими языковой знак»¹² (перевод авт.) (Bloomfield, 1914: 66 – 67). Как нетрудно заметить, у Блумфилда (так же как и у Де Соссюра) языковой знак представляет собой двустороннюю единицу. Только в отличие от Де Соссюра, Блумфилд более точно определяет понятийную сторону знака, характеризуя ее как содержание человеческого опыта (experience content). В результате двусмысленность, свойственная де соссюровской концепции, исчезает. В определении Блумфилда вектор четко направлен от человека к окружающему его миру как источнику опыта.

В целом важность свойств человеческого опыта для интерпретации словесного значения общепризнана в дескриптивизме. Тем не менее, некоторые представители данного направления все же возвращаются к теории отражения, утверждая, что концепты и зрительные образы (т.е. содержание человеческого опыта) являются отражением свойств объективной действительности. Э. Сэпир, например, пишет следующее: «Мир образа и концепта – бесконечная и постоянно меняющаяся картина объективной реальности – является неизбежной темой человеческого общения, т.к. только, или преимущественно, в терминах этого мира возможно эффективное действие. Желание, цель, эмоция представляют собой личностный оттенок восприятия объективной действительности...»¹³ (перевод авт.) (Sapir <http://www.gutenberg.net>). То есть, по сути, Сэпир возвращается к семантическому треугольнику Огдена – Ричардса, связывающему слово и объект через понятие (в данном случае – концепт), отражающее свойства объективной действительности.

¹² «The word is thus psychologically a complicative association of those perceptual and emotional elements which we call its meaning or experience content with the auditory and motor elements which constitute the linguistic symbol»

¹³ «The world of image and concept, the endless and ever-shifting picture of objective reality, is the unavoidable subject-matter of human communication, for it is only, or mainly, in terms of this world that effective action is possible. Desire, purpose, emotion are the personal color of the objective world...»

Как нетрудно заметить из всего вышесказанного, структурализм представляет собой достаточно разнородный комплекс взглядов на природу словесного значения и на язык в целом. Так, например, для европейского структурализма характерен более формальный подход к языку как к замкнутой системе, не учитывающий свойства человеческого опыта при формировании значимости. Американский дескриптивизм, наоборот, определяет словесное значение как функцию человеческого опыта. И в том и в другом случае, однако, словесный знак рассматривается как двусторонняя единица, представляющая собой единство формы (акустического образа/ означающего/ лингвистического символа) и содержания (понятия/ означаемого/ свойств человеческого опыта). При этом главным недостатком структурализма в целом является слишком сильная концентрация на звуковой стороне языка, что приводит к расцвету фонологии, однако вызывает целый ряд противоречий в области семантики. Говоря о структурализме, М. И. Стеблин-Каменский пишет: «...происходящие в течение последних тридцати лет искания новых методов лингвистического исследования отнюдь не привели к какой-то законченной и общепринятой системе взглядов. В анализе некоторых сторон языка, и прежде всего в анализе его звуковой стороны, они дали бесспорно положительные результаты; в анализе других его сторон такие результаты, по-видимому, еще не получены» (Стеблин-Каменский: 1974, 55).

Подводя итог, следует еще раз отметить, что структурализм отказывается рассматривать объект, или референт, как элемент структуры словесного знака, поэтому, как отмечает французский семиотик Л. Эбер, теории структуралистского толка не могут считаться референциальными (Hébert, 2010). Тем не менее, это все же не мешает многим представителям данного направления возвращаться к теории отражения как к базовому принципу формирования психической реальности.

Когнитивная лингвистика

Реакцией на методологическую ограниченность структурализма, непроницаемой стеной отделяющего язык от речи, а лингвистику от психологии, стало зарождение в 70 – 80-х гг XX в. когнитивного направления в языкознании. Одним из основных постулатов когнитивизма явилось утверждение о неразрывной связи языка и психики, из чего следовало представление о невозможности автономного изучения языковой системы как независимого, самодостаточного модуля сознания. Такой подход привел к радикальному пересмотру взглядов на природу словесного значения: с точки зрения когнитивистов, значение представляет собой не просто место слова в синтагматических и парадигматических рядах языковой системы или же акт референции, отсылающий слово к определенному объекту окружающего мира, а всегда соотносится с такими когнитивными образованиями, как знание, опыт и различные концептуальные структуры (Кубрякова 2004; Сулименко 2012; Evans 2012; Gärdenfors 1995; Geeraerts 2010; Johnson 1990; Lakoff 1987; Langacker 1990).

Одной из основополагающих работ когнитивизма считается книга Джорджа Лакоффа «Women, Fire and Dangerous Things», в которой он отстаивает точку зрения о том, что категориальная структура сознания обусловлена, в первую очередь, физическим опытом человека, а не является прямым соответствием онтологическим особенностям окружающего мира: «...общая, воспринимаемая нами структура объекта как частей и целого соотносится с нашим моторным взаимодействием с этим объектом и с функциями частей этого объекта (и нашим знанием этих функций). Важно понимать, что они не сугубо объективны и принадлежат действительности; скорее, они зависят от того, каким образом мы взаимодействуем с миром: как мы воспринимаем, представляем его, физически воздействуем на него и

получаем знание о нем»¹⁴ (перевод авт.) (Lakoff: 1987, 50). Как мы видим, Лакофф делает важный шаг в сторону преодоления объективизма, указывая на определенную независимость функциональной специфики элементов действительности от объективного положения дел в мире и подчеркивая важность физического опыта, полученного в результате контакта человека со своим окружением, для процессов концептуализации и категоризации действительности (см. также Barsalou 2008; Johnson 1987).

Тем не менее, полного отказа от принципов объективизма в концепции Лакоффа не происходит. Пытаясь объяснить причины возникновения прототипического эффекта (более подробно о прототипах см. пар. 1.1.3) в категориальной структуре слова *bachelor*, Лакофф пишет следующее: «Человек, о котором идет речь, отличается от прототипичного холостяка, если ИКМ (идеализированная когнитивная модель) *не в полной мере соответствует миру*, либо если этот человек не является неженатым взрослым мужчиной»¹⁵ (перевод авт.) (*курсив мой*) (Lakoff: 1987, 70). Следует отметить, что, с точки зрения Лакоффа, сознание представляет собой модульную структуру, состоящую из целого ряда абстрактных сценариев опыта, которые он называет идеализированными когнитивными моделями. Этот, безусловно, положительный момент теории осложняется тем, что Лакофф рассматривает ИКМ с точки зрения их соответствия миру, признавая тем самым возможность существования объективных свойств действительности, независимых от человеческого сознания. Сознание же в данной концепции представляет собой своеобразный фильтр, способный под действием физического опыта человека в модифицированном виде репрезентировать свойства объективной действительности, создавая

¹⁴ «...the overall perceived part-whole structure of an object correlates with our motor interaction with that object and with the functions of the parts (and our knowledge of those functions). It is important to realize that these are not purely objective and "in the world"; rather they have to do with the world as we interact with it: as we perceive it, image it, affect it with our bodies, and gain knowledge about it»

¹⁵ «The person referred to deviates from prototypical bachelorhood if either the ICM (i.e. idealized cognitive model) *fails to fit the world perfectly* or the person referred to deviates from being an unmarried adult man»

несколько упрощенные модели реальности. Именно эта упрощенность, приводящая к недостаточно полному соответствию между ИКМ и окружающим миром, который представляет собой заведомо более сложное образование, приводит к возникновению прототипического эффекта в случае со словом *bachelor*. Как пишет Лакофф, «в соответствие с этой ИКМ, холостяк – это просто неженатый взрослый мужчина»¹⁶ (перевод авт.). Тем не менее, по мнению исследователя, *в мире* существуют пограничные случаи, такие как Папа Римский или Тарзан. Обладая характеристикой «неженатый взрослый мужчина», они все же не являются полноправными членами категории, т.к. обладают более сложным комплексом свойств, чем тот, который получил «отражение» в ИКМ. На этом основании автор относит Папу Римского и Тарзана к периферийным членам категории.

Такая интерпретация лингвистического материала, на наш взгляд, не лишена определенного ряда проблем. Во-первых, здесь вновь возникает вопрос о статусе исследуемой единицы. Не совсем понятно, что же представляет собой *bachelor* в концепции Лакоффа: это слово, модель, образ или понятие? Не ясна и природа ИКМ: автор настаивает на ее экстралингвистическом характере, но при этом использует языковые средства для ее описания, ведь «неженатый взрослый мужчина» (*an unmarried adult man*) – это прежде всего словосочетание, а не просто некий абстрактный комплекс свойств.

Если же попробовать преодолеть эту неопределенность и рассматривать *bachelor* как слово, то сама возможность его употребления по отношению к Папе Римскому вызывает большие сомнения. Так, в одном из наиболее обширных корпусов современного английского языка, *Corpus of Contemporary American English (COCA)*, употребление слова *the pope* в пределах 10 слов до и после слова *bachelor* не зафиксировано в принципе. В Интернете такое употребление было обнаружено нами исключительно в статьях, посвященных лингвистической проблематике. Безусловно, это еще

¹⁶ «with respect to this ICM, a bachelor is simply an unmarried adult man»

не является достаточным основанием, чтобы утверждать, что характеристика Папы Римского как *bachelor* невозможна в принципе. Но если обратить особое внимание на функциональную природу данного словесного знака, то не трудно будет заметить, что *bachelor* предполагает наличие еще неиспользованной возможности установления длительных стабильных отношений с представительницей противоположного пола. В этом отношении, *bachelor* – это не просто «неженатый взрослый мужчина», а скорее – потенциальный жених. Не случайно в число наиболее распространенных типов вводящего контекста входят сочетания *an eligible bachelor* (мужчина, который рассматривается обществом как выгодная партия для любой женщины), а *confirmed bachelor* (мужчина, который начинает восприниматься как «потерянный» для представительниц женского пола). В этом отношении интересна цитата из СОСА: I have been asked this by *so many women* -- you are a bachelor. Mr-LAMB: That's true. BRAVER: Are you a *confirmed bachelor*? Mr-LAMB: No. BRAVER: So *there's still hope* out there? Mr-LAMB: Hope for me, I hope. Yes (2002 (20021013) Washington Monument; Brian Lamb, founder of C-SPAN CBS_Morning). Как мы видим, слово *bachelor* предполагает наличие определенных общественных ожиданий, что в случае с Папой Римским звучит несколько абсурдно, т.к. Папа Римский находится вне данного типа социальных отношений. Таким образом, отнесение Папы Римского к периферии категориальной структуры *bachelor* является, на наш взгляд, отвлеченным теоретическим конструктом, а не результатом наблюдений над конкретными фактами речевого поведения человека. Это лишний раз подтверждает нашу убежденность в том, что объективистская позиция, утверждающая возможность существования более или менее точного соответствия между моделями, присутствующими в человеческом сознании, и онтологическими особенностями окружающей действительности, приводит к искаженному представлению о природе языковой картины мира человека.

Такой когнитивный вариант объективизма, постулирующий наличие в человеческом сознании различных фильтров, пропускающих через себя информацию, поступающую из объективной реальности, особенно широко распространен в отечественном языкознании: «для концептуалистов, позиция которых нам наиболее близка (в ее материалистической ориентации), за разными частями речи стоят разные когнитивные (концептуальные) структуры, но в общем это соответствует онтологии мира, с той, однако, оговоркой, что мир «как он есть» пропущен все же через голову человека и отражен там поэтому в том виде, в каком он и его восприятие ограничено, во-первых, биологически (тем, что свойственно человеку как определенному живому организму), во-вторых, социально (в широком понимании этого условия, т.е. включения в него всего того, что делает человека детищем своего времени, своей эпохи, цивилизации, своего общества и т.п.) и, в-третьих, прагматически, что предполагает оценку воспринятого по его значимости для совершаемой человеком деятельности и его общего благополучия (выживания)» (Кубрякова 2004: 98; см. также Ревзина 2004; Стернин 2002; Lyons 1991).

Если признать факт наличия в человеческом сознании таких трех мощнейших фильтров, то возникает вопрос: существуют ли хоть какие-то «обрывки» информации, которые доходят до человека в неизменном виде, донося до нас сведения о мире «как он есть»? И где же тогда проходит граница, отделяющая субъективное восприятие от объективно заданных и всего-навсего отраженных человеческим сознанием параметров? Аргументируя свою точку зрения, Кубрякова приводит в пример скоординированность в природе различных признаков: «плавники и чешуя рыб в отличие от крыльев, клюва и перьев птиц» (там же: 80). Но здесь возникает новый вопрос: а существуют ли в природе плавники и чешуя независимо от самих рыб, а крылья, клюв и перья – независимо от птиц, или же выделение данных элементов материального мира в отдельные объекты является продуктом чисто человеческого взгляда на мир с присущими

исключительно человеку особенностями категоризации опыта? Представляется сомнительным, что кошка, увидев плавающую в аквариуме рыбку, с точностью может определить, где проходит граница между телцем рыбки и ее плавниками. Скорее всего, для кошки сама рыбка и ее плавники являют собой единый нечленимый элемент окружающей действительности, входящий в разряд вкусного лакомства.

В последние годы, однако, наметилась положительная тенденция в когнитивистике, связанная со все большей ориентацией исследователей на изучение словесных знаков в конкретных речевых произведениях (Evans 2006; Porto Requejo 2007). Как пишет Вивиан Эванс в одной из своих статей: «значение не является функцией языка как такового, а рождается в процессе использования языка»¹⁷ (перевод авт.) (Evans 2006: 491). Подобный акцент на реальное употребление слов в речи является принципиальным, т.к. все же свидетельствует об отказе от исконно объективистского положения о том, что словесное значение являет собой *непосредственный* коррелят некоего объекта внешней действительности. В результате на смену объективистским представлениям о значении как об изолированном одиночном акте референции приходит мысль о его обусловленности конкретным речевым контекстом, взаимосвязью слов в конкретных словесных цепочках.

Подводя итог, отметим еще раз, что значительным достижением когнитивной лингвистики является отказ от чисто формального подхода к языку и попытка объяснить явления языковой действительности с учетом биологических особенностей человека как живого организма. Тем не менее, эта попытка в большинстве случаев обречена на провал, т.к. несмотря на обширную критику объективизма, основное положение данного философского направления о возможности существования соответствий между человеческим сознанием и онтологической структурой окружающего мира до сих пор разделяется многими современными учеными.

¹⁷ «meaning is not a function of language per se, but arises from language use»

Функционально-ориентированные подходы к изучению словесного знака

Функционализм представляет собой не столько единую лингвистическую теорию, сколько совокупность различных подходов, объединенных общим методологическим принципом, утверждающим необходимость изучения конкретных речевых произведений с целью выявления особенностей функционирования словесного знака в речи. Девизом данного методологического направления можно считать высказывание Л. Витгенштейна о том, что значение слова – это его использование в речи (Wittgenstein 1986).

Как пишет О. В. Лещак, «объектом исследования в функциональной методологии лингвистики является языковая деятельность обобществленного индивида как единственная онтически реальная форма существования кода человеческой коммуникации...» (Лещак 1997: 17). Это высказывание представляется нам принципиальным, т.к. указывает на значительный сдвиг в понимании природы объекта лингвистических исследований. Изучается теперь не язык как абстрактная система знаков, а «языковая деятельность» социума, представленная совокупностью конкретных речевых произведений.

Пересмотру подвергается и ставшее классическим определение языка как знаковой системы: «...знаковость языка не является его сущностью, его системообразующим фактором. Язык возникает и существует не для того, чтобы быть знаковой системой... Адекватное определение языка должно быть не субстанциональным (как определение в качестве знаковой системы), а функциональным» (Рудяков 2012: 5). В основу определения языка, с точки зрения автора, должна быть положена его прагматическая функция как «знакового орудия воздействия, или регуляции» (там же, 7). Это утверждение основывается на одном из важнейших постулатов функционализма, устанавливающих приоритет функции над формой: именно функция должна объяснять форму, а не наоборот (Кибрик 2016; Олешков 2006). «Функция формы рассматривается нами как ее значение» (Левицкий 2010: 35), причем

под функцией понимается роль, присущая «данному знаку в речевом процессе» (Гулыга 1967: 15). Что касается слова, то оно начинает определяться прежде всего как элемент текста, созданного для решения определенной проблемы опыта, а его значение соотносится с той функцией, которую оно выполняет в структуре высказывания.

Распространение идей функционализма в лингвистике во многом связано с появлением электронных баз данных, корпусов, которые обусловили доступность обширного языкового материала и относительную легкость его обработки. Корпусы открыли перед учеными новые возможности, позволив обрабатывать большее количество информации в более сжатые сроки, а кроме того, вести более точный статистический учет различных типов словоупотребления. Зарождение корпусной лингвистики привело к все большему отказу от интроспективных методов анализа, результаты которого напрямую зависят от лингвистической компетенции исследователя, а следовательно не могут считаться объективными (Labov 1972; Xiao 2008) (вспомним, например, аргумент Патнема «Дубль Земля» или рассуждения Лакоффа о периферийности Тарзана и Папы Римского в категории *bachelor*, основанные исключительно на интуиции ученых) и обеспечило переход к социально ориентированной лингвистике, изучающей реальную речевую деятельность различных членов социума.

Эти методологические установки лежат в основе многих современных лингвистических исследований как в России, так и зарубежом. К функционально-ориентированным подходам можно отнести следующие: функциональная лингвистика Халлидея (Butler, Gómez-González, Doval-Suárez 2005; Dik 1997; Halliday 1985; Halliday, Webster 2009; Harder 1996; Mwihaiki 2004; O'Donnell 2011-2012), корпусная лингвистика (Hanks 2000, 2013; Kilgarriff 2003), французский конструктивизм (Culioli 1990, 2002; Derradji 2014; Franckel, Paillard 1998; Lebas-Fraczak 2009; Paillard 2000, 2002; Pauly 2014), теория интеграционизма (Harris, Hutton 2007; Harris 2005), лингво-антропологический подход (Лукьянова 2004; Толочин 2012, 2014).

Все перечисленные здесь работы так или иначе связаны с представлением о том, что слово как единица языка не может иметь значение вне контекста. Значение слова напрямую зависит от желаемого коммуникативного эффекта всего высказывания и в этом отношении представляет собой функцию контекста.

Еще одной важной особенностью функционализма является его антропоцентризм. «Функциональное направление в основе своей ориентировано на языковую личность, которая, в свою очередь, признается лингвистами «центром всех систем». Функциональный подход «высвечивает» проблемы, связанные с человеческим фактором, пересекаясь с еще одним «установочно-познавательным принципом» современной лингвистической парадигмы – антропоцентризмом» (Искандарова, Мурясов 2013: 83). Пожалуй, наиболее ярко антропоцентрические установки функционализма как широкой научной парадигмы проявляются в лингво-антропологическом подходе, разрабатываемом петербургской лингвистической школой под руководством И. В. Толочина. Его особенность заключается в ориентации на достижения биосемиотики и философии биологии, рассматривающих знаковую как свойство биологического организма, воспринимающего окружающую действительность сквозь призму своих потребностей (см. параграф 1.1.1). Это приводит к особому пониманию функции словесного знака в тексте.

Будучи аналитической знаковой системой, язык позволяет человеку «создавать модели своих потребностей и способов их удовлетворения» (Толочин 2014: 15) за счет членения ситуации на стабильные комплексы. «Элементы, позволяющие человеку моделировать свой опыт, мы и будем называть словами» (там же). *Основная функция слова, таким образом, заключается в передаче стабильного комплекса эмоционально-оценочных переживаний в рамках заданной ситуативной модели, предвосхищая определенный тип опыта в процессе контакта человека с окружающей действительностью.* Словесный знак как конституирующий элемент

речевого произведения, таким образом, реализует в тексте фиксированный комплекс свойств опыта, в связи с чем *словесное значение* можно определить как «закрепление в знаковой системе значимых для человека аспектов опыта, обеспечивающих ему успешное взаимодействие с материальной средой» (Толочин 2012: 136).

Значительным преимуществом такого подхода, с нашей точки зрения, является признание ключевой роли эмоционального состояния человека в знаковых процессах, преодолевающее до сих пор актуальный картезианский дуализм. Если в классической теории эмоциональная составляющая рассматривается как второстепенный по отношению к денотативному ядру, «коннотативный» компонент значения, то в функциональной лингво-антропологической концепции именно совокупность психических состояний, связанных с избирательно-оценочным отношением человека к своему окружению, кладется в основу феномена значимости.

Наше исследование было проведено с применением основных принципов функциональной методологии в ее лингво-антропологической интерпретации. В связи с этим под *словесным значением в данной работе мы будем понимать функцию словесного знака в тексте, рассматриваемую как реализация стабильного комплекса эмоционально-оценочных переживаний, полученных в процессе контакта человека с окружающим материальным миром по поводу удовлетворения определенной потребности.*

Дав рабочее определение словесному значению и обосновав методологические принципы, положенные в основу исследования, обратимся к более конкретному вопросу, связанному со структурой полисемии словесного знака. Рассмотрим различные подходы к изучению данного явления и охарактеризуем наше собственное понимание полисемии в рамках заданной методологии.

1.1.3 Полисемия в контексте различных направлений в лингвистике XX – XXI вв.

Полисемия как феномен многозначности в языке издавна привлекает к себе внимание исследователей. Тем не менее, в литературе по языкознанию до сих пор нет единого представления ни о причинах возникновения данного явления в естественных языках, ни о структуре значения полисемантов. Каждый конкретный подход к исследованию полисемии напрямую зависит от теоретических взглядов автора на природу словесного значения и знаковости в целом.

Одно из наиболее распространенных определений полисемии связывает данное явление с процессом отражения свойств объективной реальности в человеческом сознании. Как пишет А. И. Смирницкий, «многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с безграничным многообразием реальной действительности. Количество отраженных в нашем сознании моментов действительности и количество понятий оказывается большим, чем количество отдельных самостоятельных единиц для их отображения средствами языка» (Смирницкий 1998: 156). Явление полисемии, таким образом, связывается с наличием асимметрии между многообразием отраженных в нашем сознании понятий и ограниченностью языковых средств для их выражения. Такой взгляд на природу многозначности словесных знаков приводит к трактовке полисемии как способности «одного слова обозначать (называть) разные предметы и явления действительности» (Алефиренко 2014: 68). Как нетрудно заметить, данное определение основано на теории референции: слово может соответствовать нескольким различным предметам в материальном мире, что обуславливает его многозначность в системе языка.

Что касается структуры значения полисеманта, то в рамках данной концепции принято выделять основной прямой номинативный вариант значения как основу, от которой тем или иным способом образованы все

остальные (переносные или производные) ЛСВ. «Рассматривая семантическую структуру этого же слова в синхроническом плане, выявляют прежде всего прямое или номинативное значение, т.е. значение, служащее для наименования предмета, явления или в данном случае признака даже вне контекста... Прямому значению противопоставляется переносное, которое имеет место в том случае, когда название одного предмета, явления или признака переносится на другой, имеющий что-либо общее с первым» (Арнольд 2012: 62, см. также Виноградов 1977). Первичность значения, таким образом, обусловлена первичностью самого объекта, который по той или иной причине получает наименование первым. На наш взгляд, такой подход в большей степени применим к исследованиям диахронического типа, где важно проследить хронологическую последовательность развития ЛСВ. В синхронии же далеко не всегда можно с точностью определить, какой из объектов, называемых данным словом, является основным, а следовательно соответствует прямому номинативному ВЗ. «Аналогичным образом, непросто определить понятийную отнесенность существительного *agent*, включающего одновременно, согласно COD, понятие человека и неодушевленного объекта... WNCD и OALDCE разграничивают соответственно ЛСВ, обозначающий человека, и ЛСВ, указывающий на неодушевленный предмет, и при этом первыми в словарных статьях представлены разные значения» (Лещева 2014: 107-108). Как известно, основной НВЗ приводится в словарных статьях первым, в связи с чем различная предметная отнесенность первых ЛСВ говорит о том, что НВЗ в данных словарях соответствует разным объектам внешнего мира.

Еще одна особенность НВЗ заключается в его оторванности от функциональных свойств человеческого опыта. В рамках денотативно-референциального подхода признается наличие четкой границы между двумя аспектами словесного значения – предметно-понятийным основанием, или денотативным ядром, которое является нейтральным и не зависит от особенностей человеческого восприятия, и эмоционально-оценочными

составляющими, или коннотациями, играющими второстепенную роль в структуре значения словесного знака. Прямой НВЗ соответствует денотативному ядру, направлен непосредственно на предмет, а следовательно полностью лишен эмоционально-оценочных характеристик. В том случае, если слово стилистически окрашено, признается наличие у него прямого номинативно-коннотативного или коннотативно-номинативного значения как базового ЛСВ, однако, такие слова представляют собой лишь отдельный пласт лексики. У абсолютного большинства лексических единиц в составе языка основной ВЗ считается прямым номинативным, т.е. нейтральным по отношению к человеку. «Большинство составных наименований при прямой соотнесенности с соответствующими денотатами выполняет функцию номинации, не осложненной какими-либо коннотативными компонентами – эмоционально-оценочными или экспрессивными. Используя терминологию Ю. П. Солодуба, назовем такие единицы СН с **прямым номинативным значением**... Подобные СН являются средством указания на предмет или фрагмент действительности и характеризуются принципиальной невключенностью в значение коннотативных наслоений» (Чепкова 2008: 69). На практике такая четкая дифференциация между денотативным ядром и коннотациями приводит к возникновению многочисленных противоречий в лексикографии, о чем более подробно речь пойдет в следующей главе (см. параграф 2.2).

В рамках популярной в настоящее время когнитивной парадигмы происходит переосмысление полисемии с учетом концептуальной структуры человеческого сознания. «Полисемия... есть результат вторичного использования имени для номинации понятий, связанных в нашем сознании определенными концептуальными отношениями, которые благодаря семантической номинации как бы застывают, отпечатываются в семантике слова в виде внутрисловных семантических связей» (Лещева 2014: 149). Явление полисемии рассматривается здесь как следствие наличия многочисленных взаимосвязей между различными концептами в сознании

человека. По сути своей, однако, данный подход остается референциальным: концепт соответствует объективной действительности, а слово соответствует концепту, что возвращает нас к семантическому треугольнику Огдена и Ричардса, в котором словесный знак отсылает к объекту через понятие.

Что касается структуры словесного значения полисеманта, то здесь тоже нет радикальных изменений по сравнению с денотативно-референциальным подходом: признается существование основного, или, в когнитивной терминологии, прототипического, ЛСВ, от которого тем или иным способом образованы все остальные ВЗ, образующие сложную семантическую сеть (Мерзлякова 2007; Плунгян, Рахилина 2000; Попова, Бобнев 2012; Lakoff 1987; Langacker 1990).

Термин «прототип» был впервые предложен Элеонорой Рош, которая, занимаясь исследованием категориальной структуры человеческого сознания, заметила, что категории обладают радиальной природой, т.е. имеют центр и периферию. В центре каждой категории находится прототип - наиболее типичный представитель данной категории, который часто связывают со зрительным образом (Rosch 1978; Фрумкина и др. 1991).

Эта теория оказала значительное влияние на представление о семантической структуре слова. В когнитивной лингвистике принято считать, что семантические структуры тесно связаны с концептуальными структурами и, следовательно, имеют те же самые принципы организации. Вследствие этого, систему значений слова рассматривают как лексическую сеть, в центре которой находится прототип, или прототипическое значение. Остальные же ВЗ представляют собой менее значимую периферию и выводятся из базового прототипического значения по определенным правилам: либо изменение параметров ситуации, либо ее метафоризация.

Значительным достоинством когнитивной лингвистики является тот факт, что здесь все более важная роль отводится коннотативным аспектам значения. Признается наличие эмоционально-оценочной составляющей в базовом ЛСВ у все более широких пластов лексики, что связано с

антропоцентризмом когнитивной парадигмы, в центре внимания которой находится языковая личность как носитель языковой картины мира. «В структуре качественных прилагательных мы выделяем основное значение – это информация об объективном чувственно воспринимаемом признаке, его образное целостное представление. Оно является контекстуально необусловленным, наиболее частотным, устойчивым, продуктивным и немотивированным... в структуру основного (прототипического) значения включается коннотативный компонент – «совокупность... закрепленных в культуре данного общества ассоциаций» (Кобозева И. М.), связанных с данным признаком и включающих логические, эмотивные и оценочные элементы, которые складываются в стереотип» (Мерзлякова 2007: 119, см. также Чумаченко 2009). Как мы видим, здесь признается важность коннотации как культурного стереотипа, ассоциируемого с тем или иным словом. Однако, сам принцип разделения аспектов значения на денотативное и коннотативное предполагает возможность их существования независимо друг от друга, что, с точки зрения биосемиотики, представляется сомнительным, т.к. знаковость неразрывно связана с *оценкой* организмом своего окружения. В связи с этим любое слово как элемент знаковой системы является, прежде всего, средством оценки.

Интересная критика прототипического подхода в семантике представлена у Т. Г. Скребцовой (Скребцова 2011: 164-166). Как отмечает автор, «остаются неясными многие аспекты архитектуры сети». Не совсем понятно, например, «чему соответствуют узлы и связи в сети: абстрактным смыслам или типовым употреблениям». Недостаточно четко определена и природа центрального узла: «является ли он схемой, неким «идеальным» значением или прототипом категории?» (там же, 165-166). Как утверждает Мерзлякова, основной прототипический ВЗ «является контекстуально необусловленным», что говорит в пользу его интерпретации как некоего «абстрактного смысла», принадлежащего языку, а не речи. В связи с этим

встает вопрос о правомерности присвоения прототипу статуса отдельного ЛСВ.

Еще одним недостатком прототипического подхода в семантике является несогласованность критериев выделения прототипического значения. Дж. Лакофф и К. Бругман, например, наиболее типичные случаи употребления предлога *over* иллюстрируют примерами типа *The plane flew over the hill* (*over* ~ *across*), в то время как Р. Дьюэлл в качестве центрального выделяет значение данного предлога во фразах типа *The dog jumped over the fence*, где основным элементом ситуации оказывается движение по арке или полукругу (цит. по Филипенко 2000). В целом, выделяя прототипическое и периферийные значения, авторы опираются, главным образом, на свое собственное интуитивное восприятие семантики слова, в связи с чем многочисленные разногласия оказываются неизбежны.

В функционально-ориентированных подходах такая неопределенность природы изучаемого объекта преодолевается за счет того, что полисемия определяется как существование нескольких различных типов употребления у одного и того же словесного знака. Процесс разграничения вариативности, таким образом, связывается с процессом типологизации контекстов. «Лингвистическая семантика, которая стремится работать с формами и рассматривает значение исключительно как функцию языкового материала, нацелена не на изучение мира, а на изучение языка, текстов, высказываний»¹⁸ (перевод авт.) (Pauly 2014: 195).

Тем не менее, в последнее время зависимость слова от контекста все чаще доводится до крайности, и многие авторы начинают скептически относиться к вопросу о возможности четкого разграничения отдельных ВЗ у словесного знака (Atkins, Rundell 2008; Hanks 2000; Kilgarriff 2003). Признается наличие у слова смыслового потенциала, представляющего собой открытый, прототипически структурированный список характеристик,

¹⁸ «Une sémantique linguistique, qui s'impose de rester dans les formes et considère le sens comme provenant du seul matériau verbal, ne travaille pas à observer le monde mais la langue, les textes, les énoncés»

который реализуется в речи в различных комбинациях составляющих его элементов. В каждом конкретном случае употребления контекст вносит некоторые «поправки» в смысловой потенциал, в результате чего словесное значение становится функцией каждого конкретного контекста (см. также прагматический подход к исследованию полисемии (Carston 2002; Falkum 2011; Sperber, Wilson 1998)). Структура полисемии словесного знака в рамках данной концепции распадается на множество конкретных случаев употребления, что ставит под сомнение саму возможность адекватного лексикографического описания слова (Harris, Hutton 2007).

В данной работе мы будем придерживаться менее радикальных взглядов и попробуем продемонстрировать возможность четкого разграничения ЛСВ на основе типологизации контекстов в зависимости от характера решаемой в тексте проблемы. Вслед за И. В. Толочиним мы будем рассматривать целостное значение слова как «взаимосвязь двух категорий – родовой и интегральной». «Родовая категория представляет собой синтаксический аспект значения слова, определяя его место по отношению к другим словам в словесной последовательности», а интегральная категория объединяет в отдельном слове «комплексное человеческое переживание, представляющее какой-либо аспект потребностей, заставляющих человека взаимодействовать с себе подобными и со всем своим окружением» (Толочин 2014: 50-51). Интегральная категория (ИК) закреплена за корневой морфемой и представляет собой функциональную основу всех употреблений в речи однокоренных словесных знаков (возможность выделения интегральной базы словесного значения активно обсуждается в работах французских лингвистов, однако, в отличие от лингво-антропологического подхода она рассматривается здесь либо как формализованная схема (Culioli 1990; Derradji 2014; Pauly 2014), либо как гештальт (Cadiot, Visetti 2001)). Реализация одной и той же интегральной категории в различных сферах опыта и приводит к возникновению явления полисемии. *«Полисемия, в сущности, оказывается не существованием у одного знака различных значений, а возможностью*

реализации одной и той же интегральной категории слова в различных сферах опыта в совокупности с различными вариантами синтаксической сочетаемости, обеспечиваемыми структурой родовой категории» (Толочин 2014: 145).

Возможность выделения отдельных ЛСВ обеспечивается существованием стабильных принципов использования слова в различных ситуативных моделях опыта. Что касается структуры значений полисеманта, то в рамках лингво-антропологического подхода признается возможность существования целого ряда основных ВЗ, которые являются равноправными случаями реализации ИК и находятся друг с другом в отношениях функциональной аналогии. Кроме основных существуют еще и производные ЛСВ, образующиеся от основных благодаря метонимическому расширению контекстуальных возможностей слова в рамках определенной ситуативной модели.

Такой подход позволяет избежать противоречий в выделении одного единственного базового ВЗ. Как мы уже отмечали выше, существуют случаи, когда разные словари по-разному определяют предметно-понятийную отнесенность основного НВЗ. В когнитивной лингвистике статус прототипического ВЗ также иногда присваивается ЛСВ с разной концептуальной отнесенностью. Это говорит о том, что во многих случаях синхронный анализ языкового материала не позволяет с точностью установить приоритет одного ВЗ над другим. Признание равноправности нескольких функционально аналогичных типов словоупотребления в различных ситуативных моделях позволяет решить данную проблему и более адекватно описать особенности функционирования слова в речи.

Таким образом, также как и у Хэнкса и Килгарриффа в данной концепции признается наличие у слова определенного семантического потенциала на уровне языка, который затем определенным образом реализуется в речи. Существенная разница, однако, заключается в том, что этот семантический потенциал (ИК) рассматривается не как совокупность

дискретных признаков, а как комплексное эмоционально-оценочное переживание, обеспечивающее слову функциональную целостность и позволяющее ему быть адекватно использованным и понятым в целом ряде различных ситуаций.

Понимание *ЛСВ* как *стабильной модели лексико-синтаксической сочетаемости слова в определенной сфере опыта* позволяет, на наш взгляд, более системно описать структуру значения полисеманта на основе анализа конкретных речевых произведений. Достоинства данного подхода будут более подробно продемонстрированы на примере английского слова *fire* в третьей главе данной работы.

1.1.4 Фразеология в контексте полисемии

Фразеологические единицы традиционно выносятся за рамки полисемии словесного знака и рассматриваются как качественно новые образования, возникшие в результате переосмысления свободных словосочетаний (Алефиренко 2008; Ковшова 2012; Мокиенко 1980). В словарях они, как правило, приводятся списком, расположенном в алфавитном порядке за пределами основной словарной статьи, описывающей структуру полисемии одного из слов в их составе.

В последнее время, однако, происходит пересмотр данной концепции, связанный с возникновением нового понимания процессов фразеологизации. Толчком к этому послужила теория концептуальной метафоры, предложенная Лакоффом и Джонсоном в знаменитой статье «Метафоры, которыми мы живем» (Лакофф, Джонсон 1990). Метафоризация была переосмыслена авторами с учетом идей о модельной организации сознания (Минский 1979; Fillmore, Atkins 1992; Gioia, Poole 1984; Schank, Abelson 1975; Tannen 1985), согласно которым свойства человеческого опыта представлены в нашем сознании в виде совокупности стереотипных, часто повторяющихся

ситуативных моделей – фреймов, скриптов или сценариев¹⁹. С тех пор метафоризация стала рассматриваться не просто как единичные случаи использования слова или выражения в переносном значении, а как системное соотношение между ситуацией-источником и целевой ситуативной моделью, порождающее целый ряд функционально схожих метафор.

Многие авторы отмечают применимость данной концепции и к анализу ФЕ. М. Омазич, например, указывает на наличие у ФЕ тесной ассоциативной связи с ситуацией-источником: «Безусловно, источник возникновения большинства непрозрачных идиом неизвестен даже носителям языка и кажется лишенным смысла, однако они все еще вызывают образы и основаны на метафорических или метонимических концептах, которые мы затем используем для их интерпретации... слова нагружены мощными символами, отношениями и образами, возникающими в нашем сознании, когда мы пытаемся истолковать идиому, в состав которой входит какое-то слово»²⁰ (перевод авт.) (Omazic 2008: 70). Важно подчеркнуть, что под ситуацией-источником мы понимаем тот мотивирующий контекст, ассоциации с которым возникают у говорящего при использовании той или иной ФЕ на современном этапе развития языка. В целом ряде случаев он может отличаться от этимологического источника соответствующей ФЕ.

Как отмечают некоторые исследователи, идиоматические выражения систематически соотносятся с тем или иным типом концептуальной метафоры или метонимии (Gibbs 1995), что говорит о возможности их объединения в общие тематические блоки.

Системный подход к исследованию процессов фразеологизации разрабатывается в настоящее время и в лингво-антропологической школе лингвистики. ФЕ рассматривается здесь как заимствование некоего отрезка

¹⁹ В некоторых работах эти термины не синонимичны: они используются для обозначения единиц, принадлежащих к разным уровням структурной иерархии. Но для целей данного исследования такого типа различия непринципиальны.

²⁰ «Of course, the origin of most opaque idioms is unknown even to native speakers and appears to be nonsensical, but they still evoke images and are based on the metaphorical or metonymic concepts that we subsequently use to interpret them... words are loaded with powerful symbols, relationships and images that we evoke when we attempt to interpret an idiom in which a word occurs»

текста из ситуации-источника в иную ситуативную модель, обусловленное существованием функциональной аналогии между исходной контекстуальной сферой и заимствующим текстом (Лукьянова 2012; Толочин, Лукьянова 2008; Толочин 2014; Loukyanova 2012; Lukianova, Tolochin 2013). Целью такого заимствования является акцентирование наиболее важных функционально-оценочных параметров моделируемой ситуации за счет сохранения ассоциативной связи с ситуацией-источником. Все слова в составе идиомы сохраняют свою исходную категориальную структуру, в результате чего возникает ощущение двойственности, а сама идиома воспринимается как инородный элемент в структуре целевого текста.

Итак, в последнее время процесс фразеологизации часто трактуется как результат системного соотнесения ситуативных моделей, фреймов, или концептов (в когнитивной лингвистике), а не просто как единичные случаи переосмысления конкретных словосочетаний. Представляется перспективным применение данного подхода в лексикографии для систематизации ФЕ за счет их соотнесения с исходными моделями опыта. Мы предприняли такую попытку в третьей главе данного исследования (см. параграф 3.6) и на примере фразеологических единиц с компонентом *fire* попытались показать возможность и целесообразность их объединения в общие тематические блоки с целью эксплицировать связанные с ними ассоциации у носителей английского языка.

1.2 ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА

1.2.1 Методологические трудности в определении термина «текст» и их возможные причины. Функциональное определение текста. Хронотоп.

Являясь одним из ключевых терминов в лингвистике и главным предметом ее исследования, текст до сих пор не имеет четкого общепринятого определения. Во многом, это связано, по-видимому, с тем, что, выделившись в отдельную самостоятельную науку в начале XX века,

лингвистика провозгласила главным объектом своего исследования язык, отделив его от речи. Как мы уже говорили выше, Фердинанд де Соссюр предложил рассматривать язык и речь как два различных явления и призывал изучать «язык в самом себе и для себя», т.е. язык как систему, а не реализацию этой системы в речи, а следовательно, и в тексте (Соссюр 1977: 267).

Структурализм играл определяющую роль в лингвистике вплоть до второй половины XX века, когда Дж. Остин обратил внимание лингвистов на необходимость исследовать не только формально-логическую структуру языка, но и его реализацию в речи, прагматический аспект его использования (Остин 1986). Однако, с точки зрения Дж. Остина, единицей речевого общения является еще не текст, а высказывание, которое считается достаточным для изучения отрезком речи (см. также Серль 1986). В настоящее время многие лингвисты отмечают ограниченность такого подхода, уделяя все более пристальное внимание тексту во всей его полноте и сложности структурной организации, что связано с развитием новой области лингвистики – лингвистики текста. В рамках данного подхода, однако, также не существует единого определения текста, что вызвано рядом методологических противоречий.

Обращаясь к исследованию текста, многие авторы, на самом деле, ограничиваются изучением отдельных высказываний, при этом под высказыванием часто понимается предложение. Наиболее ярким примером подобной методологической непоследовательности является, пожалуй, высказывание Ю. С. Степанова: «Не будем сейчас вдаваться в определения «системы» в отличие от «текста» (...мы полагаем, что все лингвисты достаточно ясно представляют себе это различие). Возьмем только по одной единице того и другого... В качестве единицы системы возьмем имя, а в качестве единицы текста – высказывание (в форме предложения)» (Степанов 1995: 111, см. также Золотова 1995). Мы видим, что Ю. С. Степанов также отождествляет текст и предложение. Интересно, однако, отметить его

оговорку, что все лингвисты достаточно ясно представляют себе различие между «системой» и «текстом», в которой, по всей вероятности, кроется еще одна причина того, что единое определение текста до сих пор не выработано. Понятие «текст» представляется настолько естественным и интуитивно понятным, что, казалось бы, не нуждается ни в каких дополнительных пояснениях (Кубрякова 2001).

Проблема границы текста связана не только с вопросом о соотношении текста и высказывания. Нерешенным остается и вопрос о нижней границе текста. Можем ли мы, например, считать, что надпись типа "Вход" или "Гастроном" - это тоже текст? (Кубрякова 2001). С точки зрения Е. С. Кубряковой, признание таких надписей текстом нецелесообразно, т.к. текст - это структурированное образование, отличающееся от единицы номинации тем, что сообщает о чем-либо в виде коммуникативно-ориентированного произведения, которое характеризуется такой базовой чертой как связность (Кубрякова 2001). Главный аргумент Е. С. Кубряковой заключается в том, что отдельное слово не обладает базовыми характеристиками текста, такими как связность и коммуникативная ориентация. С нашей точки зрения, однако, подобные надписи не ограничиваются лишь номинативной функцией. Они представляют собой знаковые ориентиры, способствующие моделированию нашего поведения по поводу какой-либо потребности, и в этом смысле обладают коммуникативной направленностью. Кроме того, будучи элементом какой-то конкретной ситуации, надпись «Гастроном» не является изолированной, а вступает в связь с другими элементами ситуации, образующими целостную языковую модель, и следовательно не является лишь единицей номинации.

Отказывая однословным надписям в статусе текста, Е. С. Кубрякова, тем не менее, относит к текстам заголовки, указывая на то, что они информационны, самодостаточны для интерпретации, имеют своего адресата и преследуют вполне ясные цели (Кубрякова 2001). Не говоря уже о том, что заголовки могут состоять из одного слова и, следовательно, могут быть

лишены связности, они, безусловно, не являются самодостаточными для интерпретации, т.к. смысл заголовка полностью раскрывается лишь в следующем под ним тексте. Кроме того, вряд ли можно отрицать, что надписи типа «Гастроном» тоже имеют адресата и преследуют вполне ясные цели – привлечь внимание потенциального покупателя, сообщив ему о функции данного здания.

Подобные противоречия возникают вследствие недостаточно четко выработанных критериев определения текста. Как отмечает сама Е. С. Кубрякова, говоря о тексте, разные авторы указывают на разные стороны этого явления: Д. Н. Лихачев - на существование его создателя, реализующего в тексте некий замысел; О. Л. Каменская - на основополагающую роль текста как средства вербальной коммуникации; А. А. Леонтьев - на функциональную завершенность этого речевого произведения и т. д. (Кубрякова 2001).

Одним из самых цитируемых определений текста в литературе по вопросу является определение И. Р. Гальперина, согласно которому «текст - это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 1981). Нетрудно заметить, что акцент здесь делается на структурно-формальных характеристиках текста, таких как: наличие составляющих текст единиц, объединенных разного рода связями, а также – фиксация в письменном виде. Прагматический аспект И. Р. Гальперин затрагивает лишь вскользь, говоря о целенаправленности и прагматической установке текста, однако он не раскрывает значение данных терминов и ничего не говорит об источнике возникновения прагматической установки. Кроме того, сомнительным представляется выделение заголовка как обязательного структурного элемента текста.

Исследуя текст, авторы часто сводят основную его функцию к информативности. А. В. Бондарко, например, определяя речевой смысл (смысл высказывания и смысл целостного текста), трактует его как информацию, которая передается говорящим (пишущим) и воспринимается слушающим (читающим) на основе выражаемого языковыми средствами содержания, взаимодействующего с контекстом и речевой ситуацией, с существенными в данных условиях речи элементами опыта и знаний говорящего (пишущего) и слушающего (читающего), со всем тем, что входит в понятие дискурса (Бондарко 2001). Если трактовать речевой смысл и смысл текста как информацию, то как тогда объяснить существование литературы абсурда? Какая информация содержится, например, в пьесах Ионеско или в рассказах Хармса? Если следовать концепции информативности, то придется признать, что данные речевые произведения не являются текстами, что само по себе парадоксально, или же – что могут существовать тексты, полностью лишенные смысла, что, с нашей точки зрения, является не менее парадоксальным.

На несостоятельность такого подхода к тексту, в центре которого стоит представление о тексте, как о чисто информативной структуре, указывал еще Ю. М. Лотман в своей книге «Внутри мыслящих миров» (Лотман 2000). Однако сам Ю. М. Лотман давал слишком широкое определение данному термину, понимая под ним любые явления знакового порядка, в том числе и неязыковые, и рассматривая его, таким образом, скорее в культурологическом, чем в лингвистическом плане.

Приведенные выше примеры показывают, что в настоящее время существуют еще достаточно серьезные противоречия, связанные с термином «текст» и препятствующие формулировке единого общепринятого определения. Перечислим еще раз основные причины, способствовавшие возникновению подобной ситуации:

1. исторический путь развития лингвистики и эволюция представлений о первостепенном объекте ее исследования (от языка и высказывания к тексту);
2. интуитивное ощущение простоты термина, которое якобы не нуждается в подробной проработке;
3. отсутствие общепринятых критериев оценки текста;
4. структурно-формальный подход к тексту как информационному элементу коммуникации.

Перечисленные здесь противоречия преодолеваются в рамках лингво-антропологического подхода за счет функционального определения текста как средства удовлетворения потребности. Как пишет Е. А. Лукьянова, текст представляет собой *результат речемыслительной деятельности, направленной на решение какой-либо проблемы человеческого опыта вербальными средствами* (Лукьянова 2004).

Преимуществом данного определения является, с нашей точки зрения, тот факт, что в нем учитываются биологические особенности человека как живого существа, постоянно контактирующего с окружающей средой и решающего в процессе этого контакта проблемы своего опыта. Акцент здесь делается не на особенностях структурной оболочки текста, а на его сущностных началах. Более широко раскрывается прагматический аспект текстопорождения, причем исследователи не ограничиваются лишь упоминанием о наличии «прагматической установки», их интересует сам источник ее возникновения, который определяется биологическими особенностями человека (наличием потребностей, требующих удовлетворения). Кроме того, снимается вопрос о границах текста, т.к. в основе критериев оценки лежит интенциональность, а не особенности структурной организации. В этом отношении, одно единственное слово «Клюет!», сказанное в ситуации рыбалки, можно рассматривать как текст, несмотря на то, что оно якобы лишено связности.

Текст, рассматриваемый с точки зрения его структурной организации, мы будем называть хронотопом. Термин «хронотоп» принадлежит М. М. Бахтину, который понимал под ним «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений» (Бахтин 1975). Сам М. М. Бахтин рассматривал данное явление исключительно с литературоведческих позиций. В настоящее время, однако, этот термин широко используется в различных областях научного знания. В социальной психологии, например, под ним понимается «типическая повторяющаяся ситуация, в которой происходит процесс общения. Известны Х. школьного урока, где формы общения заданы традициями обучения, Х. больничной палаты, где доминирующие установки (острое желание излечиться, надежды, сомнения, тоска по дому) накладывают специфический отпечаток на предмет общения, и др.» (Словарь психологических терминов). В данном случае хронотоп рассматривается с объективистских позиций, т.к. под ним понимается некая объективно существующая ситуация общения. Как мы уже отмечали, данный взгляд противоречит нашему пониманию природы языка и мышления, поэтому в данной работе под *хронотопом* мы будем понимать *собственно текст, направленный на решение определенной проблемы, с точки зрения его структурной организации, определяющей характер взаимодействия в нем знаков-объектов и знаков-изменений*. Термин хронотоп, в этом отношении очень удобен, т.к. подчеркивает взаимосвязь пространственно-временных элементов ситуации, т.е. динамической и статической составляющих опыта.

1.2.2 Жанровая природа текста

Одной из базовых характеристик текста является его жанровая природа. Это означает, что каждый текст можно отнести к определенному речевому жанру, который задает основные композиционно-стилистические особенности данного текста. Впервые термин «речевой жанр» был предложен М. М. Бахтиным в его работе «Эстетика словесного творчества» и с тех пор

прочно вошел в лингвистическую терминологию как основа для выделения типологических характеристик единиц речевого общения.

Вводя данное понятие, М. М. Бахтин исходил, прежде всего, из реального речевого употребления языка в различных сферах человеческой деятельности. Он противопоставлял высказывание как реальную единицу речевого общения слову и предложению как единицам языка, принадлежащим системе. Основное их отличие, по М. М. Бахтину, заключается в том, что высказывание обладает коммуникативной направленностью и смысловой полноценностью, в то время как предложение, выражая относительно законченную мысль, соотносится с другими мыслями того же говорящего в целом его высказывания и само по себе не имеет ни коммуникативной направленности, ни смысловой полноценности. Лишь в контексте всего высказывания предложение приобретает всю полноту своего смысла (Бахтин 1979).

М. М. Бахтин выделял следующие особенности высказывания как функциональной единицы речевого общения: смена речевых субъектов, определяющая границы высказывания, и специфическая завершенность, следствием которой является возможность занять в отношении данного высказывания активную ответную позицию. Завершенная целостность высказывания, с его точки зрения, определяется тремя моментами:

1. предметно-смысловой исчерпанностью;
2. речевым замыслом говорящего;
3. жанровой оформленностью (Бахтин 1979).

Речевая воля, или замысел, говорящего реализуется, прежде всего, в выборе определенного речевого жанра, который должен соответствовать ситуации речевого общения. «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, т.е. все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого» (Бахтин 1979: 257). Таким образом, М. М. Бахтин определяет речевой жанр

как *относительно устойчивую типическую форму построения высказывания.*

М. М. Бахтин предлагает разделить все речевые жанры по степени сложности на первичные и вторичные, при этом он подчеркивает, что различие между ними не функциональное, а скорее структурное. Вторичные речевые жанры вбирают в себя и перерабатывают различные первичные речевые жанры, которые в результате трансформируются и утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности (Бахтин 1979: 239). Как отмечает Е. А. Лукьянова, подобная классификация, однако, не получила достаточных методологических оснований (Лукьянова 2004). Действительно, будучи основанной на принципах объективизма, она представляет собой попытку разграничить более объемные, фундаментальные речевые произведения от структурно менее сложных. Тем не менее, тот факт, что здесь не учитывается функциональная составляющая, вносит некоторую путаницу в определение речевого жанра как первичного или вторичного.

Главный недостаток концепции М. М. Бахтина, таким образом, заключается опять же в акценте на структурно-формальных характеристиках речевого общения при недостаточном внимании к его функциональным особенностям. Хотя принципиальным его достижением является, безусловно, переход от анализа отдельных предложений к анализу целостных высказываний и проведение четкой границы между словом и предложением как единицами языковой системы и высказыванием как единицей речевого общения.

В настоящее время в основу классификации речевых жанров все чаще кладут речевой замысел говорящего, или, в современной терминологии, - коммуникативную интенцию. В работах многих зарубежных исследователей именно коммуникативная установка говорящего определяется как основной жанрообразующий признак (Bhatia 1993; Swales 1990). Ярким примером одного из таких подходов являются работы А. Вежбицкой, которая

рассматривает речевые жанры с точки зрения своей семантической теории элементарных смысловых единиц – семантических примитивов.

В основе теории семантических примитивов лежит представление о том, что языковое значение можно сформулировать посредством специального семантического языка. В теории речевых жанров это выразилось в попытке представить модель каждого речевого жанра через последовательность простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания, т.к., с точки зрения А. Вежбицкой, «каждый речевой жанр соответствует интегрированному пучку ментальных актов» (Вежбицка 1997: 109). В. В. Дементьев называет такой подход редуccionистским, т.к. «репертуар речевых жанров» приравнивается здесь к исчислимому набору типических интенций говорящего (Дементьев 2002: 25).

Сам автор определяет речевые жанры как «средство формализации социального взаимодействия», одно из «наиболее эффективных средств преодоления энтропии в такой важной части взаимодействия человека с миром, как коммуникация» (Дементьев 2002). Дементьев, таким образом, рассматривает речевые жанры исключительно с точки зрения их социальной функции, которая, по его мнению, заключается в упорядочении социального взаимодействия, и при этом совершенно упускает из виду сферу самосознания и организацию мыслительных процессов.

В целом для современных теорий речевых жанров характерен слишком сильный акцент на диалогическом аспекте речевой деятельности. «Жанровая организация речи играет важную роль в процессах социального взаимодействия: она поддерживает социальную ориентацию коммуникантов, без которой успешность их действий едва ли была возможной. Ориентация в целях и формах общения, в распределении социальных и коммуникативных ролей, предполагаемых жанрово организованной речью, дает возможность предвидеть ход коммуникации, правильно ее планировать, адекватно реагировать на коммуникативные действия партнеров и в итоге достигать

намеченных целей» (Красноперова 2012). Речевой жанр рассматривается здесь исключительно в контексте коммуникации, понимаемой как обмен репликами между партнерами в ходе диалога, и представляет собой средство формализации и упорядочения речевой деятельности коммуникантов.

И. В. Толочин отмечает важность исследования жанровой природы текстов не только в сфере диалога, но и в сфере монолога и предлагает положить в основу классификации речевых актов не коммуникативную интенцию говорящего, а результат, который достигается при произнесении того или иного высказывания. В этом отношении все высказывания можно разделить на две широкие сферы, каждая из которых связана с определенным типом потребности: речевые акты, направленные на преобразование окружающей действительности, результатом которых являются непосредственные изменения в окружающем мире, и речевые акты, связанные с областью самосознания, производство которых не влечет за собой изменений в окружающей среде (Толочин 2002: 212-222).

Выделение этих двух типов высказываний связано с наличием двух сфер коммуникации: сферы монолога, которая «является способом осуществления самопознания», и сферы диалога, которая «представляет собой использование языка для сотрудничества индивидов в процессе воздействия на внешнюю реальность» (Толочин 2002: 222). Возможность удовлетворения обеих потребностей обеспечивается модельной структурой сознания, которое в процессе решения проблемы оперирует языковыми моделями опыта – фреймами, или сценариями. Категоризация фреймов осуществляется за счет типологизации проблем человеческого опыта, что и приводит к возникновению речевых жанров как в сфере монолога, так и в сфере диалога. В связи с этим *речевые жанры* можно определить как *типологизацию проблем человеческого опыта при помощи ситуативных моделей (фреймов)*.

В данной работе мы сосредоточим свое внимание на текстах, относящихся к монологической сфере речевого общения, т.е. к сфере самопознания, т.к. практический анализ материала мы будем проводить на

примере публицистических текстов и текстов художественной литературы. В связи с этим рассмотрим более подробно основные особенности монологической сферы речевого общения.

Потребность в самопознании, которая становится толчком к созданию текстов данного типа, является одной из основных потребностей человека и отличает его от других живых существ. Возможность удовлетворения данной потребности, как и само ее существование, обеспечивается наличием языка, который является основным конституирующим элементом сознания. Будучи средством категоризации опыта, язык позволяет человеческому сознанию формировать ситуативные модели, связанные с решением тех или иных проблем опыта. В своей совокупности эти модели формируют целостный, более или менее стабильный комплекс, представляющий собой ценностную основу личности.

Ценностная система, однако, играет роль не только в процессе жизнедеятельности каждого конкретного индивидуума, позволяя ему сделать выбор наиболее приемлемого способа удовлетворения той или иной потребности. Как отмечает И. В. Толочин, ценностная система лежит в основе коллективного сознания и, более того, является способом его существования (Толочин 2002). Она необходима для формирования целостной и более или менее стабильной «картины мира» данного социума. Тем не менее, ценностная система любого сообщества не лишена внутренней конфликтности, что выражается в создании многочисленных текстов, целью которых является установление системности в той или иной сфере опыта. Тексты эти относятся к сфере самосознания, т.к. не связаны с непосредственным преобразованием предметной действительности, а направлены на установление системных отношений между различными элементами опыта. Так как эти тексты направлены на решение ценностных проблем, то все они имеют ряд общих признаков.

Прежде всего, для процессов порождения и восприятия данного типа текстов характерно отсутствие временной взаимозависимости. Это значит,

что они не предполагают наличие определенного временного отрезка, в течение которого текст должен быть воспринят адресатом. Они не предполагают также и четкой направленности от одного конкретного субъекта другому конкретному субъекту, т.к. и автором, и адресатом, в сущности, является само коллективное сознание (Толочин 2002).

Ярким примером текстов сферы самосознания являются художественные тексты. «Художественный текст – это высказывание по поводу зависимости событийной стороны человеческой жизни и душевного состояния людей от базовых ценностей» (Толочин 2002: 217). Событие или состояние метафорически переосмысливается и соотносится с тем или иным элементом ценностной системы, что реализуется в структуре и базовых лексико-грамматических элементах хронотопа. Толчком к созданию любого художественного текста является наличие конфликта в ценностной системе коллективного сознания. Вербализация данного конфликта за счет создания словесного художественного образа способствует его осмыслению и установлению системности в процессе моделирования ценностной системы социума.

Как и другие типы текстов, относящихся к сфере самосознания, художественный текст не предполагает непосредственного контакта между автором высказывания и его адресатом. Художественное произведение остается актуальным до тех пор, пока вербализованный в нем ценностный конфликт актуален для данного сообщества. Само по себе авторство художественного текста при этом достаточно условно, т.к. конфликт личного, индивидуального опыта трансформируется в нем в конфликт надличностный, что обеспечивает возможность понимания данного текста другими членами сообщества, незнакомыми с личным опытом автора, даже через значительный временной промежуток после его создания.

В отличие от художественного произведения, публицистический текст имеет более жесткую временную обусловленность, т.к. представляет собой реакцию на конкретное событие или факт в реальной действительности и,

следовательно, остается актуальным до тех пор, пока общество нуждается в ценностной интерпретации соответствующего события или факта. В остальном публицистическая статья сохраняет все те свойства монологичной речи, о которых говорилось выше, и также направлена на формирование системности ценностных отношений социума.

Говоря о роли средств массовой информации в социально-политической жизни, Е. А. Лукьянова подчеркивает, что «СМИ выполняют функцию формирования массовой социально-политической картины мира, т.е. идеологии, и ее адаптации к текущим событиям» (Лукьянова 2004). Здесь выражена основная функция аналитической публицистики - интерпретация факта или события внешней действительности с точки зрения определенной идеологической системы с целью сохранения ее стабильности и системности. Соответствие идеологических установок читателя статьи оценочно-идеологическим параметрам текста обеспечивает его понимание и приводит к восприятию интерпретационного механизма, предложенного в статье, как своего собственного видения сложившейся ситуации.

В целом данный подход представляется наиболее перспективным для дальнейшего изучения языковой системности, и в особенности для теории речевых жанров. Разделение речевых жанров на сферу самосознания и сферу, связанную с взаимодействием индивидов по поводу воздействия на внешнюю действительность, позволяет, с нашей точки зрения, решить многие методологические трудности других подходов и, в частности, деления речевых жанров на первичные и вторичные, предложенного Бахтиным.

1.2 АРХЕТИП: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Термин «архетип», предложенный швейцарским психоаналитиком Карлом Густавом Юнгом, получил широкое распространение в современной науке. Им пользуются философы (Попков, Тюгашев 2010; Федяев, Чинакова 2012; Русаков 2010), психологи (Голенок 2010; Перевозкина, Перевозкин, Дмитриева 2014), литературоведы (Васильева 2005; Ермолаева 2009;

Коробейникова, Пыхтина 2010; Мелетинский 1994; Хазанкович 2009), лингвисты (Богданова 2006; Владимирова 2015; Иванова 2012; Степанов 1997; Фисенко, Лазарев 2014), искусствоведы (Жук 2013). Тем не менее, единого взгляда на природу архетипа и его функции до сих пор не существует. В данной главе мы рассмотрим несколько различных определений архетипа, изложим наш собственный взгляд на природу данного явления и попробуем обосновать целесообразность использования данного термина в лексикологии.

Сам К. Г. Юнг понимает под архетипами первобытные образы, или первообразы, (“primordial images” (Jung 1988: 67)), являющиеся элементами коллективного бессознательного. Будучи наследием древнейших этапов развития человеческой психики, они обладают повышенной эмоциональностью, представляя собой мощнейшие сгустки психической энергии. «Это в то же самое время и образы, и эмоции. Можно говорить об архетипе только тогда, когда эти два аспекта присутствуют одновременно. Если есть только образ, то это просто художественный образ, не представляющий большой важности. Но будучи эмоционально заряжен, образ приобретает нуминозность (или психическую энергию); он становится динамичным, что должно привести к каким-то последствиям»²¹ (перевод авт.) (Jung 1988: 96). Неся в себе сильнейший заряд психической энергии, архетипы способны определенным образом направлять человеческое поведение, что позволяет Юнгу и его ученикам говорить о них как о неких поведенческих схемах, объединенных общим типом эмоционального переживания, - это «общие врожденные схемы эмоционального и ментального поведения»²² (перевод авт.) (Jung 1988: 304).

Интересно, что, с точки зрения Юнга, архетип не является содержательной единицей. Заданный с рождения, архетип представляет собой

²¹ “They are, at the same time, both images and emotions. One can speak of an archetype only when these two aspects are simultaneous. When there is merely the image, then there is simply a word-picture of little consequence. But by being charged with emotion, the image gains numinosity (or psychic energy); it becomes dynamic, and consequences of some kind must flow from it”

²² “common inherited patterns of emotional and mental behaviour”

лишь форму, наполняющуюся конкретным содержанием в процессе человеческой жизни, причем характер формирующейся содержательной стороны напрямую зависит от социально-культурных, климатических, географических особенностей окружения. «Архетип сам по себе пуст и исключительно формален... это возможность репрезентации, заданная a priori. Сами репрезентации не являются врожденными, только лишь их формы, и в этом отношении они в полной мере соответствуют инстинктам, у которых также определена только форма»²³ (перевод авт.) (Jung 2003: 155). Архетип, тем не менее, обладает «неизменным ядром значения» (*invariable nucleus of meaning*), которое задано лишь в общих чертах. Так, например, формирование конкретного образа матери невозможно предсказать, основываясь лишь на чертах, характерных для архетипа матери, т.к. каждый конкретный образ возникает под влиянием других многочисленных факторов. Архетип, таким образом, представляет собой врожденный инвариант, приобретающий содержание в конкретном социально-культурном этнологическом контексте и реализующийся в многочисленных культурно-специфичных вариантах.

Несмотря на то, что Юнг определяет архетип как форму, лишенную конкретного содержания, природа этой формы в его философии недостаточно четко определена. Называя архетип первообразом, Юнг отмечает в то же время, что его ни в коем случае нельзя сводить к ментальной картинке, которая по своей природе всегда конкретна, а следовательно является структурным элементом сознания, а не бессознательного. Коллективное бессознательное в представлении Юнга являет собой некое идеальное универсальное психическое начало, превосходящее рамки индивидуальной человеческой психики, поэтому и архетип как его составная часть трансцендентален. Аналитическая психология Юнга метафизична по своей сути, «эта онтология духа – на грани мистики» (Антонин <http://philocult.ru/443-psihoanaliz-k-yunga-uchenie-o-kollektivnom-bessoznatel>

²³ “The archetype in itself is empty and purely formal... a possibility of representation which is given a priori. The representations themselves are not inherited, only the forms, and in that respect they correspond in every way to the instincts, which are also determined in form only”

[nom.html](#)), в связи с чем многие авторы критикуют Юнга за высокую долю идеализма в его философии, отмечая неопределенность как формы, так и содержания юнговского архетипа (например, Стеблин-Каменский 1976).

Тем не менее, в постюнгианской аналитической психологии радикального пересмотра термина «архетип» не происходит. Многие последователи швейцарского психоаналитика используют данный термин в своих работах, понимая под ним вслед за Юнгом глубинные поведенческие матрицы, или внутренние схемы, обеспечивающие «склонность к структурированию образов нашего переживания определенным образом» (Холл 2008: 15; см. также Болен 2005; Нойман 1998; Эстес 2010). Что конкретно представляют собой эти схемы, остается не совсем понятным, в результате чего мы вновь возвращаемся к изначальному идеализму аналитической психологии.

Попытка уйти от юнговского мистицизма делается в архетипической психологии Джеймса Хиллмана: «...в отличие от Юнга, который проводил радикальное различие между ноуменальным архетипом как таковым и феноменальным архетипическим образом, архетипическая психология решительно отказывается даже от построения гипотез о непосредственно непредставленном архетипе *per se*. Она исследует сам феномен: архетипический образ» (Хиллман 1996: 68). Как мы видим, здесь происходит скорее отказ от изучения архетипа, нежели значительное переосмысление его природы. Признается реальность архетипического образа, а лежащий в его основе архетип, не поддающийся непосредственному наблюдению, выносится за рамки исследования. Автор, таким образом, не решает проблему, а просто уходит от нее, тем самым еще раз подчеркивая ноуменальность архетипа.

Материалом для исследований в юнгианской психологии часто служат литературные тексты, особенно тексты сказок, мифов, преданий. Это привело к тому, что термин «архетип» начал широко использоваться в литературоведении, хотя и в несколько иной интерпретации. «Понятие

«литературный архетип» гораздо шире, нежели юнговские архетипы» (Коробейникова, Пыхтина 2010), т.к. у Юнга архетип связан, прежде всего, с образом, с персонажем, в то время как в литературоведении под архетипом понимаются еще и типичные схемы построения сюжета. В литературоведении архетип рассматривается как «универсальный прасюжет или прообраз, зафиксированный мифом и перешедший из него в литературу» (Доманский http://www.k2x2.info/jazykoznanie/literaturnyi_tekst_problemy_i_metody_issledovaniya_iv_sbornik_nauchnyh_trudov/p3.php).

Теория Юнга накладывается здесь на уже существовавшую традицию поиска общих мотивов, схем, формул в мифологии и мифопоэтическом творчестве. Многие русские ученые XIX в. обращали внимание на то, что одни и те же мотивы появляются в совершенно разных традициях и культурах, которые, казалось бы, никак не связаны друг с другом. Так, например, еще в первой половине XIX в. И. М. Снегирев отмечает: «у всех почти известных народов встречаются общие верования и происшедшие из них обряды, сходные по сущности и различные по внешности». Лежащие в основе таких верований мотивы он называет «коренными понятиями», которые «уклоняясь от своего истока и протекая сквозь мир и человечество, заимствуют от местности, климата и духа народов различные образы» (Снегирев 1837: 231; см. также Афанасьев 1865; Веселовский 1940; Пропп 1928).

В последнее время термином архетип стали пользоваться и лингвисты, причем в лингвистике архетип определяется через концепт. «В ряду различных констант архетип представляет собой первичный концепт, оказывающий детерминирующее влияние на развитие человеческой цивилизации. Понятие архетипа не сводится к концепту. Если концепты способны проявлять себя более конкретно, то архетипы выражают более общие, фундаментальные свойства» (Фисенко, Лазарев 2014). Такая когнитивная интерпретация архетипа возвращает нас к проблеме неопределенности формы, характерной и для самого термина «концепт».

Признание экстралингвистической природы концепта предполагает наличие в человеческом сознании некоего «доязыкового» кода ('Mentalese', как иронично называет его Дэниел Деннет), кодирующего поступающую информацию, которая лишь затем «переводится» на обычный разговорный язык. Это приводит к необоснованному дуализму, ставя перед нами вопрос о природе этого «доязыкового» кода (Dennet 1991: 238). Определяя архетип через концепт, мы тем самым также лишаем его конкретной формы существования.

В целом проблема неопределенности формы характерна для всех рассмотренных нами концепций архетипа. В наиболее общем виде архетип трактуется как «исходный базовый образец для дальнейших вариативных построений» (Иванова 2012: 184), а более конкретные аспекты интерпретации зависят от природы объекта исследований каждой отдельной научной дисциплины. Тем не менее, что конкретно представляет из себя этот «образец» не совсем понятно. В какой конкретно *форме* существует архетип в коллективном бессознательном? Ученые, пользующиеся данным термином, концентрируют свое внимание на содержательной стороне данного явления, пытаясь раскрыть его функциональную значимость для человека, в то время как вопрос формы по умолчанию признается неразрешимым.

Возникновение данной проблемы обусловлено, с нашей точки зрения, признанием дифференциации лингвистических и экстралингвистических факторов в человеческой психике. В большинстве концепций отмечается первичность экстралингвистических факторов, которые лишь на поверхностном уровне приобретают вербальное выражение. Это приводит к проблеме неопределенности формы «доязыковых» структур, которая проявляется в том числе и в решении вопроса об архетипе. В результате остается не совсем понятным, как соотносятся между собой архетип матери, например, и само слово мать, использующееся для его обозначения. Это слово, как известно, обладает развитой структурой полисемии. Существует ли какое-нибудь соответствие между структурой значений полисеманта и

структурой архетипа как инвариантной схемы? Эти вопросы пока не получили должного ответа ни в одной из дисциплин, занимающихся изучением архетипа.

В лингво-антропологическом подходе, с позиций которого написана данная работа, языку отводится ключевая роль в формировании человеческой психики. Именно аналитизм языка как сложной символической системы позволяет человеку конструировать реальность и максимально эффективно воздействовать на элементы окружающего материального мира (Толочин 2014). Исторически аналитизм развивался постепенно: целостное восприятие мира в режиме здесь и сейчас, свойственное животным, подвергалось членению с выделением стабильных дискретных комплексов переживаний, закреплявшихся за определенными последовательностями звуков и оформлявшихся в систему. На ранних этапах развития, пока язык еще не достиг современного уровня аналитизма, четкая дифференциация контекстов отсутствовала. Это явление часто называют синкретизмом первобытного сознания (более подробно речь об этом пойдет в третьей главе, где мы обратимся к рассмотрению конкретных примеров).

На современном этапе развития языка наследие первобытного синкретизма дошло до нас в контекстах определенного типа. Их особенностью является прежде всего амбивалентность, т.е. отсутствие однозначного эмоционально-оценочного отношения к проблеме. Интересно, что во многих работах, посвященных исследованию конкретных архетипов, их амбивалентность так или иначе отмечается: волк «предстает одновременно как хищник и как чудесный помощник» (Хазанкович 2009: 188); лес воспринимается как опасное место, населенное дикими животными, и одновременно как святилище, служащее «укрытием для невинно гонимых», где можно получить «неожиданную помощь лесного божества» (Коробейникова, Пыхтина 2010: 49); даже апокалипсис оценивается не только отрицательно как всемирная катастрофа, приводящая к концу света, но и положительно как «символ начала новой жизни, обновления, символ победы

добра над злом» (Иванова 2012: 187). Можно также вспомнить самого Юнга и его «любящую и ужасную мать» ('the loving and the terrible mother' (Jung 2003: 158)).

Многие авторы, по-видимому, интуитивно воспринимают архетип как нечто амбивалентное, что позволяет говорить, например, о возникновении архетипа халата в русской литературе XIX века: халат – это и символ свободы творческой личности, и образ смерти, ассоциирующийся с погребальным саваном (Ермолаева 2009). На наш взгляд, однако, архетип всегда представляет собой наследие древнейших этапов развития психики и в этом отношении связан с еще одной особенностью архаичного мышления, а именно с делением аспектов опыта на сферу сакрального и сферу профанного.

Сакральность архетипа также часто отмечается в литературе по вопросу: слово брат объединяло лиц мужского пола «в силу *мистического* родства», что «позволяет рассматривать сему «братство» как отражение *сакральной* доминанты» (Владимирова 2015: 47); священная гора, где «проходит *граница между видимым и невидимыми мирами*» (Жук 2013: 311); «архетип медведицы восходит к индоевропейскому образу *великой богини-матери, дарительницы жизни*» (Попков, Тюгашев 2010: 63) (курсив мой). Для древнего человека весь окружающий материальный мир был пронизан сверхъестественными силами, игравшими роль высшего организационного начала, противопоставившего вселенский порядок первородному хаосу. В результате такого восприятия мира для сакрального и профанного была характерна высокая динамика отношений, одно проникало в другое, что приводило к значимым последствиям для всего человеческого рода. Такое взаимопроникновение обыденного и священного и обусловило амбивалентность оценки: с одной стороны, священное, божественное воспринималось как источник жизни и устойчивого миропорядка, а с другой – как грозное непостижимое начало, жестоко карающее непосвященного за неосторожное прикосновение к сакральному (см., например, Frazer

<http://www.gutenberg.org/files/3623/3623-h/3623-h.htm>). Именно с сакральностью архетипа связано ощущение его повышенной эмоциональности: восприятие сакрального всегда сопровождается эмоциональным всплеском, и в этом отношении утверждение Юнга о том, что архетипы представляют собой сгустки мощной психической энергии, направляющей поведение человека, безусловно, является справедливым. Не случайно, говоря о повышенной эмоциональной напряженности архетипа, Юнг использовал слово *numinosity*, описывающее определенный тип переживаний, обусловленных вступлением в контакт с божеством: *having a mysterious, holy or spiritual quality; filled with a sense of the presence of divinity* (OMWD).

На современном этапе развития языка со свойственной ему высокой степенью аналитичности контексты «сакрально-амбивалентного» типа, некогда являвшиеся основой всего человеческого мировосприятия, выделились в особый тип речевой практики, реализующейся, прежде всего, в текстах религиозного и эзотерического характера, а также в поэзии (подробнее см. гл. 4 данной работы). В результате представляется целесообразным определить *архетип как особый лексико-семантический вариант слов с амбивалентной интегральной категорией, реализующий всю полноту своей амбивалентности в текстах, предполагающих наличие неразрешимого психологического конфликта, связанного с восприятием сакрального*. Такая трактовка, с нашей точки зрения, позволяет решить проблему неопределенности формы, т.к. архетип соотносится здесь со словом в одном из типичных контекстов его употребления в окружении соответствующих лексико-семантических маркеров. Кроме того, более точно определяется и содержание архетипа как особого архаичного по своей природе комплекса переживаний, характеризуемого неоднозначностью эмоционально-оценочного восприятия.

Архетип, как и любой другой ЛСВ, вступает в определенные синтаксические связи с другими лексическими единицами. Эти связи не

произвольны, а обусловлены конкретным типом переживания, зафиксированным в том или ином архетипе. Это приводит к констелляции типичных моделей, которые, с нашей точки зрения, представляют собой именно словесные последовательности, а не инвариантные, лишенные материального основания схемы.

Выводы по ГЛАВЕ 1

1. Объективизм, связанный с представлением о сознании как способе отражения онтологических свойств окружающего мира, до сих пор является господствующим подходом к интерпретации механизмов формирования психической реальности. Несмотря на то что в последнее время в лингвистике наметился положительный сдвиг в сторону антропоцентризма, полного преодоления философских принципов объективизма не происходит даже в такой научной парадигме, как когнитивизм, в целом ориентированной на изучение не языка самого по себе, а языковой личности, обладающей определенными биологическими и психологическими особенностями. Это приводит к возникновению многочисленных противоречий в анализе конкретного языкового материала, и в частности в лексикографии, где до сих пор делаются попытки выделить основной номинативный вариант значения, нейтральный по отношению к человеку, а следовательно независимый от особенностей человеческого восприятия.
2. Для преодоления методологических непоследовательностей в лингвистике, являющихся прямым следствием объективизма, представляется целесообразным обратиться к достижениям таких наук, как биосемиотика и философия биологии и определить знаковость как проекцию свойств опыта некоего биологического организма на элементы окружающего материального мира в процессе контакта со своим окружением по поводу удовлетворения потребностей разного рода.
3. Язык как аналитическая знаковая система является средством удовлетворения потребностей, позволяя человеку моделировать различные пути решения проблемы вне непосредственного контакта с источником проблемной ситуации.
4. Под словесным значением мы будем понимать функцию словесного знака в тексте, рассматриваемую как реализация стабильного комплекса эмоционально-оценочных переживаний, полученных в процессе контакта

человека с окружающим материальным миром по поводу удовлетворения потребностей разного рода.

5. Вслед за И. В. Толочиним мы будем рассматривать целостное значение слова как взаимосвязь двух категорий – родовой и интегральной. Интегральная категория закреплена за корневой морфемой и представляет собой стабильный комплекс эмоционально-оценочных переживаний. Полисемия при этом определяется не как существование у одного знака различных значений, а как возможность реализации одной и той же интегральной категории слова в различных сферах опыта в совокупности с различными вариантами синтаксической сочетаемости, обеспечиваемыми структурой родовой категории.
6. Возможность четкого разделения лексико-семантических вариантов обеспечивается существованием стабильных моделей лексико-синтаксической сочетаемости слова в различных сферах опыта. Разграничение вариативности при этом должно быть основано на изучении конкретных случаев словоупотребления в тексте, а не на интроспективных методах анализа.
7. Процесс фразеологизации мы будем рассматривать как результат системного соотнесения ситуативных моделей с целью заимствования определенной словесной последовательности из ситуации-источника в иную ситуативную модель, а не просто как единичные случаи переосмысления конкретных словосочетаний.
8. Методологические трудности в определении термина «текст» во многом обусловлены структурно-формальным подходом к тексту как информационному элементу коммуникации, главным свойством которого является связность. В данной работе мы акцентируем свое внимание на его функциональных особенностях, и вслед за Е. А. Лукьяновой будем понимать под текстом результат речемыслительной деятельности, направленной на решение какой-либо проблемы человеческого опыта вербальными средствами.

9. Речевые жанры можно определить как типологизацию проблем человеческого опыта при помощи ситуативных моделей (фреймов). Для современных теорий речевых жанров характерен слишком сильный акцент на диалогическом аспекте речевой деятельности. Тем не менее, такие фундаментальные речевые жанры, как роман или публицистическая статья очевидным образом принадлежат к сфере монолога, т.к. представляют собой способ самопознания, направленный на систематизацию различных аспектов опыта.
10. Для традиционных теорий архетипа (как в аналитической психологии, так и в литературоведении и в лингвистике) характерна проблема неопределенности формы. Для ее решения мы предлагаем рассматривать архетип как особый лексико-семантический вариант слов с амбивалентной интегральной категорией, реализующий всю полноту своей амбивалентности в текстах, предполагающих наличие неразрешимого психологического конфликта, связанного с восприятием сакрального. Архетип соотносится, таким образом, со словом в одном из типичных контекстов его употребления, восходящему к синкретизму первобытного сознания.

ГЛАВА 2

Компаративный анализ словарных статей, определяющих слово *fire*

В первой главе мы рассмотрели основные теоретические вопросы, касающиеся проблем описания словесного значения. Теперь попытаемся продемонстрировать, как эти теоретические предпосылки реализуются на практике, и для этого проведем анализ конкретных словарных статей на примере английского слова *fire*.

Первое, что бросается в глаза, когда открываешь любой толковый словарь английского языка, - это многозначность данной языковой единицы. Любая словарная статья, посвященная слову *fire*, представляет собой список так или иначе соотносящихся между собой вариантов значения. В связи с этим нам представилось интересным провести компаративный анализ различных словарных статей с целью выявления общих принципов разграничения вариативности, характерных для современной лексикографии. Для этого были проделаны следующие шаги: сопоставлены различные дефиниции, определяющие слово *fire* в том или ином словаре; выявлена база для разграничения различных вариантов словесного значения; проанализированы конкретные примеры употребления слова *fire*, приведенные в словарях, с целью проверки их на соответствие дефинициям, которые они призваны подкреплять; проведен компаративный анализ дефиниций из разных словарей, определяющих слово *fire* в одном и том же контексте употребления.

В ходе анализа пятнадцати словарных статей, посвященных слову *fire* в различных толковых словарях английского языка, нами были выделены следующие проблемы в описании семантической структуры данного полисеманта:

1. Внутриобъективистское «расщепление» основного номинативного варианта значения (НВЗ);
2. искусственный характер НВЗ;

3. наличие перекрестных дефиниций;
4. неоднозначность трактовки признака исчисляемости – неисчисляемости у имен существительных;
5. отсутствие системности;
6. отсутствие общей теоретической базы для выделения фразеологических словосочетаний.

Рассмотрим более подробно каждую из выделенных нами проблем.

2.1. Внутриобъективистское «расщепление» основного НВЗ

Традиционно принято считать, что дефиниция, приведенная в словаре первой, описывает основной номинативный вариант значения, от которого тем или иным способом образованы все остальные ВЗ. В связи с этим представляется целесообразным начать анализ словарных статей с сопоставления дефиниций, стоящих во главе приведенного в словарях списка.

- *Rapid combustion in which a substance ignites and burns, producing heat, light and flame* (New Webster's Dictionary of the English Language (NWDEL): 366);
- *A rapid, persistent chemical reaction that releases heat and light; especially the exothermic combination of a combustible substance with oxygen* (The American Heritage Dictionary of the English Language (AHDEL): 494);
- *The phenomenon of combustion manifested in light, flame, and heat* (Online Merriam-Webster Dictionary (OMWD))
- *The state of combustion in which inflammable material burns, producing heat, flames, and often smoke* (Online Collins English Dictionary (OCED));
- *Flame, heat and light caused by something burning* (Thorndike Barnhart Intermediate Dictionary (ThBID): 321);

- *Flame, heat and light caused by burning* (The World Book Encyclopedia Dictionary (WBED): 743);
- *Fire is the hot, bright flames produced by things that are burning* (Cobuild English Learner's Dictionary (CELD): 360);
- *The flames, light and heat, and often smoke, that are produced when sth burns* (Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD): 557);
- *(material that is in) the state of burning that produces flames that send out heat and light, and might produce smoke* (Cambridge Dictionaries Online (CDO));
- *Condition of burning* (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (OALDCE): 321);
- *Burning with flames* (Longman Dictionary of American English (LDAE): 276)
- *A once-supposed substance reckoned one of the four elements* (Chamber's English Dictionary (ChED): 534);
- *A substance formerly reckoned to be one of the four principal elements out of which all living things were made* (Harrap's Chambers English Dictionary (HChED): 604);
- *UNCONTROLLED BURNING: flames and heat from something that is burning in an uncontrolled way* (Online MacMillan Dictionary (OMMD)).
- *FLAMES THAT DESTROY THINGS: Uncontrolled flames, light, and heat that destroy and damage things* (Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE): 597).

Первое, что хочется отметить, читая данный список, - это разнообразие подходов к выделению основного значения слова *fire*. Все перечисленные

здесь дефиниции можно разбить на пять групп в зависимости от принципов описания словесного значения.

I ГРУППА (дефиниции 1-4)

Общим для этой группы дефиниций является узко-специальный технический подход к трактовке словесного значения, являющийся прямым следствием объективизма. Слово *fire* определяется здесь как химическая реакция кислорода с неким горючим веществом, протекающая с выделением света и тепла, т.е. рассматривается как объективно существующее в природе физическое явление, независимое от свойств человеческого опыта. При этом акцент делается на динамическом аспекте описываемого явления: *fire* определяется здесь, прежде всего, как процесс (combustion/ chemical reaction), продуктами которого являются пламя, свет и тепло.

Прежде всего, хотелось бы отметить чрезвычайную сложность определений такого типа, вызывающих в сознании читателя целую серию сценариев, связанных с узкоспециальной научной сферой опыта. Особенно ярко это проявляется в дефиниции, приведенной во втором пункте нашего списка, где появляются такие химические термины, как *exothermic*, *combustible material*, *oxygen*. Понимание данного определения предполагает наличие целого багажа знаний: представление о существовании веществ, обладающих различными химическими и физическими свойствами, о способности этих веществ вступать в эндотермические (с поглощением тепла) и экзотермические (с выделением тепла) реакции.

Остальные три дефиниции выглядят несколько проще, однако, в их структуре неизменно присутствует термин *combustion*. В словаре OED, например, это слово представлено несколькими ЛСВ: 1) *the process of burning*; 2) *any process in which a substance reacts with oxygen to produce a significant rise in temperature and the emission of light*. Замена слова *combustion* в определении полисеманта *Fire* на первую дефиницию приводит к тавтологии: *the state of the process of burning in which inflammable material burns...* Таким образом, наиболее информативной оказывается в данном случае вторая дефиниция,

которая вновь возвращает нас к сугубо техническому пониманию описываемого явления.

Интересно также, что здесь возникает конфликт между тем онтологическим статусом, который приписывается *fire*, с одной стороны, и *combustion*, с другой стороны: *fire* описывается здесь как состояние (*the state*), т.е. акцент делается на статическом аспекте опыта, в то время как *combustion* (как ЛСВ1, так и ЛСВ2) определяется как процесс, т.е. подчеркивается динамика описываемого явления (ниже мы еще вернемся к проблеме определения онтологического статуса *fire* как явления, существующего в объективной действительности).

В целом следует отметить, что понимание подобных дефиниций напрямую зависит от степени владения соответствующей терминологией, что делает их совершенно недоступными для детей дошкольного возраста; да и не каждый взрослый, наверно, с точностью вспомнит, что значат, например, термины эндо- и экзотермический, некогда выученные в школе. Тем не менее, любой человек, обладающий минимальной лингвистической компетенцией, способен адекватно употреблять слово *fire* в речи. Ребенок двух-трех лет, только начавший говорить и ничего не подозревающий о существовании кислорода и процессов окисления, способен правильно использовать данное слово в целом ряде жизненных ситуаций. Все это позволяет поставить под сомнение уместность использования дефиниций научного типа в толковых словарях, рассчитанных на широкую публику (похожая критика терминологического подхода в лексикографии представлена в монографии Harris, Hutton 2007: 127 - 130).

II ГРУППА (дефиниции 5-8)

Если в первой группе *fire* представлено скорее как процесс (*chemical reaction, combustion*), то в данной группе акцент делается на результате этого процесса (*flame, heat, light, smoke*), т.е. происходит переход от динамизма к статике (процесс ↔ объект как результат процесса). Объективизм, тем не менее, присутствует и здесь, хотя и в несколько иной форме. Авторы данных

словарей отказываются от технических подробностей описания огня как физического явления, что в значительной степени связано с читательской аудиторией, на которую рассчитаны данные словари (три из четырех приведенных в списке дефиниций взяты из толковых словарей, написанных для иностранцев, изучающих английский язык). Этим объясняется стремление к упрощению языкового материала, используемого в дефинициях при описании словесного значения. Объективизм же проявляется в попытке «очистить» основное значение слова от функциональных характеристик человеческого опыта (в случае с *fire* это разрушительные и утилитарные свойства данного явления), которые приводятся ниже и, по-видимому, рассматриваются как менее значимые по отношению к базовому нейтральному варианту значения. В результате получается, что пламя, свет и тепло, выделяемые в процессе горения, могут иметь нейтральный статус по отношению к человеку и существовать независимо от проявляемых ими разрушительных или утилитарных свойств.

III ГРУППА (дефиниции 9-11)

В третьей группе *fire* рассматривается как процесс горения, что приближает эти дефиниции к уже рассмотренной нами первой группе. Здесь, однако, отсутствует описание технических подробностей данного процесса, что значительно упрощает понимание данных словарных дефиниций, но, тем не менее, не лишает их определенной доли объективизма. Горение здесь вновь представлено как независимый от свойств человеческого опыта, нейтральный процесс, а его функциональные характеристики приводятся ниже, т.е., с точки зрения авторов данных словарей, представляют собой отдельные варианты значения. Так, например, в словаре CDO возможность использования *fire* в утилитарно-бытовых целях зафиксирована в дефиниции номер 2: *a small controlled fire that is used for heating or cooking*; а его разрушительные свойства представлены лишь косвенно в примерах на первый НВЗ.

IV ГРУППА (дефиниции 12 и 13)

Особый случай представляют собой словари ChED и HChED, в которых первая дефиниция определяет *fire* как один из основных четырех элементов, некогда считавшихся источником всего живого. Таким образом, огонь представлен здесь как некое вещество, материя, причем природа этой материи никак не охарактеризована. В итоге, если ограничиться первым определением и не читать словарную статью дальше, то в принципе не понятно, о чем идет речь. Если же продолжить чтение словарной статьи, то можно найти следующее: *the heat and light of burning*, что в очередной раз возвращает нас к определению огня как результату процесса горения (вспомним уже рассмотренную нами вторую группу дефиниций).

Интересно отметить также, что в словаре HChED слово *Light*, входящее в состав приведенной выше дефиниции, определяется как «*the agency by which objects are made visible, electromagnetic radiation capable of producing visual sensation*» (HChED: 930). Как нетрудно заметить, здесь мы вновь сталкиваемся с узкоспециальным техническим подходом к интерпретации словесного знака, т.к. данное определение полностью основано на научных знаниях о физической природе света.

V ГРУППА (дефиниции 14 и 15)

Последние две дефиниции занимают особое положение в нашем списке, т.к. в отличие от всех предыдущих учитывают функциональные характеристики словесного знака. Авторы обоих словарей отказываются от объективизма, но при этом свойства опыта, выдвигаемые ими на передний план несколько отличаются. Если в первом случае основным функциональным параметром признается отсутствие человеческого контроля над продуктами горения, то во втором случае подчеркивается разрушительный аспект, превращающий пламя в опасную, враждебную по отношению к человеку силу. Следует отметить, что в словаре LDCE неподконтрольность разрушительной силы огня человеческой воле также учитывается, в связи с чем приведенная в этом словаре дефиниция

представляется нам более полной, а следовательно и более точно отражающей лингвистическую реальность человеческого сознания. Интересно при этом, что в обоих случаях огонь дается в своем статическом аспекте, т.е. как совокупность продуктов горения – пламени, света и тепла.

Итак, как мы видим, в абсолютном большинстве словарей доминирует объективистский подход к описанию словесного знака. Следствием этого является тот факт, что основным значением слова *fire* признается, как правило, объективно существующее в природе, независимое от человека физическое явление (здесь уместно будет вспомнить утверждение Х. Патнэма о том, что значением слова *water* является и всегда являлась химическая формула H_2O). Все остальные значения, которые в той или иной степени связаны со свойствами человеческого опыта, даются ниже, а следовательно рассматриваются как менее значимые по сравнению с нейтральным НВЗ.

Важно отметить при этом, что внутри самого объективистского подхода отсутствует какое бы то ни было единообразное представление об онтологическом статусе того физического явления, которое обозначается словесным знаком *fire*. Что же все-таки представляет собой огонь, если рассматривать его в отрыве от свойств человеческого опыта: процесс; объект, являющийся результатом этого процесса, или некое вещество, материю? Как мы видели, разные словари дают разные ответы на этот вопрос, что является еще одним уязвимым местом объективистского подхода. Ведь если словесный знак обозначает некое объективно существующее в природе явление, то статус этого явления также должен быть безоговорочно задан самой окружающей действительностью, в связи с чем разногласие, обнаруженное нами в словарях, остается не совсем понятным.

2.2 Искусственный характер НВЗ

Как уже отмечалось выше, будучи отражением онтологических взаимосвязей, НВЗ считается нейтральным по отношению к человеку: все

эмотивные компоненты, закрепленные за знаком, выносятся за скобки и рассматриваются как дополнение к предметно-понятийному и грамматическому содержанию слова. Интересно при этом, что любые попытки привести конкретный пример на якобы «нейтральный» НВЗ в словарях обречены на провал и лишь вносят путаницу в структуру словарной статьи. Если проанализировать все примеры, приведенные в словарях для иллюстрации базового нейтрального ЛСВ, то можно заметить их противоречие соответствующим дефинициям.

Так, например, в словаре OALDCE в первом пункте (*condition of burning*) даются следующие примеры употребления *fire* в данном значении: *The house was on fire; He set the haystack on fire; Paper catches fire easily*. Используемое в дефиниции слово *condition* предполагает, что дом, стог сена и бумага в приведенных примерах просто-напросто находятся в определенном состоянии – состоянии горения, которое, по сути, является нейтральным по отношению к человеку, т.к. разрушительные свойства огня выделены в отдельный пункт: *destructive burning*. Попробуем перефразировать эти примеры, чтобы проверить их на соответствие данной дефиниции: *The house was on a condition of burning; He set the haystack on a condition of burning; Paper catches a condition of burning easily*. При подобной замене сразу же бросается в глаза несоответствие между приведенными здесь типами контекста и словарной дефиницией, что выражается, прежде всего, в несовместимости использованных здесь глаголов со словом *condition*. По данным Британского национального корпуса такие словосочетания как *be/ set something on a condition of* в принципе невозможны. Кроме того, совершенно очевидно, что в первых двух примерах огонь проявляет свои разрушительные, а следовательно враждебные по отношению к человеку свойства. Вряд ли можно представить себе реальную жизненную ситуацию, в которой горение дома или стога сена будет рассматриваться как нейтральный по своему характеру физический процесс. Что же касается последнего предложения, то реализуемый здесь ВЗ

скорее всего является утилитарным: *Paper catches fire easily, so you may use it to start a fire.* Следует отметить, однако, что приведенный в словаре контекст явно недостаточен: отсутствуют маркеры, позволяющие однозначно определить тип ситуации и понять, идет ли речь о желаемом контролируемом процессе или о предупреждении.

В этом же пункте приводится еще один пример: *strike fire from flint.* Во-первых, определение огня как некоего состояния вновь оказывается несовместимо с глаголом действия *to strike* (*to strike a certain condition?*). Но что еще важнее, *fire* здесь явно меняет свой эмоциональный окрас, из отрицательного, разрушительного явления превращаясь в нечто положительное, желаемое – утилитарный характер данного ВЗ никаких сомнений не вызывает. Вследствие этого очень странно выглядит совмещение в одном пункте таких, казалось бы, полярных контекстов, как *The house was on fire* и *strike fire from flint.* С другой стороны, пример приведенный в следующем пункте (*destructive burning*) – *Have you insured your house against fire?* – явно коррелирует с первым типом контекста (*The house was on fire*), в связи с чем их разделение на разные варианты значения кажется просто абсурдным.

Интересно отметить также, что в обоих случаях (нейтральное базовое значение и значение, передающее разрушительные свойства огня) слово *fire* определяется через глагол *to burn*: *condition of burning, destructive burning.* Если же посмотреть, как определяется данный глагол в этом же словаре, то можно найти следующий список дефиниций: 1) *use for the purpose of lighting or heating*; 2) *damage, hurt, destroy by fire, heat or the action of acid*; 3) *be on fire or alight; be capable of giving out light and heat*; 4) *make by heat; heat (a material) to heat (sth)*; 5) *be hurt or spoilt by fire or heat; scorch; be or feel warm or hot; (fig.) be filled with strong feeling* (OALDCE: 114). При чтении данного списка сразу же бросается в глаза дефиниция №3, в которой слово *burn* определяется через уже встреченное нами словосочетание *be on fire.* Интересно отметить, что, с точки зрения авторов данного словаря, это

словосочетание является синонимом выражения *be capable of giving out light and heat*, т.к. они оба представляют один и тот же вариант значения. В результате мы вновь возвращаемся к определению огня как результату процесса горения, каковым является выделение света и тепла: *Fire = condition of burning = condition of being capable of giving out light and heat*. Абсурдность данного определения сразу станет очевидной, если еще раз произвести замену в уже рассмотренных нами примерах: *The house was on fire = The house was on a condition of burning = The house was capable of giving out light and heat*. Бессмысленность такой перестановки не вызывает сомнений: вряд ли горение дома можно рассматривать как простую способность данного объекта излучать свет и тепло.

Из всех перечисленных здесь дефиниций лишь дефиниция №2 может адекватно охарактеризовать ситуацию горения дома. Проблема заключается в том, что эта дефиниция больше соответствует определению огня как *destructive burning*. В итоге, получается, что огонь как *simple condition of burning* не находит своего коррелята среди дефиниций, определяющих глагол *burn*, что еще раз подтверждает сомнительность разделения *condition of burning* и *destructive burning* на разные лексико- семантические варианты.

Еще более интересная ситуация в словаре LDAE. В данном словаре первое значение – *burning with flames* – подкреплено следующими примерами: *Horses are afraid of fire; The pile of papers caught fire. Someone must have set fire to it; Her speech was full of fire (= strong feeling)*. Не трудно заметить, что приведенные здесь примеры взяты из совершенно различных ситуативных моделей. Если первые три предложения относятся к физической сфере опыта, где *fire* проявляет свои разрушительные свойства, то в последнем предложении, совершенно очевидно, *fire* используется для оценки определенного эмоционального состояния. Словарь никак не реагирует на такое различие контекстов и объединяет их в один пункт, рассматривая как реализацию одного и того же ЛСВ, который определяется при этом как объективный, независимый от человеческого опыта процесс горения.

В словаре CDO, где слово *fire* определяется как *(material that is in) the state of burning that produces flames that send out heat and light, and might produce smoke* приводятся следующие примеры на данный ЛСВ:

Animals are usually ***afraid of*** fire.

The fire was started by children ***playing with matches***.

40 people helped ***to put out*** (= *stop*) the fire.

The library was ***badly damaged*** in the fire.

How many historic buildings are ***damaged*** by fire each year?

She had to ***be rescued*** when her house caught (US caught on) fire (= started to burn).

В каждом из примеров присутствует лексико-семантический маркер, указывающий на отрицательное отношение к *fire* (*afraid of*) как источнику опасности (*playing with matches, badly damaged, be rescued*), который должен быть устранен (*to put out* (= *stop*)). Предложенная дефиниция, тем не менее, никак это не фиксирует, что говорит о низкой степени ее коммуникативной значимости.

Интересно, что во всех остальных изученных нами словарях примеров на первый пункт, определяющий Fire как чисто физическое явление, нет в принципе. Это объясняется, по-видимому, тем простым фактом, что найти конкретное употребление слова *fire*, соответствующее данной словарной дефиниции, т.е. полностью лишенное функциональных характеристик человеческого опыта, в принципе невозможно. Как мы видели, любые попытки привести конкретный пример на НВЗ вносят путаницу в структуру словарной статьи. Определяется здесь не столько слово, сколько объект – в результате важные элементы контекста просто-напросто игнорируются.

2.3 Наличие перекрестных дефиниций

Еще одним недостатком многих словарных статей является проблема перекрестных дефиниций. Так, например, в словаре LDAE, на который мы

уже неоднократно ссылались, основное значение слова *fire* определяется через глагол *to burn* (*burning with flames*), в связи с чем нам представилось интересным посмотреть словарную статью, посвященную данному глаголу в этом же словаре. Первая, приведенная здесь дефиниция звучит следующим образом: *to be or become on fire: The whole city is burning !* (LDAE: 85). Как мы видим, возникает интересная ситуация: *fire* определяется через *burn*, а *burn* в свою очередь определяется через *fire*, в результате чего читатель оказывается в замкнутом кругу отсылающих друг к другу дефиниций: *Fire = burning with flames; Burning = being on fire*. Парадокс заключается еще и в том, что в статье, посвященной слову *fire*, выражение *on fire* рассматривается как идиоматичное и приводится последним в общем списке значений для существительного: (*of something not meant to burn*) *burning : The house is on fire!* Тем не менее, именно это выражение используется авторами словаря для описания базового значения глагола *to burn*. В итоге, получается, что один и тот же тип употребления (*The house is on fire!* и *The whole city is burning ! = The whole city is on fire !*) рассматривается как второстепенный вариант значения для существительного *fire*, но как основной вариант значения для глагола *burn*.

2.4. Неоднозначность трактовки признака исчисляемости - неисчисляемости у имен существительных

Как известно, в английском языке имя существительное может классифицироваться по признаку исчисляемости – неисчисляемости, что, безусловно, должно учитываться в лексикографии. Интересно, однако, что словари по-разному используют данное свойство словесного знака при описании различных ВЗ полисеманта.

Для некоторых словарей характерна абсолютизация данного признака, который становится основным критерием разграничения вариативности в словарной статье. В результате в одном ЛСВ оказываются сгруппированы все

исчисляемые, а в другом – все исчисляемые употребления слова. В случае со словом *fire* это приводит к совмещению в одной дефиниции нескольких функционально различных контекстов употребления слова.

Так, в словаре LDAE практически все контексты, в которых слово *fire* является исчисляемым (за исключением *shooting by guns*) оказываются сгруппированы в первом пункте, т.е. представляют собой базовый вариант значения. Все же контексты, в которых данное слово является исчисляемым (кроме *a gas or electrical apparatus for warming a room...*) совмещаются во втором пункте данной словарной статьи. Второй ЛСВ при этом определяется следующим образом: *a mass of burning material, lit on purpose for cooking, heat, etc., or lit by accident*. Среди примеров мы находим: *Thousands of trees were lost in the forest fire*. В соответствии с логикой данного словаря получается, что лесной пожар представляет собой всего-навсего некую массу горючего материала, подожженную случайным образом. Совершенно очевидно, однако, что огонь выступает здесь как разрушительная, не поддающаяся контролю сила. В итоге, два различных, с точки зрения человеческого опыта, аспекта оказываются объединены в один пункт, т.е. рассматриваются как одно и то же значение слова *fire*: с одной стороны, утилитарные свойства огня, обеспечивающие потребность человека в свете и тепле, с другой стороны – разрушительная сила огня, подвергающая человека опасности и наносящая ущерб его жизненному пространству.

Похожая ситуация и в словаре AHDEL, в котором второе значение слова *fire* представлено как химическая реакция горения, отличимая своей разрушительной силой или утилитарными свойствами: *Such a reaction distinguished by magnitude, destructive power, or utility: a forest fire; a cooking fire*. Хотя в этом словаре признак исчисляемости/ неисчисляемости эксплицитно не выражен (пометы [C], [U] здесь отсутствуют), но судя по всему, именно на этот признак опирались авторы данного словаря при объединении таких функционально различных контекстов, как *a forest fire* и *a cooking fire*.

В словаре CELD разрушительные и утилитарные свойства огня также представлены во втором пункте как варианты одного и того же значения: 2. *A fire is 2.1 an occurrence of uncontrolled burning which destroys things. EG A fire had severely damaged part of the school... His neighbour's house is not insured against fire. 2.2 a burning pile of wood or coal that you have set light to, often in order to keep yourself warm. EG He lit a fire and cooked a meal. 2.3 a device that uses electricity or gas to give out heat and warm a room EG She switched on the electric fire.* В отличие от предыдущих рассмотренных нами словарей, здесь эти варианты значений все же разведены в подпункты, что придает статье несколько более структурированный характер. Тем не менее, базовый принцип разделения вариативности от этого не меняется: все эти значения объединены в один пункт на основе признака исчисляемости и противопоставлены первому пункту, в котором слово *Fire* является неисчисляемым. Ситуация при этом складывается довольно забавная. Среди примеров на исчисляемый вариант слова *fire* (признак исчисляемости эксплицитно выражен при помощи неопределенного артикля – *a fire*) мы находим: *His neighbour's house is not insured against fire.* В данном предложении слово *fire* явно представлено своим неисчисляемым вариантом, что подтверждает помета на полях рядом с пунктом 2.1 – [C] or [U]. Следует отметить, однако, что приведенный в этом примере контекст употребления явно противоречит определению огня как *an occurrence of... burning*, указывая на саму возможность *destructive burning*. Совершенно очевидно, что подобная дефиниция характеризует рассматриваемое нами явление как некий единичный, частный случай, что предполагает использование исчисляемого *fire* в соответствующих ей контекстах.

Как мы видим, противоречия здесь вновь возникают из-за слишком формального подхода к признаку исчисляемости/ неисчисляемости. Как и в предыдущих случаях, авторы данного словаря не учитывают распределение контекстов по различным сферам опыта, что приводит к совмещению в одном пункте функционально различных аспектов анализируемого слова. Тем не

менее, интуитивное ощущение, по-видимому, все же подсказало лексикографам, что в контекстах типа *His neighbour's house is not insured against fire* на первый план выступают разрушительные свойства огня, вследствие чего было бы ошибкой привести данное предложение в первом пункте в качестве примера на базовый «нейтральный» вариант значения. В итоге, это привело к отклонению от четкого разделения вариантов значения по признаку исчисляемости/ неисчисляемости. Проблему, однако, это не решило, а лишь внесло еще большую путаницу в структуру словарной статьи.

Если в только что рассмотренных нами словарях признак исчисляемости – неисчисляемости абсолютизируется и кладется в основу разграничения вариативности, то в некоторых словарях, напротив, этот признак вообще не учитывается в процессе выделения ЛСВ слова. В словаре MacMillan, например, первая дефиниция – *flames and heat from something that is burning in an uncontrolled way* – сопровождается пометой [COUNTABLE/UNCOUNTABLE]. По-видимому, для составителей словаря изменение слова по данному признаку не свидетельствует о том, что в семантике языковой единицы происходят значительные изменения, достойные отдельного лексикографического описания. Следует отметить, однако, что изменение слова *fire* по признаку исчисляемости – неисчисляемости (в рамках одной и той же ситуативной модели, в которой выходящее из-под контроля *fire* воспринимается как серьезная опасность) сопровождается важными изменениями в дистрибуции слова. Так, например, в сочетании с глаголом *to put out* возможен только исчисляемый вариант слова, в то время как в сочетании с существительным *death* – только его неисчисляемый вариант (*death by fire*). Это обусловлено спецификой моделирования ситуации (о чем речь пойдет ниже) и значительным сдвигом функциональных характеристик слова. Эта важная, с нашей точки зрения, информация об особенностях словоупотребления должна быть так или иначе зафиксирована в словарной статье.

Оба описанные нами подхода к интерпретации роли признака исчисляемости – неисчисляемости в структуре полисемии слова *fire* являются крайними: в одном случае из него выводится чуть ли не вся структура полисемии, в другом случае, напротив, он рассматривается как чисто формальный признак, не имеющий прямого отношения к проблеме разграничения вариативности. Следует отметить, что оба подхода приводят к недостаточно адекватному лексикографическому описанию языкового материала.

2.5. Отсутствие системности

Еще одна проблема, на которой хотелось бы остановиться, заключается в отсутствии четко прослеживаемой структуры словесного значения в абсолютном большинстве словарей. Не совсем понятно, например, являются ли все значения, перечисленные в словарной статье, равнозначными или есть основные и производные, да и существует ли вообще какая-то связь между всеми, приведенными в словаре значениями слова. Какова связь, например, между следующими двумя значениями слова *fire*: «*a burning pile of wood or coal that you have set light to, often in order to keep yourself warm*» и «*shots fired from a gun or guns*» (CELD)? На каком основании один и тот же словесный знак может выступать элементом таких, казалось бы, различных ситуативных моделей как «стрельба из огнестрельного оружия» и «использование огня для удовлетворения потребности в тепле»? Ни один из рассмотренных нами словарей ответ на эти вопросы не дает. Везде значения приводятся списком, начиная с более распространенных и кончая менее распространенными, причем остается совершенно непонятным, каким образом все эти значения соотносятся между собой.

Классическим примером в этом отношении является словарь NWDEL, где приведенные дефиниции даже не пронумерованы, а просто перечислены через точку с запятой. В итоге, словарная статья превращается в некую

аморфную массу, состоящую из списка словосочетаний и синонимов, следующих друг за другом без соблюдения каких бы то ни было композиционных принципов. Так, например, дефиниция «*burning which causes destruction, as of a house or town*» и приводимый тут же синоним *conflagration* написаны через точку с запятой, т.е., по-видимому, рассматриваются как разные значения слова *fire*.

Похожая ситуация и в ChED, где значения глагола *fire* приводятся как список синонимов без конкретных примеров. В результате возникает путаница, т.к. в целом ряде случаев не совсем понятно, как соотносится значение слова *fire* со значением приводимых глаголов-синонимов. В каком из своих значений, например, глаголы *to bake* и *to discharge* являются синонимами слова *fire*? Если следовать логике данной словарной статьи, то можно предположить, что слово *fire* может употребляться в ситуации разгрузки корабля (*to discharge a cargo = to fire a cargo*), что, как мы знаем, совершенно недопустимо.

Еще одна важная проблема, приводящая к нарушению системности словарной статьи, связана со способом описания однокоренных слов, относящихся к разным частям речи. Во всех изученных нами словарных статьях значения даются списком сначала для существительного, затем для глагола *fire* и никак не соотносятся между собой. Тем не менее, как уже отмечалось в первой главе, деление окружающей действительности на предметы, их свойства и действия с ними является продуктом человеческого разума, специфической особенностью человеческого мышления, категоризирующего окружающий мир наиболее удобным для человека способом. Сложно себе представить, чтобы *fire*-предмет мог в окружающей действительности существовать отдельно от *fire*-процесса или действия, вследствие чего логично было бы предположить наличие достаточно тесной связи между значениями *fire*-существительного и *fire*-глагола. В словарях, однако, эта связь в рамках определенных типов контекста, как правило, не отражается.

При чтении конкретных примеров нетрудно заметить наличие четкой параллели между реальными случаями употребления существительного *fire* и глагола *fire*. Так, например, в предложениях: *We were under fire*¹ / *He fired*² *a rifle* – *fire1* и *fire2* явно относятся к одной и той же сфере опыта, что должно быть отражено в словарной статье. В абсолютном большинстве словарей, однако, данная параллель не проводится в принципе. Единственным исключением среди изученных нами словарей является ThVID, в котором делается попытка сгруппировать значения существительного и глагола по сферам опыта. В данном словаре почти за каждым значением существительного следует соответствующее ему значение глагола: *destruction by burning* → *make burn, set on fire*; *fuel burning or arranged so that it will burn quickly* → *supply with fuel, tend the fire of/ dry with heat, bake*; *heat of feeling, readiness to act, passion, fervor, enthusiasm or excitement* → *to arouse, excite, inflame*; *the shooting or discharge of guns* → *discharge (a gun, etc.)/ shoot/ informal. throw/ informal. dismiss from a job, etc.* Как мы видим, авторы данного словаря попытались установить зависимость между значениями существительного и глагола, в результате чего словарная статья выглядит намного более системно.

2.6. Отсутствие общей теоретической базы для выделения фразаологических словосочетаний

Отсутствие системности наблюдается также и в выделении фразеологических словосочетаний. Так, например, во многих словарях выражение *on fire* рассматривается как идиома, в то время как в словарях OALDCE и LDCE оно приводится в первом пункте как пример устойчивого контекста употребления слова *fire* в основном варианте значения (*The house was on fire*). Интересная ситуация в этом отношении наблюдается в словаре LDAE. С одной стороны, *on fire* выделяется в отдельный пункт, т.е. рассматривается как самостоятельный вариант значения: (*of something not*

meant to burn) *burning* - с другой стороны, это же самое выражение присутствует в первом пункте, т.к. среди примеров мы находим: *Someone must have set it on fire*. По-видимому, авторы данного словаря разделяют выражения *be on fire/ set sth on fire* на разные варианты значения, исходя из принципа интенциональности. Если в первом случае горит то, что гореть не должно, то во втором случае горение является результатом целенаправленного действия – поджога. Подобное разделение контекстов, однако, вызывает ряд вопросов. Во-первых, оба эти выражения с легкостью могут употребляться для описания одной и той же ситуации: *The house is on fire. Someone must have set it on fire*. Во-вторых, дефиниции, определяющие эти якобы различные варианты значения, очень похожи друг на друга: *burning with flames/ burning (of something not meant to burn)*. В этом можно убедиться, осуществив перестановку: *The house is on fire* (пример из пункта 5) → *The house is burning with flames* (дефиниция 1); *insurance against fire* (пример из пункта 1) → *insurance against burning (of something not meant to burn)* (дефиниция 5). Как мы видим, контексты из первого и пятого пунктов соответствуют обеим дефинициям, в связи с чем встает вопрос о правомерности их разделения на разные варианты значений.

Это подтверждается и свидетельством из других словарей. В словаре CELD, например, *on fire* также рассматривается как идиоматическое выражение и определяется следующим образом: *Something that is on fire is burning and is being destroyed. EG Two vehicles were on fire*. Эта дефиниция очень напоминает предыдущую: *an occurrence of uncontrolled burning which destroys things*. В обоих случаях *fire* представлено как разрушительная сила. Разница заключается в том, что во втором случае подчеркивается отсутствие человеческого контроля над ней. Тем не менее, вряд ли можно сказать, что в ситуации горения автомобиля огонь подлежит контролю со стороны человека, в связи с чем предложение *Two vehicles were on fire* вполне соответствует определению огня как *an occurrence of uncontrolled burning which destroys things*. В словарях WBED и ThBID *on fire* определяется просто-

напросто как процесс горения: *burning*, что, можно сказать, копирует дефиницию №2 приведенную в этих же словарях для слова *fire*: *something burning*. Все это наглядно демонстрирует отсутствие четкой базы для выделения фразеологических словосочетаний в большинстве современных словарей.

В ходе компаративного анализа словарных статей, посвященных английскому слову *fire*, был выявлен целый ряд проблем современной лексикографии. Похожая критика современных толковых словарей французского языка представлена в монографии французского лингвиста Эмили Поли (Pauly 2014).

Выводы по ГЛАВЕ 2

1. Основные дефиниции в словарях, рассчитанных на носителей языка, обладают узко-специальным техническим характером. Их понимание требует от читателя наличия довольно обширных энциклопедических знаний, что вступает в противоречие с языковой практикой.
2. Искусственный характер «объективного» НВЗ, независимого от свойств человеческого опыта, выражается в абсолютной невозможности привести конкретный пример употребления словесного знака в реальной жизненной ситуации, где этот знак был бы полностью лишен базовых функциональных характеристик опыта.
3. Роль, отводимая признаку исчисляемости – неисчисляемости в процессе разграничения вариативности, является неоднозначной. С одной стороны, абсолютизация данного признака приводит к тому, что функционально различные контексты, очевидным образом относящиеся к разным ситуативным моделям, рассматриваются как один и тот же ЛСВ. С другой стороны, при объединении исчисляемого и неисчисляемого вариантов слова в один ЛСВ исключительно на основе их принадлежности к одной и той же ситуативной модели упускается из виду та разница в способе структурирования этой ситуативной модели, которая приводит к значительной модификации семантической функции полисеманта.
4. Отсутствует четко прослеживаемая связь между значениями существительного и значениями глагола, несмотря на то что оба слова являются элементами целого ряда одинаковых ситуативных моделей.
5. Словарная статья в целом обладает аморфной структурой: акцент делается на частотности употребления (значения слов приводятся списком от более употребимых к менее употребимым) и связь между

различными значениями никак не объясняется, вследствие чего остается непонятным, на каком основании один и тот же словесный знак может выступать элементом совершенно различных ситуативных моделей.

6. Отсутствует четкая база для выделения фразеологических словосочетаний.

ГЛАВА 3

Альтернативная модель значения для английского слова *fire* (лингво-антропологический подход)

3.1 Интегральная категория

В первой главе мы уже писали о необходимости выделения интегральной категории как основы словесного значения, позволяющей однокоренным словам выступать элементом различных ситуативных моделей. Для выделения ИК нами было проанализировано 3254 случая употребления существительного и глагола *fire*. Материалом для анализа послужили англоязычные газетные статьи из таких периодических изданий, как *The Independent*, *The Economist*, *The Guardian*, *The Daily Mail*; тексты из различных интернет-порталов, форумов и блогов, англоязычные романы нобелевских лауреатов по литературе, библейские тексты, стихи англоязычных поэтов XX в., а также материалы из Британского национального корпуса и Корпуса современного американского английского. Рассмотрим несколько конкретных примеров с целью выявления интегральной базы словесного значения корневой морфемы /fire/:

1. I titled that journal "*Scorpio's Fire*". I chose to use the name Fire because *fire can consume everything* it touches *if not controlled*. I relate fire to my feelings because *like fire*, my anger, rage, love and thought process *were consuming everything I did*. I noticed *an underlying theme of rage* from each poem inside. That was the birth of Scorpio's Fire (Cooper 2006: 3).
2. His fingers were *like fire* as they *scorched* across her skin, and suddenly, as *a charge of electricity shot* through her, Lisa felt riveted to the spot (BNC: Howard, Richmond 1992).
3. She fell heavily and the raised hoof caught Maggie on the shoulder so *powerfully* that she too fell, *pain washing over her like fire*. She tried to get to Ana but *fainted* as she moved (BNC: Wilson, Richmond 1993).

4. Then she remembered what he really wanted from her and *her rage burst forth like fire* (BNC: Holland, Richmond 1993).
5. It was sensuality *sharp and searing as fire*, burning the soul to tinder (BNC: Dollimore 1991).
6. When she passed under the streetlight I could see her long, curly hair was red; its *rich hue glowed like fire*, despite the way the artificial light stripped the colour from everything else it touched (BNC: Miscellaneous unpublished stories).
7. It is this hand also that takes this coal, therewith to touch the lips of ministers, that their words may *warm like fire* (Bunyan 1853: 490).
8. Focusing now on that ruby point, I see and feel it *glowing with heat and light like a ruby-seed tongue of fire, fanned to greater heat* with each breath, it starts to flare from its brazier and point and burst from its tip into flame. Kindled now, I take some vase breaths *to ignite inner fire*, melt and *savor pure bliss...* Now tone the muscles of your pelvic floor, drawing whatever *sensual Energy you've aroused* (Loizzo 2012: 455).

Во всех приведенных здесь примерах существительное *fire* является элементом сравнительной конструкции, выступая в качестве объекта сравнения. Внимательное изучение тех признаков, на основе которых субъект сравнения сопоставляется с объектом сравнения, т.е. *fire*, позволит нам выделить основные свойства человеческого опыта, закрепленные за интересующим нас словесным знаком.

Сразу же бросается в глаза частое появление в ближайшем окружении слова *fire* лексико-семантических маркеров (ЛСМ), указывающих на сходство переживаемых ощущений с ситуацией контакта с мощным источником энергии: *a charge of electricity shot through her* (2); *powerfully* (3); *sharp (keen in spirit and action, full of activity or energy (OMWD)) and searing* (5) (*marked by extreme intensity, harshness, or emotional power (OMWD)*); *sensual Energy you've aroused (= to ignite inner fire)* (8). С одной стороны, результат этого

контакта может оцениваться положительно как восприятие теплоты, света, прилива жизненных сил: *its rich hue **glowed** (6) (to **shine** with a **soft light** (OMMD)) like fire; **warm** like fire (7); **glowing** with **heat** and **light** like a ruby-seed tongue of fire, savor pure **bliss** (8). С другой стороны, выходя из-под контроля, эта энергия начинает восприниматься как серьезный источник опасности, боли и разрушения: *fire can **consume** (to **destroy** something completely, esp. by burning it (OMMD)) **everything** it touches **if not controlled**, like fire, my anger, rage, love and thought process **were consuming everything** I did (1); his fingers were like fire as they **scorched** across her skin (2) (if **extreme heat** scorches you, it is so hot that it is **painful** (OMMD)); **pain** washing over her like fire (3); her rage **burst forth** like fire (4) (to develop suddenly and **violently**).**

Посмотрим теперь на несколько контекстов для глагола *to fire* и проверим, присутствуют ли в его ближайшем окружении ЛСМ со схожим типом оценки:

1. Like Marie's mother, her skinny, deceptively frail body **was fired by nervous energy** (BNC: Gates 1990).
2. The audience approved though, and **fired by their enthusiasm**, he **loosened the reins** and **charged cheerfully** into the murky world of speed, greed and what the nation reads (Alexandra Madden's Blog).
3. Because in that instant she had **fired the ship's rear guns** and had **blasted** the other ship's nose section **into particles** (BNC: Hill1989).
4. Her cheeks made minute undulations until, **without so much as a quiver** throughout the rest of her body, she **fired** a perfectly formed spitball which **smacked my lip**, swelled, slid down to my mouth (BNC: Neil 1993).
5. The Tamar Valley **Power Station will fire up** again in 2016 **after lying dormant** for 18 months... Hydro Tasmania director said **the state needed a new source of power** temporarily. («Hydro Tasmania to fire up Tamar Valley Power Station in 2016»).

6. Villages were *raided and burned*, cattle were driven off, growing crops were trampled, *hay stocks were fired* and people were taken captive (BNC: Wood 1991).

Как мы видим, здесь вновь присутствуют элементы контекста, указывающие на восприятие ситуации контакта с мощным источником энергии: *fired by nervous energy* (1); *he loosened the reins and charged cheerfully* (2) (*to rush forward in or as if in assault (OMWD)*); *The Tamar Valley Power Station will fire up, a new source of power* (5). В некоторых высказываниях при этом присутствуют ЛСМ, указывающие на желанность такого контакта, связанного с возможностью целенаправленного конструктивного использования данной энергии: *deceptively frail body was fired by nervous energy* (1); *fired by their enthusiasm, cheerfully* (2); *the state needed a new source of power* (5). В остальных случаях, напротив, энергия *fire* воспринимается как разрушительная сила, используемая как оружие и средство уничтожения: *she had fired the ship's rear guns and had blasted the other ship's nose section into particles* (3); *she fired a perfectly formed spitball which smacked my lip* (4) (*to hit something hard and noisily*); *raided and burned, hay stocks were fired* (6).

Как мы видим, употребление как существительного, так и глагола *fire* в тексте каждый раз обусловлено определенным типом эмоционально-оценочного переживания, которое говорящий стремится выразить. Это эмоционально-оценочное переживание и представляет собой интегральную категорию, закрепленную за корневой морфемой /fire/, которую, на наш взгляд, можно сформулировать следующим образом: *an ability to establish contact with a powerful source of energy providing comfortable warmth and clarity of surroundings if human control over it is maintained or being a highly dangerous scorching and blinding destructive force if the control is lost*. В случае с /fire/ ИК является амбивалентной и включает в себя два полюса оценки – положительный и отрицательный. Важно помнить при этом, что она

представляет собой именно *эмоционально-оценочное переживание*, вызванное контактом человека с определенным элементом действительности, поэтому предложенная выше формулировка – это лишь приблизительное описание некоего комплексного эмоционально-оценочного переживания, и она ни в коем случае не должна рассматриваться как фиксированная словарная дефиниция.

3.2 Основные ЛСВ в физической сфере опыта

В тексте ИК конкретизируется за счет обретения словом частеречной принадлежности и установления стабильных связей с другими элементами хронотопа. Ее амбивалентность, как правило, снимается благодаря выборочной реализации либо положительного, либо отрицательного оценочного потенциала. Сравним следующие два отрывка:

1. There is *a primal link* between man and *fire*. For ancient man, *fire* provided *warmth, protection from wild animals, light in the dark wilderness, and a place to cook food*. While *fire* is no longer *vital* to most men's existence, it still has *a magnetic power* that *attracts* us. The flames of *fire* can *inspire* legendary stories, *generate uplifting discussion*, and *build camaraderie* among the men circled around them (How to Build a Roaring Campfire).
2. In addition to producing smoke, *fire* can *incapacitate or kill* by reducing oxygen levels, either by consuming the oxygen, or by displacing it with other gases. Heat is also a *respiratory hazard*, as superheated gases *burn the respiratory tract*. When the air is hot enough, *one breath can kill...* Although *fire's toll* has declined steadily over the past two decades, *fire continues to cause major losses...* When people *fear death by fire*, they typically imagine the cry of "*fire!*" in a place crowded with strangers... But *of the 10 deadliest fires* through 1999, only two were in such settings... (The Consequences of Fire)

Оба отрывка относятся к физической сфере опыта, т.к. речь идет о ситуации физического горения (это те типы контекста, которые рассматриваются словарями обычно как случаи реализации НВЗ). В обоих текстах слово *fire* является именем существительным – т.е. выступает в качестве стабильного элемента ситуативной модели – причем представлено своим неисчисляемым вариантом.

Не трудно заметить, тем не менее, что оно выполняет здесь несколько разную функцию. В первом отрывке слово *fire* используется для моделирования желаемой ситуации контакта с источником света и тепла, о чем свидетельствует наличие в ближайшем окружении слова таких положительно заряженных элементов контекста, как *warmth, light, protection, a magnetic power, inspire, uplifting discussion, build camaraderie*. ИК, таким образом, здесь максимально приближена к положительному полюсу оценки, что и обуславливает возможность для слова *fire* вступать в синтаксические связи со словами такого типа.

Во втором отрывке, напротив, *fire* встраивается в парадигму слов, за которыми закреплены ярко-выраженные отрицательные свойства опыта: *incapacitate, kill, hazard, fire's toll, major losses, fear, death, deadliest*. В данном случае слово *fire* представляет собой элемент ситуации, который оценивается как серьезная угроза для человеческой жизни, на устранение и предотвращение которой должны быть направлены максимальные усилия. Как мы видим, ИК реализуется здесь иначе: снятие амбивалентности происходит в пользу отрицательного типа оценки, за счет чего оказывается возможным построение такой синтагмы как *fire can incapacitate or kill*.

Такое функционально значимое распределение контекстов по типу эмоционально-оценочного отношения к проблемной ситуации мы и предлагаем положить в основу словарной статьи, посвященной слову *fire*, в качестве базового принципа разграничения вариативности. В результате мы

получим два основных ЛСВ: *positive controlled Fire (SENSE 1)* ↔ *negative uncontrolled Fire (SENSE 2)*²⁴:

SENSE 1

NOUN [U] *Beneficial energy in the form of hot and bright flames produced by sth burning that provides physical warmth and comfortable clarity of the surroundings.*

SENSE 2

NOUN [U] *Destructive energy in the form of blinding flames and roaring heat that has devastating power over everything it meets.*

Следует отметить, что выбор между тем или иным ЛСВ напрямую зависит от проблемы, решаемой в тексте: первый отрывок взят из статьи, в которой предлагаются различные способы разведения огня, т.е. *fire* представляет собой желаемый элемент ситуации, на получение и поддержание которого направлены усилия автора; второй отрывок взят из правил по технике безопасности, где выходящее из-под контроля *fire* превращается в угрозу, подлежащую устранению.

Важной особенностью данной схемы является отсутствие базового номинативного ЛСВ, по отношению к которому определялись бы все остальные ВЗ. Обе предложенные здесь дефиниции описывают равноправные случаи реализации ИК.

3.3 Архетип: сакральное *fire*

Существует еще один тип контекста, который однозначно не укладывается в рамки ни одного из предложенных выше ЛСВ. Рассмотрим несколько примеров:

1. And mount Sinai was altogether on a smoke, because *the Lord descended upon it in fire*: and the smoke thereof ascended as the smoke of a furnace, and the

²⁴ Противопоставление controlled ↔ uncontrolled Fire положено в основу выделения двух первых ВЗ в словарях MacMillan Dictionary (онлайн версия) и Longman Dictionary of Contemporary English. Особенностью этих двух функционально-ориентированных словарей является отсутствие «нейтрального» НВЗ. Тем не менее, в отличие от предложенной нами модели, здесь нет четкого деления на положительную и отрицательную сферы опыта: остальные ВЗ («equipment for heating», «shooting with gun», «strong feeling») не соотнесены с соответствующим типом эмоционально-оценочного переживания.

whole mount *quaked greatly*... And the Lord said unto Moses, Go down, charge the people, *lest they break through unto the Lord to gaze, and many of them perish*. And let the priests also, which come near to the Lord, *sanctify themselves, lest the Lord break forth upon them*. And Moses said unto the Lord, The people cannot come up to mount Sinai: for thou chargedst us, saying, *Set bounds about the mount*, and sanctify it (The Holy Bible, Exodus 20: 18-23).

2. Now when Solomon had made an end of praying, *the fire came down from heaven*, and *consumed the burnt offering* and the sacrifices; and *the glory of the Lord filled the house*. And the *priests could not enter into the house of the Lord*, because *the glory of the Lord* had filled the Lord's house. And when all the children of Israel saw how *the fire came down*, and *the glory of the Lord* upon the house, *they bowed themselves with their faces to the ground* upon the pavement, and *worshipped*, and *praised the Lord*, saying, For *he is good*; for *his mercy endureth for ever* (The Holy Bible, 2 Chronicles 7: 1-3).

Оба отрывка взяты из Ветхого Завета и описывают ситуацию явления Бога перед людьми: Господь нисходит на землю в окружении яркого пламени, которое воспринимается присутствующими как символ божественного величия. *Fire* становится здесь знаком присутствия Бога на земле, в связи с чем вызывает благоговейный трепет в сердцах людей, которые, с одной стороны, связывают его с благодатью божьей – *the glory of the Lord filled the house; worshipped; praised the Lord; he is good; his mercy endureth for ever* (2) – а с другой стороны, ощущают страх перед его всепоглощающей мощью – *lest they break through unto the Lord to gaze, and many of them perish; lest the Lord break forth upon them*(1); *priests could not enter into the house of the Lord; they bowed themselves with their faces to the ground* (2). Священное *fire* как бы устанавливает границу между Богом и человеком (*set bounds about the mount* (1)), недозволенное нарушение которой, т.е. профанация сакрального, ведет к неминуемой гибели.

Усердное служение Господу, напротив, вознаграждается благостным проникновением божественного *fire* в душу человека, причем момент этого проникновения ассоциируется с особым состоянием сознания:

3. **The Christic Fire: *The Sacred Fire*** of the Cosmic Christ *is not the same as the fire that burns of the earth*. Rather it is the occult, or *esoteric aspect of fire*, the Astral Fire, the Flame of the Flames. The Christic Fire is *the fire of the Spirit* that fertilizes the chaotic matter, that has *the power to create atoms* and universes and also *to disintegrate them...* It is by means of this Fire that we may *Christify ourselves*. We need the Christ to penetrate us so that He can *change us radically*. Once *the Fire of the Christ blazes within us* we will be transformed, *enjoying full illumination and cosmic powers*. Only this Fire can *destroy those psychological defects* that comprise *the ego, which at present keep our consciousness imprisoned* (The Gnosis Link).
4. We just *don't want to be consumed by God's fire* because to be consumed with God's fire *means to forget the word 'I,'* and that's one word that we live by... We need faith to know that when we give up this selfish 'I', we *receive an inexplicable freedom*; it's a freedom that makes you feel *as if you were a bird, soaring in the sky* (Doherty 'Our God is a Consuming Fire').
5. But *if you wish to know* how these things come about, ask grace not instruction, *desire* not understanding, the *groaning of prayer* not diligent reading, *the Spouse* not the teacher, *God* not man, darkness not clarity, not light but *the fire that totally inflames and carries us unto God by ecstatic unctions* and burning affections. *This fire is God*, and "his furnace is in Jerusalem" (Isa 31:9); and Christ enkindles it in the heart of his burning passion, which only he truly perceives who says: "My soul chooses hanging and my bones death" (Job 7:15). *Whoever loves this death can see God* because it is true beyond doubt that "man will not see me and live" (Exod 33:20). (Reid 1995: 241)

Все три отрывка описывают момент установления контакта с Богом: божественное начало проникает в человека, что приводит к радикальному

преображению. Этот момент религиозной эйфории ассоциируется с *fire*, т.е. *fire* вновь выступает в качестве атрибута божества и способа установления контакта между Богом и человеком. Это *fire* имеет совершенно особый статус: *The Sacred Fire of the Cosmic Christ is not the same as the fire that burns of the earth* (3). Безусловно, оно представляет собой более совершенный эквивалент физического *fire* на земле. Особенность его, однако, заключается еще и в том, что оно является как внешним, так и внутренним одновременно. С одной стороны, это *fire* – атрибут Бога и, как таковое, существует вне человека, за пределами как его психики, так и его физической оболочки. С другой стороны, в особых случаях оно может проникать в человека, и это божественное проникновение связывается с определенным психическим состоянием – состоянием экстаза и эйфории, которое воспринимается как момент преодоления собственной ограниченности и соприкосновения с высшими силами бытия (*enjoying full illumination and cosmic powers; Only this Fire can destroy those psychological defects that comprise the ego, which at present keep our consciousness imprisoned* (3); *we receive an inexplicable freedom, you feel as if you were a bird, soaring in the sky* (4)).

Радикальный пример такого освобождения представлен в примере (5). Состояние религиозного экстаза (*ecstatic unctious*) рассматривается здесь лишь как приближение к Господу. Необходимым условием единения с Ним является смерть, т.е. разрушение несовершенной телесной оболочки, приводящее к абсолютной свободе: *Whoever loves this death can see God because it is true beyond doubt that “man will not see me and live”*.

Преодоление собственной ограниченности как момент трансцендентального контакта с Богом является важным следствием проникновения сакрального *fire* в душу человека. Хотелось бы подчеркнуть при этом амбивалентность данного переживания. Преодоление ограниченности чисто человеческого взгляда на мир предполагает полное разрушение собственной идентичности. Принесение в жертву собственного «Я» - это довольно мучительный процесс, который оказывается под силу

далеко не каждому: *We just don't want to be consumed by God's fire because to be consumed with God's fire means to forget the word 'I,' and that's one word that we live by* (4).

Следует отметить, что слово *fire* часто используется для описания ситуаций экстатического возбуждения, в том числе и эротического экстаза:

7. Emma cried out *in ecstasy* at the new sensation. Her body *felt like it was on fire* and she felt something building inside her stomach...The *pleasure* his fingers were creating was *so intense* it was *almost painful*. He stroked her passion until she became *frenzied* (Istre).

Слово *fire* появляется здесь в окружении целого ряда ЛСМ, указывающих на чрезмерную интенсивность переживания и полную утрату контроля над собственной психикой: *ecstasy*, *intense*, *frenzied*. Утрата контроля над собственным сознанием предполагает выход за пределы обыденного восприятия действительности. В словаре OMD, например, слово *ecstasy* определяется следующим образом: *a state of being beyond reason and self-control*. Ситуация, таким образом, воспринимается как момент расширения сознания. При этом бросается в глаза амбивалентность переживания: получаемое удовольствие настолько сильно, что граничит с болевыми ощущениями (*almost painful*).

Истоки контекстов такого типа лежат, по-видимому, еще в языческих культах плодородия и связаны с идеей сакрального эротизма как своеобразного способа вступления в контакт с божеством (см., например, символическое использование огня в современных языческих общинах в ритуале единения Бога и Богини с целью создания мощного энергетического поля, позволяющего вступить в контакт со Святым Духом (Withcraft and Shamanism. The Great Rite. URL: <http://www.paganspath.com/magik/greatrite.htm>)). Момент эротико-религиозного экстаза воспринимается как мощный прилив психической энергии, вызывающий измененное состояние сознания, которое переживается как преодоление ограниченности чисто

человеческого восприятия действительности и прикосновения к божественному началу.

Интересно отметить, что в психоанализе именно этот эротический аспект рассматривается как психофизиологическая основа восприятия *fire*, которая позволила человеку прийти к осознанию возможности использования физического *fire* в утилитарно-бытовых целях (Bachelard 1992). Правомерность такой интерпретации подтверждается документальными свидетельствами о существовании различных эротических ритуалов, связанных с огнем и часто направленных на его поддержание:

6. The Marind of New Guinea believe that *fire has its origins in sex*, and so indulge in a rite whereby *a girl has to be raped in order to keep that fire alight* (BNC: Simon 1992).

Во всех рассмотренных в данном параграфе контекстах слово *fire* обладает целым рядом функциональных особенностей. Прежде всего, следует отметить его амбивалентность. Будучи атрибутом божества, *fire*, с одной стороны, представляет собой манифестацию его величия и благодати, а с другой – является средством защиты и устрашения, не позволяющим человеку непосвященному прикоснуться к сокровенным тайнам бытия. Проникновение сакрального *fire* в душу человека ассоциируется с моментом экстатического возбуждения, который также оценивается неоднозначно: ради преодоления ограниченности сознания приходится идти на жертвы, да и на физическом уровне этот момент сильнейшего эмоционального напряжения часто связывается с болевыми ощущениями. Кроме того, в контекстах такого типа происходит совмещение нескольких различных сфер опыта: сакральное *fire* является как физическим, так и духовным, как внешним, так и внутренним.

Это подтверждает нашу мысль о том, что истоки архетипа лежат, в обрядово-мифологическом синкретизме первобытного сознания, для которого характерна целостность восприятия действительности (см. параграф 1.3). На данном этапе развития человек еще не способен полностью

самовыделяться из своего окружения, мир для него пронизан множеством различных взаимосвязей, причем различные аспекты опыта часто оказываются неразрывно связаны. В результате *man – God – fire* образуют сложный психологический комплекс, в рамках которого отсутствует четкая дифференциация контекстов по типу эмоционально-оценочного отношения к ситуации: выделенные нами в предыдущем параграфе *fire1* и *fire2* здесь еще слиты воедино.

Синкретизм проявляется также и в отсутствии четкого разделения контекстов по сферам опыта: физическое *fire* как элемент внешнего мира здесь неотделимо от психического *fire* как сильного эмоционального переживания, сопровождающегося рядом определенных физиологических ощущений.

Исходя из всего вышесказанного, представляется целесообразным рассматривать контексты такого типа как реализацию отдельного ЛСВ слова *fire*, особенность которого заключается в полноте проявления ИК. Как мы уже говорили, этот ЛСВ мы будем называть архетипом за его синкретическую природу, совмещающую в себе различные аспекты опыта – положительный и отрицательный тип оценки, отнесенность как к физическому, так и к ментальному пространству одновременно. На основе проанализированных контекстов можно предложить следующий вариант формулировки для данного варианта значения слова *fire*: ***A superior life-giving inspirational force associated with intense light and heat, often perceived as having the divine origin and being the source of sacred knowledge. If the Self is overpowered by it, an instance of transcendence happens, leading to a blissful dissolution of the boundaries of physical existence. An inconsiderate attitude to it may lead, however, to serious punishment.***

В современном англоязычном обществе архетипическое *fire* присутствует, прежде всего, в текстах религиозного характера, в том числе как элемент различных эзотерических практик; а также в художественной литературе, особенно в поэзии, для моделирования неразрешимого

психологического конфликта (об этом более подробно речь пойдет в следующей главе данной работы). Следует отметить при этом, что в толковых словарях английского языка эти контексты никак не зафиксированы, в результате чего очень важный элемент лингвокультуры не находит отражения в лексикографии.

Таким образом, нам удалось выделить три основные ЛСВ слова *fire*, каждый из которых реализуется в определенном типе контекста в сопровождении типичных ЛСМ:

SENSE 1

NOUN [U] Beneficial energy in the form of hot and bright flames produced by sth burning that provides physical warmth and comfortable clarity of the surroundings.

SENSE 2

NOUN [U] Destructive energy in the form of blinding flames and roaring heat that has devastating power over everything it meets.

SENSE 3

NOUN [U] A superior life-giving inspirational force associated with intense light and heat, often perceived as having the divine origin and being the source of sacred knowledge. If the Self is overpowered by it, an instance of transcendence happens, leading to a blissful dissolution of the boundaries of physical existence. An inconsiderate attitude to it may lead, however, to serious punishment.

3.4 Производные ЛСВ

3.4.1 Исчисляемые и неисчисляемые варианты значения

Как известно, существительное *fire* может быть исчисляемым и неисчисляемым. Чтобы понять, существует ли функционально значимое различие между этими случаями употребления данного слова, сопоставим некоторые контексты (см. Таб. 1).

Таб. 1 Сопоставление случаев употребления исчисляемого и неисчисляемого *fire* в идентичных вводящих контекстах

№	UNCOUNTABLE	COUNTABLE
1	In addition to producing smoke, fire can incapacitate or kill by reducing oxygen levels, either by consuming the oxygen, or by displacing it with other gases. (<i>The Consequences of Fire</i>)	<i>In March, a fire at a home in the southern Kentucky community of Gray killed a young couple and five children... (Mother, 8 Children Killed In Greenville House Fire)</i>
2	He'd fought fire for five seasons, and after two of Granite Mountain's squad bosses left in March, he was promoted . (<i>Yarnell Hill Fire</i>)	He fought fires all over the city, but his biggest battle was fighting cancer close to home. (<i>Patient Portal</i>)
3	List of famous people who died in fire ... Everyone on this list has died in fire as a cause of death somewhere in their public records... (<i>Famous People Who Died in Fire</i>)	39 anti-government activists have died in a fire at Odessa's Trade Unions House. (<i>39 people die after radicals set Trade Unions House on fire in Ukraine's Odessa</i>)
4	Then we both smelled smoke and ran over and looked P195 through the trees, and we saw fire everywhere, from the beach all the way back to the road . (COCA: Muller 1999)	We saw a fire that looked like it was not going to take much work... This video shows him parachuting onto the mountain at about 6:00 PM on July 5 th . The fire on Storm King still seemed no more than routine. (COCA: WHO TAKE THEM ON)
5	Ever since humans discovered fire , our food preparation has involved consuming natural resources and releasing global warming gases by burning wood or fossil fuels. (COCA: Pennybacker 2008)	ADPS officers discovered a fire in the 200 block of W Erie St just before midnight Saturday night. (<i>Albion Department of Public Safety</i>)
6	Just across the street, a tornado of fire was twirling through the neighbors' houses. (<i>Yarnell Hill Fire</i>)	No equivalent

Предложения специально подобраны так, чтобы в каждой строке таблицы оба ВЗ вводились одним и тем же типом контекста. Это формальное сходство наглядно демонстрирует разницу в особенностях структурирования

ситуации при использовании исчисляемого и неисчисляемого *fire*. Рассмотрим их более подробно.

В первом примере существительное *fire* является подлежащим, а в роли сказуемого – или его части – выступает глагол *to kill*. В предложении, где используется неисчисляемое *fire*, речь идет о *fire*-стихии – веществе, потенциальный контакт с которым может привести к нежелательным для человека последствиям. Потенциальность контакта подчеркивается здесь за счет использования модального глагола *can*. Исчисляемое *fire*, напротив, представляет собой некое событие, т.е. конкретный случай проявления данной стихии, которому приписывается осуществление вполне конкретного, точно локализованного – *at a home in the southern Kentucky community of Gray, in March* – действия. Показателен и источник этих двух предложений: в первом случае – это свод правил по технике безопасности, во втором случае – газетная статья, описывающая конкретное событие – пожар, в котором погибла молодая семейная пара с пятью детьми.

В остальных предложениях тоже присутствуют маркеры, указывающие на дифференциацию контекстов. Во второй группе примеров существительное *fire* вводится глаголом *to fight*, причем неисчисляемый ВЗ используется тогда, когда речь идет о борьбе с разрушительной силой *fire*-стихии в целом: для говорящего важны не столько конкретные случаи пожаротушения, сколько собирательный опыт взаимодействия со стихией, который способствовал продвижению по службе. В пользу такой интерпретации говорит и обстоятельство времени – *for five years*: здесь нет четкой локализации события. Исчисляемый ВЗ, напротив, используется для моделирования ситуации контакта с *fire* как совокупностью дискретных сущностей, т.е. отдельных событий, произошедших в конкретном месте – *all over the city*.

В остальных предложениях с исчисляемым *fire* также находим маркеры, указывающие на четкую локализацию события: *at Odessa's Trade Unions House (3); on July 5th, on Storm King (4); in the 200 block of W Erie St just before*

midnight Saturday night (5). В предложениях с неисчисляемым *fire*, напротив, присутствуют маркеры, характеризующие какой-либо аспект контакта со стихией в целом: *as a cause of death somewhere in their public records* (3), *our food preparation* (5). В примере (5) со сменой параметра исчисляемости/неисчисляемости происходит еще и изменение типа оценки. Если *discovered a fire* всегда предполагает контакт с конкретным источником опасности и разрушения, то *discovered fire* используется исключительно для описания того момента, когда человек открыл для себя возможность использовать *fire* в хозяйственно-бытовых целях.

Особенно интересен пример (4). Неисчисляемое *fire* используется здесь для описания ситуации конкретного пожара. Выбор именно неисчисляемого варианта обусловлен здесь масштабами трагедии – *we saw fire everywhere, from the beach all the way back to the road*. Человек оказывается настолько подавлен увиденным, что интерпретирует ситуацию как контакт со стихией в целом, а не просто как конкретный случай ее проявления. Исчисляемое *fire*, напротив, предполагает ощущение большей степени контроля над происходящим – *looked like it was not going to take much work; seemed no more than routine*.

Следует отметить также, что интерпретация случаев использования неисчисляемого *fire* как описание контакта со стихией в целом – т.е. с веществом, материей – позволяет объяснить и его появление в предложных конструкциях типа *a tornado/ cloud/ wall of fire* (6). Исчисляемый вариант здесь в принципе невозможен, т.к. противоречил бы семантике всего оборота.

Такая же закономерность характерна и для положительного *fire*, и для архетипа. Неисчисляемый утилитарно-бытовой ВЗ появляется в высказываниях, где речь идет о самой возможности применения *fire*-стихии в утилитарно-бытовых целях: *Locke presented to the gullible public... fantastic animals, such as two-legged beavers that used fire and lived in huts* (BNC: New Scientist). Исчисляемый же ВЗ употребляется для описания конкретных случаев использования *fire* для приготовления пищи, обогрева или просто для

создания уюта: *In the entrance hall at Egerton Grey Country House Hotel, a blazing fire hissed its welcome to Wales...* (BNC: Country Living).

Что касается архетипа, то здесь тоже наблюдается дифференциация контекстов по признаку исчисляемости/ неисчисляемости.

1. This is for you if: ... you want *to find more balance with the energy of fire* in your life... This program will help you: Understand *the fire element* and *how to harness its power...* Make lifestyle changes that support *a healthy inner fire* (*Ignite! Awaken Your Inner Fire*).
2. It shall be a statute for ever in your generations concerning *the offerings of the Lord made by fire*: everyone that toucheth them shall be holy (Leviticus 6: 18). And Moses and Aaron went into the tabernacle of congregation, and came out, and blessed the people: and the glory of the Lord appeared unto all the people. And there *came a fire out* from before the Lord, and consumed upon the altar the burnt offering and the fat (Leviticus 9: 23-24).
3. ...when we continue to explore other qualities about God, we see that He is Holy, He is Righteous, *He is Fire. God is a Righteous-Holy-Fire...* God is ALL and wants to be ALL THAT HE is within you and in me. *Fire comes to change us*, bring about a reconstruction of our nature until the impurities of form have become swallowed up in the presence of Him that is **A CONSUMING FIRE** (*God is A Consuming Fire*).

Как мы видим, неисчисляемый вариант вновь используется здесь для описания ситуации контакта с сакральным *fire* как с высшей, не поддающейся дифференциации силой: *to find more balance with the energy of fire* (1), *the offerings of the Lord made by fire* (2), *He (God) is Fire* (3). Исчисляемый вариант, напротив, описывает конкретный момент контакта с этой силой или конкретный аспект ее проявления: *a healthy inner fire* (1) – источник жизненной энергии в одном конкретном человеке, *there came a fire out from before the Lord* (2) – конкретный момент явления божественного *fire* человеку, *God is a Righteous-Holy-Fire/ A CONSUMING FIRE* (3) – конкретный аспект проявления сакрального *fire*.

Таким образом, во всех трех сферах опыта разделение неисчисляемого и исчисляемого *fire* на разные ВЗ функционально обусловлено противопоставлением стихии конкретному событию, источником которого данная стихия является. Оба ВЗ объединены причинно-следственной связью, что позволяет нам говорить о производном характере исчисляемого *fire*, образованного от неисчисляемого ВЗ путем метонимического сдвига с причины на следствие.

3.4.2 Производные ВЗ существительного в положительной сфере опыта (в рамках *fire 1*)

Положительное *fire* дает еще несколько метонимических расширений в рамках ИК. Рассмотрим следующие примеры:

1. He grunted and stood beside her, *unable to see anything* either, for *the interior was dark and chilled* from the downpour. He waited for a few minutes, until his eyes adjusted and he saw ***a fire laid in the fireplace, ready to be lit...*** He gave her an understanding smile. “***I’ll start a fire*** in a minute. I want to look around first.” (Coffman 2013: 207)

В данном отрывке слово *fire* употребляется два раза, при этом здесь реализуются два разных ЛСВ. Нас особенно интересует первый случай его появления в тексте – речь идет о дровах, лежащих в камине и подготовленных для разведения огня, но еще не зажженных. Слово *fire* становится здесь маркером, указывающим на потенциальную, но пока еще не реализованную возможность удовлетворения потребности в свете и тепле (*the interior was dark and chilled* → *he saw a fire laid in the fireplace*). Таким образом, происходит метонимический сдвиг по линии причинно-следственных отношений: значение слова *fire* расширяется за счет включения в сферу его использования этапа подготовки топлива как необходимого условия для установления контакта с благотворным *fire* – источником света и тепла (следствие → причина). В результате образуется производный ЛСВ (его

маркерами в тексте, как правило, будут выступать глаголы *to lay, to build*), который можно сформулировать следующим образом:

NOUN [C] Fuel arranged to be lit for utilitarian purposes.

2. All ***Dimplex fires*** and suites are 100% efficient at point of use, so *no heat is wasted* which is good for the environment and your utility bills. And because *the flames can work independently of the heating*, you can *enjoy the relaxing flame effect* all year round... Compared with other fuels, ***Dimplex electric fires*** and suites are really easy to install. (*Fires Surrounds – Benefits to the Tenant*)

Перед нами еще один типичный пример метонимического сдвига по линии причинно-следственных отношений. В данном случае слово *fire* используется для обозначения обогревателя, имитирующего визуальный эффект горения дров. Несмотря на то, что огонь ненастоящий, здесь присутствуют основные составляющие ситуации контакта с благотворным *fire*: ощущение тепла, света, притягательная красота языков пламени – все это способствует созданию комфорта и уюта в доме. Слово *fire* употребляется при этом не просто для обозначения визуального эффекта горения, а относится к самому прибору (*electric fires and suites are really easy to install*), в результате чего можно говорить о том, что происходит метонимический сдвиг по принципу следствие → причина:

NOUN [C]: an apparatus used for heating a room and for creating a cosy relaxing atmosphere by imitating the glowing appearance of flames.

Типичным вводящим контекстом для данного ЛСВ будут глаголы *to install, to fit, to hang, to maintain*, а также прилагательные, обозначающие тип используемого питания: *There are many reasons why electric fires are so desirable. As a general rule, they tend to be cheaper to buy than gas or alternative fires, but look as impressive in a home space* (*How to Install a Wall Hung Electric Fire*).

3. *Fire* or *dispersed light* appears as *flashes of rainbow colors*. You see more *fire* in darker environments like restaurants that have just a few point light sources or a flickering candle. Diamond experts have known for a long time that steep angles and small tables *produce more fire*. But this combination also produces less light return. Less light return makes it easier to see *fiery flashes* that might otherwise be swamped by bright white sparkles; that one reason is why old cut diamonds and some fancy cuts appear *to have a lot of fire*. (*Brilliance, Fire and Scintillation*)

В данном примере представлен еще один производный ЛСВ, образованный от *fire1* путем метонимического сдвига. Этот ЛСВ используется в ювелирном деле для обозначения способности ограненных драгоценных камней переливаться всеми цветами радуги. Основой для метонимического расширения в данном случае служит сходство чисто визуального эффекта: яркий радужный блеск камней напоминает светящиеся языки пламени – *flashes of rainbow colors/ fiery flashes* (о сходстве цветового восприятия *fire* и *rainbow* свидетельствует целый ряд контекстов: *The sky looked like it was on fire with every color in the rainbow* (СОСА: Forstchen 2000)). Для высказываний такого типа при этом характерен общий положительный тип оценки: так же как и красота языков пламени, яркий блеск драгоценных камней вызывает восхищение, придавая им еще большую ценность в глазах человека. Таким образом, здесь происходит расширение контекстуальных возможностей существительного *fire* за счет сдвига с функции на характеристики восприятия в процессе контакта:

NOUN [U]: *(in jewelry) a characteristic of high quality cutting that manifests in the ability of a gem to disperse light producing flashes of rainbow colours and increases the value of the gem.*

Типичным вводящим контекстом для данного ЛСВ будут глаголы *to exhibit, to increase, to maximize*.

3.4.3 Производные ВЗ существительного в отрицательной сфере опыта (в рамках *fire* 2)

В отрицательной сфере опыта метонимическое расширение существительного представлено одним ЛСВ, который используется в ситуации стрельбы из огнестрельного оружия – *artillery/ machine gun fire*. Во всех изученных нами словарях этот тип контекста выделяется в отдельный ЛСВ. Тем не менее, статус этого ЛСВ никак не определен по отношению к остальным ВЗ, входящим в состав словарной статьи.

На наш взгляд, контексты типа *artillery/ machine gun fire* представляют собой еще один случай метонимического расширения, произведенного от отрицательного ЛСВ по принципу причинно-следственной связи: приобретение снарядом разрушительной силы вследствие контакта с мощным источником энергии. Исторически мотивацией для возникновения данного метонимического расширения послужил факт использования огня при запуске артиллерийских снарядов. Наличие целого ряда общих функциональных характеристик, свойственных контекстам типа *forest fire* и *machine gun/ artillery fire*, привело к закреплению в языке результатов данного метонимического расширения.

British second Lieutenant, Graham Greenwell, wrote a letter home describing the experience of being hit by artillery fire:

“I saw a blinding flash in front of me and a great column of flame and earth roe in the sky: the concussion hurled me backwards into a deep German dug-out. I felt shaken to pieces: it was a most horrible feeling of being absolutely dazed and helpless just at the wrong moment” (Modern World History)

Целый ряд эмоционально-оценочных переживаний, возникающих при артиллерийском обстреле, напоминает ощущения, вызываемые «разрушительным» *fire*: контакт с ослепительным источником света и обжигающим пламенем, ощущение абсолютной беспомощности перед

нависшей угрозой, полное отсутствие контроля над ситуацией. Такая функциональная близость привела к закреплению в языке результатов метонимического сдвига и к их частому использованию в речи. Можно предложить следующую формулировку для данного ЛСВ:

NOUN [U]: deadly dangerous destructive force and roaring sound of projectiles launched by a weapon in order to damage sth or to kill sb.

Этот ВЗ часто вводится глаголами *to be, come* с предлогом *under, to exchange, to open, to return, to cease*.

3.5 Варианты значения глагола *to fire*

Во многих уже рассмотренных нами ситуативных моделях корневая морфема /fire/ может использоваться для передачи как стабильных, так и динамических свойств опыта, т.е. наряду с именем существительным может употребляться и глагол *to fire*. Рассмотрим более подробно особенности употребления однокоренного глагола в сферах опыта, уже выделенных нами для существительного.

3.5.1 *To fire* в положительной сфере опыта

1. If you are using the commercial castable refractory there is no need ***to fire the lining*** until the furnace is assembled. But the home brewed lining ***must be fired*** to vitrify it. It is *easy to do with a charcoal fire*. (Gingery 2015)

Как нетрудно заметить, в данном примере речь идет о возможности использования *fire* в утилитарно-бытовых целях, что позволяет нам провести параллель с первым ЛСВ *fire*-существительного. Здесь, однако, подчеркивается динамический аспект контакта с *fire* (***to do with a charcoal fire***), направленного на достижение определенного эффекта (*to vitrify it*). Это позволяет ИК реализоваться здесь не в качестве объекта, воспринимаемого как совокупность стабильных свойств, а в качестве изменения, разворачивающегося во времени.

Интересно, что глагол *to fire* в контекстах такого типа всегда будет переходным, т.е. действие им обозначаемое всегда направлено на конкретный объект (*bricks, bread, pottery etc.*). Это позволяет нам сделать вывод о том, что глагол *to fire* в данном типе контекста соотносится не с основным ВЗ существительного *fire*, а с его метонимически производным исчисляемым вариантом, обозначающим конкретное событие. Не случайно, в приведенном нами примере глагол *to fire* появляется вместе с исчисляемым вариантом существительного – *a charcoal fire*: температурная обработка какого-либо объекта всегда предполагает контакт не со стихией в целом, а с конкретным ее источником. В словарной статье, таким образом, имеет смысл привести эти ВЗ существительного и глагола в одном пункте за счет их функционально-смысловой близости:

NOUN [C] elemental force → **its specific instance**: A specific source of energy produced by sth burning which is used for utilitarian purposes such as heating, lighting or cooking

VERB (I) [TR] To use intense heat for utilitarian purposes such as drying or baking sth

Следует отметить при этом, что существительное *fire* в данном ВЗ используется намного шире, чем глагол, который выступает элементом лишь нескольких узко-специализированных ситуативных моделей. Невозможно, например, использовать глагол для описания процесса запекания картофеля на костре. Наиболее естественными в такой ситуации будут сочетания существительного *fire* с каким-нибудь другим глаголом (например, *to cook/roast potatoes in the fire*). Это говорит о приоритете существительного в данной сфере опыта – глагол, по-видимому, представляет собой дериват, образованный от существительного путем конверсии.

2. The mine closed in 1982, leaving behind 2 million tons of coal waste contaminating the Conemaugh. # Fuel is free # For years, officials at the

Seward site had discussed the idea of *using coal waste to fire the plant*, noted Dick Imler, the plant's general manager. (COCA: Ivanovich 2004)

Еще один случай употребления глагола *to fire* соотносится с другим производным ВЗ существительного – *fuel arranged to be lit for utilitarian purposes*. Глагол используется здесь для передачи динамического аспекта ситуации, связанного с необходимостью постоянной подачи топлива для поддержания процесса горения с целью получения энергии: *fuel – to supply with fuel*. Глагол здесь также является переходным и употребляется в сочетании с существительным, обозначающим некий источник энергии, требующий постоянной подачи топлива для нормального функционирования – a power station/ plant/ furnace/ boiler.

NOUN [C] effect → **cause**: *Fuel arranged to be lit for utilitarian purposes*

VERB (2) [TR] *To supply with fuel in order to maintain a source of energy used for utilitarian purposes*

Этот глагол, по-видимому, тоже является производным и образован от соответствующего ВЗ существительного, ведь без метонимического сдвига в структуре полисемии существительного *fire* такие случаи глагольного словоупотребления были бы в принципе невозможны. Можно говорить, таким образом, о существовании двух омонимичных глаголов *to fire* в положительной сфере опыта, которые представляют собой словообразовательные конверсивы, образованные от различных ЛСВ имени существительного. Интересно, что второй глагол, обозначающий процесс подачи топлива, сам по себе является источником нескольких метонимических сдвигов, что делает его полисемантическим и приводит к образованию нескольких производных ВЗ в структуре его полисемии. Рассмотрим следующие примеры:

3. And precisely as a cowboy would unhitch his horse to ride across the street, *he fired the engine* and rumbled the one quarter block to Moony's Tavern and

parked in a diagonal slot between a hay truck and a station wagon. (COCA: Barron 2005)

4. I own a 1914 Premier -- a big, brass-era car built in Indianapolis, with a huge T-head six-cylinder dual-plug engine. This car was upgraded in the late' 40s... I get into this Premier, turn the key, and *it fires*; I don't have to start on the battery, then switch over to the magneto. (COCA: Leno 2011)

В примере номер три происходит метонимический сдвиг со всего процесса на одну его часть: здесь важна не столько непрерывная подача топлива как необходимое условие функционирования какого-либо механизма, сколько момент первоначальной активации этого механизма за счет подачи первичной порции топлива. Глагол *to fire* остается здесь переходным, что позволяет нам заключить, что перед нами метонимический сдвиг первого порядка.

Пример номер четыре относится к той же ситуативной модели, что и третий пример – речь вновь идет о двигателе автомобиля, причем глагол *to fire* вновь маркирует момент активации двигателя. Тем не менее, здесь происходит важное изменение его грамматических свойств – интересующий нас глагол становится непереходным. Любая вариация по признаку переходности/ непереходности у глагола всегда свидетельствует об изменении лексического значения. В данном случае можно говорить о метонимическом сдвиге второго порядка по принципу причина → следствие. В контекстах такого типа важен сам факт активации механизма, а подача топлива как необходимое условие этой активации выносится за скобки.

Таким образом, глагол *to fire* (2) в положительной сфере опыта имеет следующую структуру полисемии:

VERB (2) [TR] *To supply with fuel in order to maintain a source of energy used for utilitarian purposes*

(2.1) [TR] whole → part: *to activate something by supplying it with fuel*

(2.1.1) [INTR] cause → effect: *To acquire enough energy to be able to go off*

3.5.2 *To fire* в отрицательной сфере опыта

1. *Prisoners were taken, even from the area beyond the town's ditches; a mortally wounded Royalist soldier confessed to being one of the seven who had **fired the houses and barns** and died the following day. (Westall 2014: 103)*
2. *Ruble's standing right now **with a torch ready to fire all the cotton** stored in there. (Butler 1999: 186)*

В данных примерах глагол *to fire* является эквивалентом *to fire (1)* в положительной сфере опыта, т.к. речь идет о возможности целенаправленного использования *fire*-стихии. Тем не менее, здесь речь идет не о созидательном акте, а об эффективном способе разрушения: *fire* сразу же выходит из-под контроля и превращается в средство уничтожения, представляющее серьезную угрозу для жизни. Глагол здесь тоже является переходным, т.е. действие им обозначаемое всегда направлено на конкретный объект, в результате чего он используется, как правило, для описания конкретной ситуации-события. Можно говорить, таким образом, о его соответствии метонимически производному исчисляемому ВЗ, образованному от второго, «отрицательного», ЛСВ *fire*-существительного.

NOUN [C] elemental force → its specific instance: *A specific source of powerful destructive energy produced by sth burning*

VERB (3) [TR] *To use the powerful energy of flames in order to destroy sth*

Некоторые словари отмечают существование и непереходного глагола *to fire* в такого типа контекстах, например: *Gunpowder will readily **fire** with a spark* (ThBID, 744) – который используется для описания возможности некоего элемента материального мира приобретать разрушительную силу *fire*-стихии. Тем не менее, все те немногие примеры, которые нам удалось

найти в конкретных речевых произведениях, относятся к первой половине XIX в., что говорит об архаичности словоупотреблений такого типа.

Следует отметить, что переходный ВЗ тоже встречается достаточно редко: предпочтительными в данной ситуативной модели будут словосочетания с существительным *fire* – *to set something on fire*, *to set fire to*, что говорит о приоритете существительного в данной сфере опыта.

3. Within the hour, the first cannon was *ready to be fired*... He *took the torch*, *yelled*, “*Fire!*” as loud as he could, and *touched the torch to the powder*. The cannon boomed so loud it *dazed the crowd*. No one had ever heard a noise like that before... The cannon *caused the ground under their feet to shake*. The group stood *awestruck*, *speechless*. Finally, one guy in the crowd yelled, “Holy shit”... He stepped back and told Victor that this time he was to apply the torch to the powder. Then *Victor yelled*, “*Fire!*” (Olufsen 2006: 194)

В примере 3 представлен еще один глагол *to fire* – *to fire* (4), образованный по конверсии от другого производного ВЗ существительного *fire*, который используется в ситуации стрельбы из огнестрельного оружия. Рассмотрим его более подробно.

Глагол *to fire* появляется здесь в сопровождении соответствующего существительного – «*Fire!*». Отметим сразу, что мы рассматриваем слово *fire* в данном восклицании именно как существительное, т.к. персонаж, который его произносит, сам же и поджигает фитиль пушки. В связи с этим восклицание «*Fire!*» в данном тексте не может быть побуждением к действию, приказом, а представляет собой, по-видимому, предупреждение, предвосхищающее определенный тип опыта – контакт с мощной разрушительной силой пушечного выстрела. Существительное *fire*, таким образом, используется здесь для передачи типичных стабильных свойств опыта, связанных с ситуацией артиллерийского обстрела (*it dazed the crowd*, *caused the ground under their feet to shake*, *awestruck*, *speechless*).

Глагол *to fire*, в отличие от существительного, употребляется для описания более конкретного элемента ситуации, а именно момента активации

огнестрельного оружия. Не случайно, глагол здесь переходный, т.е. речь идет о приведении в действие конкретного механизма. Таким образом, если существительное *fire* описывает ситуацию как недифференцированный источник переживаний определенного типа, то глагол всегда обозначает конкретное действие или совокупность конкретных действий (в сочетании с существительным во множественном числе):

4. They said that because of his collaboration, the Kong Le troops *fired their cannons* in our direction. If the *cannon fire* stopped when they took him away, they would know he had been an informer. (Under Fire: Growing Up on the Plain of Jars)

Этот отрывок является ярким примером переключения точки зрения, которая ведет к замене глагола существительным: совокупность конкретных действий одного противника – the Kong Le troops *fired their cannons* – воспринимается другим противником как недифференцированный источник переживаний определенного типа – If the *cannon fire* stopped.

Как мы уже отмечали в параграфе 3.4.3, исторически мотивацией для возможности употребления слова *fire* в ситуации стрельбы из огнестрельного оружия послужил факт использования огня для запуска артиллерийских снарядов. Тем не менее, механизация современной техники никак не повлияла на частотность появления слова *fire* в текстах, реализующих данную словесную модель. Как показывает следующий пример, глагол *to fire* продолжает использоваться для описания действий, направленных на активацию автоматического огнестрельного оружия:

5. The hatchway in the entry bay grew *incredibly bright from some external heat source* and then dissolved in a sudden *shower of flaming sparks* and liquefied shards of metal... A few laser bolts struck nearby. She cringed, ducked down, and *fired the cannon*. An *enormous burst of energy erupted* from the gaping maw in front. Complicity was *thrown back* in the entry bay. “Raven!” she cried out. “I *need a power source for this thing!* And you better hurry!” (Wasserman 2014: 150)

По-видимому, стабильность подобных случаев глагольного словоупотребления обусловлена произошедшим метонимическим сдвигом в сфере существительного: за существительным *fire* закрепился определенный тип переживаний, ассоциирующихся с опытом нахождения под артиллерийским обстрелом (*grew incredibly bright from some external heat source, a sudden shower of flaming sparks, an enormous burst of energy erupted*), и любые действия, направленные на активацию оружия и приводящие к восприятию подобного рода ощущений, могут обозначаться глаголом *to fire*, даже если сам процесс никак не связан с непосредственным использованием огня (в данном случае, судя по всему, речь идет об электрическом источнике питания - *I need a power source for this thing*).

Глагол *to fire* (4) полисемантичен, и в его структуре можно выделить несколько метонимических расширений:

6. Well, when the hostage taker ***fired bullets***, police brought in the bulldozer. (COCA: Allegations Against Fmr. 2004)

Глагол *to fire* в данном случае вновь является переходным, однако, в качестве прямого дополнения здесь выступает не приводимое в действие орудие, а запускаемый им снаряд. Можно, таким образом, говорить о метонимическом сдвиге по линии причинно-следственных отношений: причина (активация механизма) → следствие (запуск снаряда). Обозначим данный ЛСВ как *to fire* (4.1).

Интересно, что в некоторых случаях глагол *to fire* может употребляться в эллиптической конструкции. Сравним следующие два предложения:

7. The gunner said he ***fired his Browning machine gun at a man*** pedaling a bicycle but missed because of the distance. (COCA: Booth 2015)
8. Two armed males forced their way into an apartment. A resident inside the apartment was armed and ***fired at the two intruders***, who fled. Police located one suspect, who was nearby with *a gunshot wound*. (COCA: Anne Arundel County and Howard County crime report)

Если в первом предложении прямое дополнение выражено эксплицитно – *fired his Browning machine gun*, то во втором предложении оно опущено и представлено лишь косвенно в словосочетании *a gunshot wound*. Второе предложение, однако, можно с легкостью перефразировать, вставив прямое дополнение: *A resident inside the apartment was armed and fired his gun at the two intruders...* Смысл предложения от этого не меняется, что подтверждает нашу мысль о том, что перед нами случай эллипсиса.

Тем не менее, в некоторых типах контекста появляются признаки дифференциации эллиптической конструкции. Например, в сочетании с предлогом *on* прямое дополнение, как правило, опускается:

9. They no doubt remembered the events of June 21, when Israeli forces ***had fired on civilians*** in roughly the same area, killing three children and a middle-aged woman. (COCA: Barr Staff 2002)

Примеры, в которых прямое дополнение физически присутствует в тексте крайне редки (см. Таб. 2), но все же существуют, что говорит, по-видимому, об исконной эллиптической природе подобных случаев употребления:

10. It's obviously horrific, as it is when ***mortars are being fired on civilians*** and people are being indiscriminately killed. (COCA: PBS NewsHour for April 26, 2013)
11. The Army will sacrifice their own blood before ***firing a single bullet on the people***. (COCA: Attacking the Drones; Street Revolution; Imagine a World// SPOK: CNN, 2013)

Таб. 2: Соотношение переходных и непереходных случаев употребления глагола *to fire* (4) в синтаксической последовательности AGENT + FIRE + (OBJECT) + ON + TARGET

VERB FORM	TR				INTR	
	(4)		(4.1)		ACT	PAS
	ACT	PAS	ACT	PAS		
FIRED	2	4	11	10	260	92

FIRE	2	-	4	-	177	-
FIRES	-	-	2	-	5	-
FIRING	1	-	4	-	125	-
TOTAL	5	4	21	10	567	92
	40 (5,7 %)				659 (94,3 %)	

Как мы видим, в качестве прямого дополнения в контекстах такого рода может выступать как само орудие (*mortars*), так и снаряд (*a single bullet*). Глагол *to fire*, таким образом, реализует здесь ЛСВ (4) и ЛСВ (4.1) соответственно. По данным корпуса, однако, оба эти типа словоупотребления являются редкими (в СОСА орудие в качестве прямого дополнения встречается 9 раз, а снаряд – 31 раз против 659 случаев употребления глагола без прямого дополнения).

Такая дифференциация контекстов позволяет предположить, что случаи эллипсиса постепенно выделяются в отдельный ЛСВ, приобретая качественно новое значение: здесь важен не столько сам факт активации какого-либо конкретного вида огнестрельного оружия или запуск определенного снаряда, сколько результат этого действия. Происходит, по-видимому, метонимическое расширение с причины на следствие: приведение в действие конкретного механизма или запуск снаряда обуславливает определенный тип переживания у отдельного человека или группы людей. В пользу такой интерпретации говорит и относительная частотность использования пассивной конструкции (92 случая из 659, т.е. примерно 14 %):

12. WE CLIMBED UP in silence, *expecting to be fired on* at any moment, but when we reached the wide plateau above we found it deserted (СОСА: Reitz, Deneys. First Blood. MAG: MHQ : The Quarterly Journal of Military History, 2012)

Использование пассива смещает акцент с производителя действия на объект, каковым в данном случае является человек, находящийся под прицелом. В контекстах такого типа, таким образом, подчеркивается ощущение опасности, переживаемое человеком или группой людей, на

которых направлено действие, а конкретный источник этой опасности определен недостаточно четко (им может быть как любой вид огнестрельного оружия, так и любой вид снаряда).

Интересно также, что во многих случаях конкретное название орудия вводится в предложение при помощи предлога *with*:

13. A few days later a band of drunken militiamen ***fired on the man-of-war with their muskets*** (COCA: James L. Nelson. Burning Falmouth. **MAG**: Military History. Vol. 22, Iss. 1; pg. 62, 9 pgs, 2009)

Слово *muskets* физически присутствует в тексте, но входит в состав косвенного, а не прямого дополнения, что еще раз подтверждает нашу мысль о том, что глагол *to fire* здесь непереходный и представлен отдельным ЛСВ, который мы обозначим как *to fire (4.2)*.

Рассмотренные нами на данном этапе ВЗ глагола *to fire (4)* можно сформулировать следующим образом:

NOUN [U] cause → **effect**: *deadly dangerous destructive force and roaring sound of projectiles launched by a weapon in order to damage sth or to kill sb*

VERB (4): [TR] *To make a weapon release its destructive force by putting it in contact with a source of powerful energy*

4.1 [TR] cause → **effect**: *To communicate an enormous destructive power to a missile by projecting it with the purpose of destroying sth or killing sb*

4.2 [ELLIPTICAL] [INTR] *to subject sb/ sth to deadly dangerous destructive force and roaring sound of projectiles launched by a weapon*

В структуре глагола *to fire (4)* можно выделить еще несколько метонимических расширений. Рассмотрим вкратце каждое из них.

14. Using slingshots, Arab youths ***fired stones*** at Israeli soldiers who replied with tear gas and rubber bullets. (COCA : Heart Matters;Future Vision;Hanging Tough)

15. ***The material is fired*** down the telephone lines to ICL in Manchester on completion. (BNC: [Scotsman]. World affairs material)

В примерах такого типа глагол *to fire* тоже переходный, однако, в качестве прямого дополнения может выступать достаточно широкий спектр существительных, обозначающих как конкретные физические объекты (11), так и более абстрактные понятия (12 – под словом *material* здесь понимается результат умственной деятельности). Параллель с предыдущим вариантом контекста (см. пример 10) напрашивается здесь сама собой: некий объект приводится в движение за счет сообщения ему мощного заряда энергии для достижения определенной цели. Тем не менее, акцент здесь делается на скорости передвижения объекта и точности в достижении цели, а не на разрушительных последствиях действия (как в примере 10). Это говорит о том, что перед нами результат еще одного метонимического расширения контекстуальных возможностей слова за счет его включения в любые словесные модели, где описывается процесс аналогичный запуску снаряда, но не вызывающий соответствующих негативных эмоций: процесс → часть процесса.

4.1 [TR] cause → effect: *To communicate an enormous destructive power to a missile by projecting it with the purpose of destroying sth or killing sb*

4.1.1[TR] whole process → its part: *To communicate much energy to an object and therefore set it in motion with the purpose of attaining a specified goal*

13. I crawled over to the soldier. His eyes were closed. The *gun fired* again. It seemed closer. (BNC: Billion-dollar brain)

Глагол *to fire* здесь непереходный, что само по себе говорит о том, что перед нами отдельный ВЗ. В качестве подлежащего в контекстах подобного рода всегда выступает имя существительное, обозначающее один из видов огнестрельного оружия, т.е. подлежащим здесь является не субъект, а объект действия. Этот факт указывает на то, что перед нами еще один метонимический сдвиг с причины на следствие: ситуация моделируется

таким образом, что действие совершает сам механизм, а человек, этот механизм запускающий, выносится за скобки.

4.3 [INTR] cause → effect: to acquire and release its powerful destructive energy (speaking of a weapon)

14. "...you know, people want my job, and in order for them to have my job, *I have to be gone*. So they do things to try to *dispose of me*. They try to *get me in trouble*. They try to *find flaws* in what I do [and in] my work... Because ***if I lose my job, I lose my life...***" Gaming taught her to accept that, in some situations, workers for which she felt a personal affection ***had to be fired***, like *sacrificing* a character for the good of the group in a role-playing scenario. (Bowman 2010: 125)

15. Whatever happens that famous finger and the words "You're ***fired!***" will *find their target*. (*The Apprentice, episode 1*)

16. The company director, 35, from Shropshire, admitted he was "gutted" as he became the first candidate ***to be fired*** from this year's series of the business talent show. "As soon as we'd lost the task, I thought it would be either me or Felipe going. *It puts you right in the firing line*. (*The Apprentice 2014*)

В данном отрывке глагол *to fire* появляется в иной ситуативной модели, не имеющей прямого отношения к стрельбе из огнестрельного оружия, – речь идет об увольнении с работы. Тем не менее, целый ряд ЛСМ указывает на то, что обе эти ситуации имеют между собой нечто общее. В современном обществе стабильное трудоустройство является одной из фундаментальных ценностей. Наличие постоянной работы и стабильного заработка во многом определяет социальный статус человека, уровень его благосостояния и степень самореализации. В результате этого, потеря работы воспринимается как одно из тяжелейших испытаний в жизни. Размышляя о возможности потерять работу, один из героев книги, отрывок из которой мы приводим в пункте (14), приравнивает эту ситуацию к ситуации расставания с жизнью: *if I*

lose my job, I lose my life. Далее в этом же тексте увольнение человека рассматривается как принесение его в жертву – *sacrificing*. В таком окружении глагол *to fire* выглядит вполне естественно: уволить человека значит разрушить его жизнь и уничтожить его как морально, так и социально. Параллель с ситуацией стрельбы из огнестрельного оружия становится очевидной – уволить значит убить.

В примере (15) указательный палец разозленного начальника уподобляется пистолету, готовому совершить выстрел (*find their target*), а в предложении (16) появляется целая словесная последовательность, заимствованная непосредственно из ситуации ‘*Use of Firearms in a Military Conflict*’ – *It puts you right in the firing line*.

Таким образом, в контекстах такого рода происходит еще одно метонимическое расширение по линии причинно-следственных отношений: активация оружия (причина) → ее разрушительные последствия для человеческой жизни (следствие).

4.4 [TR] cause → effect: *To force an employee quit his or her job contributing to his or her social and moral annihilation*

Итак, мы рассмотрели особенности употребления как существительного *fire*, так и нескольких однокоренных с ним глаголов, попытались установить закономерности их использования в различных ситуативных моделях и предложили возможные варианты дефиниций для выделенных нами ЛСВ. Созданная модель была бы, однако, неполной без учета еще одного важного аспекта словесного значения, связанного с особенностью реализации в тексте иносказательного потенциала соответствующих лексических единиц. К рассмотрению случаев иносказательного употребления существительного и глаголов *fire* мы и обратимся в следующем параграфе нашей работы.

3.6 Случаи иносказательного употребления

Во многих современных работах отмечается использование контекстуальной сферы «Fire» в качестве ситуации-источника для формирования концептуальных метафор: LOVE IS FIRE (Omazic 2008; Perez 2008), ANGER IS FIRE, LIFE IS FIRE (Kövecses 2010) и т.д. Интересно, что в процитированных нами работах по концептуальной метафоре «Fire» рассматривается как одна-единственная недифференцированная ситуация-источник.

Как показал приведенный выше анализ, существительное *fire* является элементом нескольких различных по своим функционально-оценочным параметрам ситуативных моделей – фреймов – в каждой из которых реализуется определенный ЛСВ данного слова. Условно обозначим эти модели следующим образом:

1. ‘Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes’ – словесная модель, описывающая возможность использования *fire* в утилитарно-бытовых целях (ЛСВ1);
2. ‘Uncontrolled Destructive Burning’ моделирует ситуацию контакта с разрушительной, вышедшей из-под контроля мощной энергией *fire*, представляющей серьезную опасность для человеческой жизни (ЛСВ2);
3. ‘Use of Firearms in a Military Conflict’ – модель, описывающая ситуацию вооруженного конфликта, где *fire* является средством борьбы с противником (ЛСВ 2.2).

Каждая из представленных здесь моделей систематически служит источником для иносказательного заимствования словесных последовательностей с компонентом *fire*, причем в целевом тексте заимствованное словосочетание всегда будет сопровождаться рядом ЛСМ, указывающих на наличие ассоциативной связи с исходной ситуативной моделью. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

3.6.1 'Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes'

1. It is the juggling of words that *creates meaning*, the *friction of words rubbing together to create fire in the mind – light and clarity...*

Meaning has *a kindling point where it sparks the mind and creates light. With light, seeing is possible and then clarity.*

Words, *frozen thoughts* on a page, can be rearranged *to create meaning...*

Working words until they *catch fire creates light*, and with *the clarity of light* we can *learn to see the true nature of the mind...* (Erlewine).

2. " Better make sure *before we get too excited.* " *Betty felt no excitement.* She watched without words as Welstead thumbed through the catalogue. " Whee! " yelled Welstead, suddenly a small boy. " No listing! It's ours! " And Betty's heart melted at the news... At the same time, *a spark of her husband's enthusiasm caught fire in her mind and interest began to edge aside her gloom.* (COCA: Vance 1992)

Оба текста относятся к ментальному пространству – перед нами описание эмоционального состояния персонажа, причем в обоих случаях эмоциональное переживание осмысливается в терминах контакта с благотворным *fire*, на что указывает присутствие в обоих текстах целого ряда соответствующих ЛСМ.

В примере 1 существительное *fire* появляется два раза, причем вводится сначала глаголом *to create*, затем - глаголом *to catch*. Оба словосочетания используются для описания желаемого, долгожданного момента душевного прозрения. При этом целый ряд ЛСМ в тексте указывают на наличие ассоциативной связи с фреймом *Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes*.

На протяжении всего текста состояние ясности сознания уподобляется контакту с *fire* как благотворным источником света. Выражения *to create fire in the mind (light)* и *to create meaning (clarity)* употребляются в данном контексте как синонимы, что указывает на наличие функциональной

аналогии между *fire* и *meaning*, т.е. между физическим источником света и психическим ощущением понимания, осознанности.

Кроме того, в тексте появляются еще несколько ЛСМ, заимствованных из физической сферы опыта и связанных с ситуацией разведения огня для использования в бытовых целях: *the friction of words rubbing together to create fire* вызывает в сознании читателя ассоциации с примитивным способом получения огня при помощи трения, а *a kindling point where it sparks the mind and creates light* связывает момент озарения с желанным моментом возгорания, когда темнота вдруг рассеивается и уступает место свету, видению и пониманию.

Словосочетание *to catch fire* маркирует переходный момент от напряженных усилий к достижению желанного результата – осознанности: *working words until → they catch fire... with the clarity of light we can learn to see the true nature of the mind.*

Похожая ситуация и во втором примере, где словосочетание *to catch fire* также заимствуется из фрейма *Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes*, на что указывает присутствие в тексте следующих словесных последовательностей: *a spark of her husband's enthusiasm caught fire → began to edge aside her gloom*. Плохое настроение героини, скептически относящейся к затее своего мужа, сопоставляется с ситуацией восприятия беспросветной темноты (*gloom*), а энтузиазм мужа иносказательно оценивается как искра, разжигающая благотворное пламя надежды, которое рассеивает темноту и позволяет установить стабильный контакт с источником света.

Как мы видим, в обоих отрывках существительное *fire* в составе словосочетания *to catch fire* реализует ЛСВ1 и используется для иносказательной оценки определенного психического состояния, связанного с ощущением повышенного воодушевления и ясности.

Следует отметить, что существительное *fire* может заимствоваться из ситуативной модели *Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes* для

иносказательной оценки определенного эмоционального состояния и в составе целого ряда других словосочетаний, что говорит о системности соотношения исходной и целевой словесных моделей опыта. Приведем еще несколько коротких примеров параллельных контекстов в исходной (ИМ) и целевой моделях (ЦМ) (Таб. 3):

Таб. 3 Примеры параллельных контекстов в ИМ и ЦМ

MENTAL SPACE (ЦМ)	PHYSICAL SPACE (ИМ)
<p>Dedication To my father, Patrick Edward Mallen. Your unyielding and abounding love has <i>lit a fire in my heart</i> since I was a little girl, and this fire continues. It is this fire that <i>urges me on</i> as I walk through life... It is this fire that <i>encourages my heart when I am down...</i> (Ozimkowski 2007: V)</p>	<p>There was kindling in the stone fireplace. Joe found matches on the mantle, <i>lit a fire</i> and knelt close to its <i>welcome warmth</i>. (COCA: Wartski 2005)</p>
<p>In the pages of those comics I discovered garish advertisements for products that <i>set my imagination on fire...</i> (Lamberson 2008: 1)</p>	<p>...striking the two stones together over your tinder. This may be difficult and will take some time but with patience you should be able to make sparks that will <i>set your dry tinder on fire</i>. (Corson 2013: 121)</p>
<p>If I have to choose between precision and enthusiasm for the new student, it will always be enthusiasm! If <i>the fire gets stoked</i>, the <i>opportunity for full potential</i> is achieved. (Mann, Hunt 2013: vii)</p>	<p>When I woke, the room was <i>getting cool</i>. I <i>stoked the fire</i>, and the place <i>warmed quickly</i>. (Choyce 2010)</p>
<p>These days, he is well off the political path, but he <i>hasn't given up on his</i></p>	<p>A box behind the stove held wood, but we held the coal bucket on the back</p>

<p><i>original ambition.</i> " If anything, it's only added fuel to the fire, " he says. " Meaning, when I garner attention from here, I'm thinking if I could just turn that fan into a vote (COCA: Rowell 2011)</p>	<p>porch, carrying it into the living-room only long enough to add fuel to the fire, which helped keep some of the dust out of the living-room. (Birkby 1993: 94)</p>
--	--

Как мы видим, ЛСВ1 может иносказательно употребляться в ментальной сфере опыта в составе целого ряда словосочетаний: *to light a fire, to set something on fire, to stoke the fire, to add fuel to the fire* (данный список не является исчерпывающим).

Словосочетания с компонентом *fire* могут также использоваться и в текстах социальной проблематики для иносказательной оценки общественно-значимых событий и явлений, что обусловлено, по-видимому, осуществлением метонимического сдвига с эмоционального состояния на значимость того общественного события или явления, которое это состояние вызывает в связи с эмоциональной вовлеченностью в возможные последствия соответствующей ситуации (следствие → причина):

3. Sunlight has never really **caught fire** as a power source, mostly because generating electricity with solar cells is more expensive and less efficient than some conventional sources. But a new solar panel... *hopes to brighten the future* of the energy source (COCA: TECHBITS).
4. His previous three-parter for C4 looked at notions of taste among the British class system and was *rightly beloved by critics* – though didn't exactly **set the ratings on fire** in its summer 2012 slot. (Grayson Perry: Who Are You?)
5. Mercury, the Rodney Dangerfield of planets, *is finally getting respect*. For some 25 years, the tiny planet could **light a fire under** only a handful of solar-system scientists... Now, however, *Mercury's stock is rising*. (COCA: Spotts 2001)

Все три примера ассоциативно связывают популярность некоего объекта или явления, имеющего социальную значимость, с ситуацией физического контакта с благотворным источником света. В примере 3 важным ЛСМ, указывающим на наличие такой ассоциативной связи, является глагол *to brighten*. Возможность увеличения спроса на солнечные батареи и создания положительной динамики в данной области энергетики уподобляется переходу от темноты к свету, т.е. от менее комфортной к более комфортной ситуации.

В примере номер 4 речь идет о рейтинге телевизионной передачи, причем отсутствие повышенного к ней интереса у телезрителей сопоставляется с неудачной попыткой разведения огня – ведущему не удалось разжечь интерес зрителей, в результате чего установление контакта с *fire* как благотворным источником света и тепла здесь не происходит.

В пятом примере степень популярности планеты Меркурий среди исследователей также иносказательно оценивается как ее способность разжечь огонь. Выражение *to light a fire under* в данном случае заимствуется из одной из более конкретных ситуаций в рамках общей модели ‘Situation of Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes’, а именно ситуации использования энергии *fire* для активации какого-либо механизма, например парового двигателя или бойлера:

6. When the fog rolled in, the keeper was required to ***light a fire under the boiler*** in the signal building *to create enough steam to activate the foghorns*, commonly called trumpets. (Twin Harbors History... Old pier blocks on beach mystery likely solved)

В данной ситуации энергия *fire* приводит в действие механизм, выполняющий важную функцию сообщения об опасности. В отличие от стрельбы из огнестрельного оружия, где *fire* также используется для активации механизма, результат данного действия оценивается положительно как созидательный акт, решающий важную проблему опыта и не ставящий никого под угрозу, т.е. здесь вновь реализуется ЛСВ1 – ситуация в целом

представляет собой один из возможных вариантов утилитарно-бытового использования *fire*.

В пятом примере, где речь идет о планете Меркурий, выражение *to light a fire under* употребляется по аналогии с данной микромоделью: способность Меркурия возбуждать интерес в научных кругах и таким образом активизировать действия ученых уподобляется возможности разжигания огня с целью активации общественно-полезного механизма.

В целом в ситуациях такого типа существует устойчивая ассоциативная связь с моделью ‘Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes’. В том случае, если некое общественно-значимое событие или явление вызывает воодушевление и воспринимается как обладающее способностью внести положительные изменения в жизнь общества, оно может уподобляться благотворному контакту с *Utilitarian Fire*.

Еще один возможный вариант иносказательного употребления слова *fire* представлен в текстах, относящихся к физической сфере опыта. ЛСВ1 используется здесь для оценки зрительных – преимущественно цветовых – ощущений, вызывающих у человека тот же эмоциональный отклик, что и непосредственное созерцание физического *fire* (т.е. происходит заимствование из одной словесной модели в другую словесную модель в рамках физической сферы опыта):

7. Against the pink sky, the two peaks looked like a single mountain. It was hard to take them for anything but *a good omen*. As the *sudden* dawn *caught fire*, they turned *green with hope*. So many hearts, he thought, *must have lifted* at the sight of them. # To Blessington, they looked like *the beginning of home free*. (COCA: Stone 1996)

В данном случае словосочетание *to catch fire* иносказательно оценивает момент восхода солнца – т.е. момент физического перехода от темноты к свету. Так же как и пламя костра, первые лучи солнца рассеивают темноту, даруя тепло и вселяя надежду в человеческие сердца. В тексте присутствует целый ряд положительно заряженных ЛСМ: *a good omen, green*

with hope, hearts must have lifted, the beginning of home free. Это говорит о том, что слово *fire* реализует здесь ЛСВ1, вызывая ассоциации с благотворным источником света и тепла, что и позволяет ему с легкостью встроиться в данную парадигму.

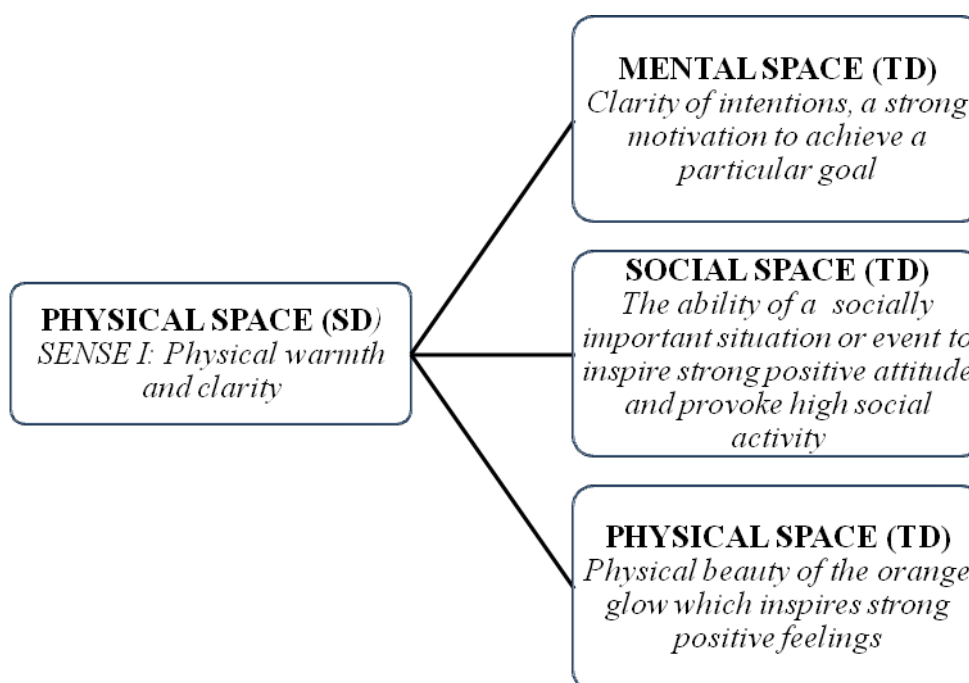
Глагол тоже может употребляться иносказательно:

8. As the heat of the whiskey *warmed* her chest and ***fired up her brain***, Divya came to the conclusion that there was only one way to deal with the present problem... (Podder J. Mumbai Dream's 2012: 95)

В данном предложении *to fire* (2) устанавливает аналогию между процессом подачи топлива для запуска какого-либо механизма и стимулом, поступающим из внешней среды и воспринимающимся как толчок к началу рациональной умственной деятельности: выпив глоток виски, героиня обретает ясность мысли и способность трезво оценить ситуацию и найти выход из положения.

Во всех рассмотренных нами случаях иносказательного употребления словосочетания с компонентом *fire* заимствуются из словесной модели 'Situation of Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes'. Как показывает исследование, в ее составе можно выделить несколько более частных микромоделей, связанных с возможностью различного использования *fire* в утилитарно-бытовых целях. Все они, тем не менее, объединяются в единый комплекс за счет того, что в каждой из этих микромоделей слово *fire* реализует ЛСВ1, сообщая о возможности контакта с благотворным источником света, тепла и энергии. Таким образом, в каждом конкретном случае происходит заимствование какого-либо словосочетания с компонентом *fire* из одной микромодели в рамках общей ситуации утилитарно-бытового использования *fire* в другую модель, не имеющую прямого отношения к ситуации физического горения и принадлежащую одной из трех обширных сфер опыта – ментальному, социальному или физическому пространству.

В каждом из этих пространств иносказание реализуется по-разному, что обусловлено разницей в проблематике, характерной для соответствующих сфер опыта. В ментальном пространстве проблема всегда связана с индивидуальным переживанием определенного эмоционального состояния, в связи с чем слово *fire* иносказательно используется для оценки личного эмоционального переживания определенного типа. В социальной сфере интерес смещается с сугубо индивидуального психического опыта на значимость некоего события или явления в жизни общества. В результате в центре внимания оказывается не столько сама эмоция, сколько вызывающая ее причина. Слово *fire* в подобных контекстах используется для оценки некоего общественно-значимого явления с точки зрения его способности вызывать определенный эмоциональный отклик в соответствующем социуме. Что же касается текстов, относящихся к физической сфере опыта, то в них, как правило, описываются личные впечатления от контакта с каким-либо объектом внешней действительности. В связи с этим слово *fire* употребляется здесь иносказательно для оценки преимущественно зрительных ощущений, вызывающих у человека те же эмоции, что и созерцание пламени. Такое соотношение ситуативных моделей можно представить в схеме следующим образом:

Представленные здесь дефиниции представляют собой попытку описать те функционально-оценочные параметры целевых ситуаций, которые обеспечивают появление в тексте словосочетаний с компонентом *fire* (ЛСВ1) в качестве иносказательного средства оценки.

3.6.2 ‘Uncontrolled Destructive Burning’

Второй ЛСВ слова *fire* тоже может употребляться как средство иносказательной оценки в различных сферах опыта в составе целого ряда словосочетаний. Рассмотрим несколько конкретных примеров:

1. *Silent tear* cut their way down Shar’s cheeks, and her heart *spasmed with agony*... Shar reached out – *uselessly, with agonizing slowness*... Charcoal... closed his fist around the body for a moment, as it convulsed in his foreclaw... Shar *screamed*. Her heart ***caught fire*** in *mingled pain and anguish, despair and rage, and something broke within her, unleashing a fury she had never known was inside*. She *reached for power, found it in her rage and hate*. Charcoal was *going to pay in blood. No matter what it cost her* (Lackey, Dixon 1999).
2. She was silent, lost in thought, anger and bitterness ***adding more fuel to the raging fire of hatred*** for Andras that *burned* within her. (Burge 2013: 190)
3. That year, before his drinking ***set his anger on fire***, before he started accusing her, asking her to prove that was really his son... (COCA: Dalton 2004)
4. There is actually no *one* trick ***to put out the fire of rage*** once a child is *ignited*. Yes, we promote speaking calm and “staying low” so as ***not to add fuel to the fire***. (Moe 2013)

Все четыре отрывка относятся к ментальной сфере опыта. Тем не менее, в отличие от примеров, рассмотренных нами в предыдущем параграфе, здесь описывается совершенно иной тип эмоционального переживания: речь идет об утрате контроля над собственной психикой, который может привести к разрушительным для одного из персонажей последствиям.

В первом отрывке, например, словосочетание *to catch fire* маркирует переход от ослабленного или рационально контролируемого состояния к состоянию повышенной эмоциональности. Здесь описывается жестокая сцена убийства, свидетельницей которого становится Шар. В самом начале ее физическое и моральное состояние ослаблено: *silent tear; uselessly, with agonizing slowness*. Как только в тексте появляется *caught fire*, наступает переломный момент обретения мощной, выходящей из-под контроля внутренней энергии: *something broke within her, unleashing a fury she had never known was inside; reached for power, found it in her rage and hate*. Эта энергия имеет ярко выраженный отрицательный потенциал, превращаясь в сильнейшее орудие уничтожения: *Charcoal was going to pay in blood*.

Иносказательно использованное в тексте словосочетание *to catch fire* явно заимствовано из фрейма - *Uncontrolled Destructive Burning*, т.к. описанное здесь эмоциональное переживание имеет сильный разрушительный потенциал, в связи с чем уподобляется всеобъемлющей разрушительной силе *fire*, которая в физической сфере опыта часто используется как оружие в борьбе с врагом. Таким образом, можно говорить о том, что здесь реализуется второй ЛСВ слова *fire*, который используется для иносказательной оценки ощущений, связанных с приливом опасной психической энергии, выходящей из под контроля.

На наличие ассоциативных связей с исходной ситуативной моделью указывает частое появление в текстах наряду с устойчивым словосочетанием с компонентом *fire* других элементов, очевидным образом заимствованных из физической сферы опыта – *burned* (2), *ignited* (4). Еще одним доказательством того, что исходной ситуативной моделью в такого типа текстах является именно ситуация ‘*Uncontrolled Destructive Burning*’, находим в примере 2, где существительное *fire* определяется прилагательным *raging* – *the raging fire*. В текстах из физической сферы опыта это словосочетание появляется достаточно часто, причем маркирует именно ситуацию опасности, связанную с отсутствием контроля над происходящим:

5. On the night in 2008 before Alvarez's baby was due, ***a raging fire barreled through the four-story Deauville apartment building*** in Northwest Washington - rendering Alvarez, her husband, Cristobal Gonzalez Hernandez, and *nearly 200 people homeless*. (COCA: Sadon 2014)

Словосочетания с компонентом *fire* заимствуются из этой модели и в тексты социальной проблематики для оценки некоего общественно-значимого события или явления:

6. How the A-level ***scandal caught fire***

What began with one complaint to The Observer has turned into the biggest education crisis in living memory. Now the fallout threatens senior Ministers. It began with a single phone call from a worried parent... But evidence slowly emerged that Laura was not alone. Within three weeks she would find herself at the centre of a grade-fixing scandal which has shaken the heart of a new Labour Government ('How the A-level scandal caught fire')

7. We lose twice with the Government scheme, we lose the property from our stock and then we pay to rent it back. It all adds up to our residents *suffering*. It feels like we are ***fighting the fires*** caused by an *overheating housing market* whilst the government is ***stood on our hose pipe***. ('*Social Housing in Crisis*')

8. The Solyndra ***scandal is setting people on fire!*** Why did the Obama administration push and then guarantee a \$535 million loan to a company that was wobbly at best and has now gone belly-up? Not only are we, the taxpayers, *on the hook* for this federally guaranteed loan, but *1,100 workers were fired on the spot with no notice* by the company executives. (COCA: GRETA @!VAN-SUSTEREN, HOST)

Все три текста описывают серьезную проблемную ситуацию в социальной сфере, которая вызывает сильный эмоциональный отклик у членов соответствующего социума и воспринимается как угроза общественному спокойствию и благополучию. Отсутствие контроля над ситуацией, а также отрицательное отношение к ней позволяют провести параллель с ситуацией Uncontrolled Destructive Burning.

В примере 6 приведен отрывок из статьи, описывающей скандал, вызванный серьезными нарушениями в процессе приема школьных выпускных экзаменов. В заголовке данной статьи вновь появляется словосочетание *to catch fire*, которое ввиду социальной проблематики текста имеет явно иносказательный характер.

Вынесение данного словосочетания в заголовок статьи обусловлено структурными особенностями организации текста: повествование начинается с описания, казалось бы, незначительного единичного события – жалобы, поступившей в редакцию газеты от одного единственного родителя – которое неожиданно приобретает угрожающие масштабы, достигнув общенационального уровня. Первая половина статьи описывает процесс нарастания кризиса: сначала речь идет о странных результатах, которые получила на экзамене одна конкретная ученица, Лора Уин, затем сообщается о необычных результатах во всем ее классе, а затем и в других школах по всей стране. Уже на данном этапе анализа параллель с исходной ситуацией *Uncontrolled Destructive Burning* напрашивается сама собой: так же как и пожар, причиной которого может оказаться одна единственная, казалось бы, безобидная искорка или уголек, острый социальный кризис на наших глазах вырастает из одного-единственного незначительного события.

Вторая половина статьи, которую мы, к сожалению, не можем здесь привести, описывает отрицательные последствия произошедших нарушений. В тексте используется целый ряд лексико-семантических компонентов, обладающих мощным отрицательным оценочным потенциалом: *the biggest educational crisis, threaten, shockingly, damaging, horror, of the most crude and brutal kind, an unprecedented fiasco...* Интересующая нас словесная последовательность *to catch fire* вписывается в парадигму слов и выражений с повышенной отрицательной оценкой, что говорит о том, что слово *fire* реализует здесь ЛСВ2. Его появление в тексте обусловлено сопоставлением описываемого скандала ситуации *Uncontrolled Destructive Burning*, что вызывает у читателя целый ряд дополнительных ассоциаций, связанных с

физической угрозой для жизни, и усиливает эмоциональный отклик на излагаемые в статье события.

Особенно интересен следующий пример (7), где происходит заимствование целого ряда элементов из физической сферы опыта (сценарий тушения пожара) в социальную сферу для иносказательной оценки ситуации, сложившейся на жилищном рынке. Здесь проводится функциональная параллель между разрушительным *fire*, представляющим угрозу для жизненного пространства человека, и острым кризисом жилья, который также воспринимается как серьезная угроза для общественного благополучия: устранение негативных последствий кризиса осмысляется в терминах физической борьбы с разрушительным *fire* – *we are fighting the fires*. Интересно отметить при этом, что препятствия, чинимые правительством на пути к успешному разрешению кризиса, тоже описываются в терминах исходной ситуативной модели как физическое препятствие для прохождения воды, необходимой для тушения пожара. Ни в одном из изученных нами словарей выражение *to stand on somebody's hose pipe* как идиома не зафиксировано, что позволяет нам утверждать, что его появление в тексте обусловлено именно функциональной соотнесенностью двух словесных моделей опыта.

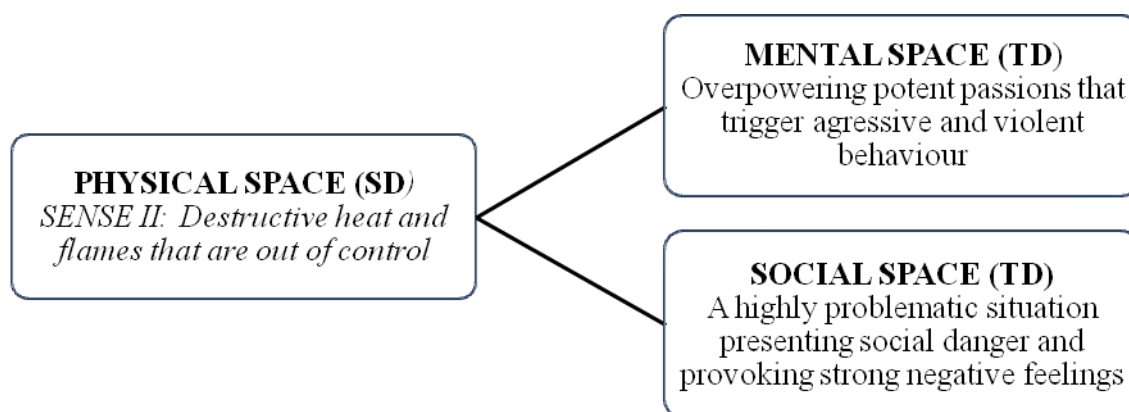
Глагол *to fire* (3) тоже может употребляться иносказательно:

9. Tonight *fuelled with anger* from the long cold walk home and ***fired up*** by the alcoholic spirits inside him, he bellowed her name again, even louder this time. (Palmer 2012)

Здесь глагол *to fire* используется в психической сфере опыта и устанавливает функциональную аналогию между ситуацией использования *fire* в разрушительных целях и ощущением прилива мощной разрушительной психической энергии: спиртные напитки как бы разжигают пожар в душе человека и приводят к утрате контроля над собственной психикой. Глагол *to fuel* является еще одним ЛСМ, указывающим на наличие ассоциативной связи с исходной ситуативной моделью (ср., например: They said that the ***fire*** was

first spotted in a North Korean area... which, *fuelled* by strong winds, *quickly spread to engulf* an extensive area facing Longjing of China's Jilin Province (Summary of World Broadcasts: Asia, Pacific 1997)).

Исходя из всего вышесказанного, можно предложить следующую схему соотнесения исходной и целевой ситуативных моделей для второго ВЗ слова *fire*:

В примерах, приведенных в данном параграфе, слово *fire* иносказательно используется в составе таких словосочетаний как: *to catch fire, to add fuel to the fire, to set something on fire, to put out the fire, to fight the fires*. Интересно, что первые три словосочетания уже встречались нам в предыдущем параграфе, хотя там они заимствовались из другой ситуативной модели и описывали совершенно иной тип опыта. Как показывает анализ, в текстах, посвященных как психической, так и социальной проблематике, целый ряд одинаковых словесных последовательностей с компонентом *fire* может устанавливать иносказательную аналогию, с одной стороны, с ситуацией получения огня как необходимого источника света и тепла, а с другой стороны, - с ситуацией нежелательного контакта с разрушительной, выходящей из-под контроля силой *fire*. Значительная разница в функционально-оценочных параметрах соответствующих ситуаций свидетельствует о том, что перед нами две группы омонимичных

словосочетаний. В первой группе слово *fire* реализует ЛСВ1, а словосочетание в целом заимствовано из модели ‘Situation of Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes’, в то время как во второй группе реализуется ЛСВ2, а исходной ситуативной моделью является ‘Situation of Uncontrolled Destructive Burning’. В результате мы получаем: *to catch + fire1 vs. to catch + fire2; to add fuel to + the fire1 vs. to add fuel to + the fire2; to set something on + fire1 vs. to set something on + fire2 etc.* Наличие ассоциативной связи с одной из исходных ситуативных моделей обеспечивается именно благодаря реализации в составе данных словосочетаний одного из вариантов значения слова *fire*, на что всегда указывает присутствие в ближайшем окружении этих словесных последовательностей других функционально аналогичных ЛСМ с определенным типом оценки. В связи с этим имеет смысл привести их вместе в словарной статье, посвященной слову *fire* (в качестве конкретных примеров заимствования из одной модели в другую), а не разделять на разные словарные статьи, как это часто делается, привязывая каждое словосочетание к первому полнозначному слову в его составе.

3.6.3 ‘Use of Firearms in a Military Conflict’

Еще одна ситуативная модель, которая часто является источником иноказательного заимствования выражений со словом *fire*, связана с ситуацией стрельбы из огнестрельного оружия – ‘Use of Firearms in a Military Conflict’. Иноказательное заимствование словосочетаний из этой ситуативной модели особенно характерно для текстов социальной проблематики, где речь идет о столкновении нескольких противоположных точек зрения:

1. *In the latest exchange of fire in an increasingly fierce war over voting rights in America that risks distorting the outcome of this year's presidential election, the US Justice Department has served notice to Florida... (‘Florida Illegally Purges Foreign Voters From Electoral Roll’).*

2. NHS plans *put Tories in Labour's line of fire*... Andy Burnham has sent a clear message that *Labour's finger is on the trigger* over government plans to restructure the NHS... Andy Burnham tells Labour activists *to prepare for a fight*... the Labour party's new generation considers the NHS to be the next big *political battleground*... ('NHS plans put Tories in Labour's line of fire')
3. By the time Standard Oil hired its first publicist, in 1906, it had already *lost the battle* for public opinion. # *Under fire* from the Justice Department, Mr. Gates has awakened belatedly to the need to burnish his image, *fielding a small army* of aggressive public relations people. He now pops up in golf advertisements and on talk shows. (COCA: How to Stay a Titan)

Словосочетания *the exchange of fire*, *to put sb in the line of fire* и *to be under fire* используются здесь как средство иносказательной оценки острой конфликтной ситуации в социальной сфере, причем слово *fire* в их составе реализует метонимически производный ВЗ, который в нашей классификации представлен в пункте 2.2. Реализация этого ВЗ обуславливает наличие ассоциативной связи с ситуацией вооруженного конфликта. Это подтверждается появлением в тексте целого ряда типичных ЛСМ: *in an increasingly fierce war*, *Labour's finger is on the trigger*, *to prepare for a fight*, *battleground*, *lost the battle*, *fielding a small army*. Обмен критическими замечаниями между идеологическими противниками уподобляется перестрелке, в которой каждая из сторон пытается ранить соперника в наиболее уязвимое место. Такое динамическое восприятие ситуации приводит к тому, что довольно часто в качестве иносказательного средства оценки используется и глагол *to fire* (4):

4. When the US hedge fund star Dan Loeb started out as an activist investor he *waged war* in online chatrooms ... The *billionaire's targets* may now be huge companies such as Sotheby's, Apple and Yahoo, but his *public attacks* on underperforming companies, usually *in acerbic letters* to their managers, are *no less violent*... But this week Sotheby's, his latest target, *fired back*. The auction house *rejected claims of poor management* and instead, in a 53-page

Powerpoint presentation, *detailed how companies in which Mr Loeb has bought shares and got on to the board have underperformed.* ('Sotheby's looks to bring the hammer down on Dan Loeb')

В данном отрывке резкая критика деятельности ряда коммерческих компаний со стороны американского миллиардера уподобляется ситуации объявления войны – *he waged war*. Это позволяет описать ответную реакцию противника в терминах вооруженного конфликта – *Sotheby's, his latest target, fired back*: компания *Sotheby* произвела ответный выстрел с целью самозащиты, предоставив подробный отчет о недостатках в работе компании самого активиста-миллиардера. Глагол *to fire* появляется здесь в эллиптической конструкции в сочетании с наречием *back*. Происходит, таким образом, заимствование глагольной группы из словесной модели 'Use of Firearms in a Military Conflict' для того, чтобы подчеркнуть интенсивность конфликта в социальной сфере.

Как мы видим, в текстах социальной проблематики как существительное (ЛСВ 2.2), так и глагол (4) позволяют установить аналогию между ситуацией вооруженного конфликта, с одной стороны, и ситуацией обмена резкими критическими замечаниями, с другой. Они употребляются индизоминативно в составе многочисленных словосочетаний, что говорит о системном характере соотношения исходной и целевой моделей опыта.

Еще один типичный случай заимствования словесных последовательностей с компонентом *fire* из ситуации 'Use of Firearms in a Military Conflict' представлен в статьях, посвященных обзору спортивных событий, где речь идет о состязании между двумя командами. Команды рассматриваются как противники, игра – как вооруженное столкновение, а бросок мяча – как выстрел. Рассмотрим следующие примеры:

5. Rwanda, Uganda forces *exchange fire in battle for regional control...* So, we don't have the dream final that the neutrals craved: Kenya taking on defending champions Uganda. It would, indeed, have been *a mouth-watering clash...*

They launched their campaign by defeating Somalia 1-0 ('Rwanda, Uganda forces exchange fire in battle for regional control')

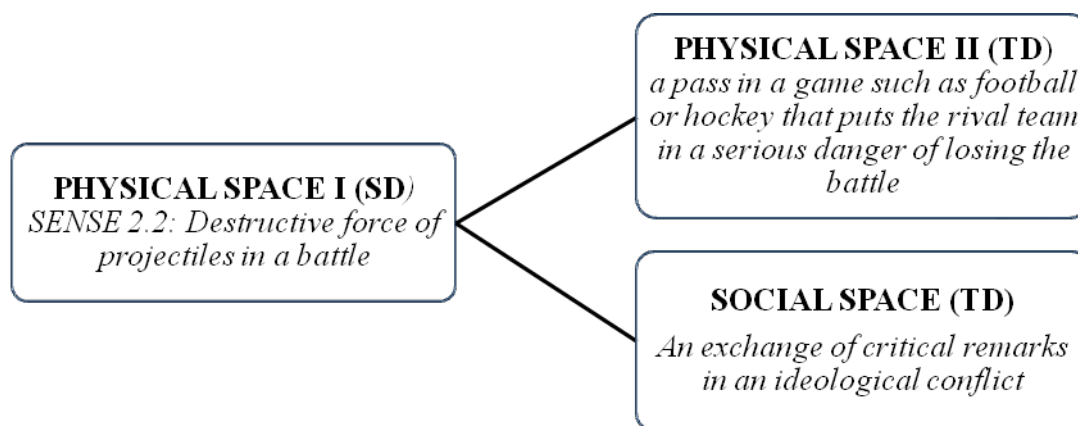
6. The Redskins got the ball on their 41-yard line, and Grossman faked a handoff to Roy Helu, looked downfield and ***fired a bomb*** in the direction of Santana Moss - and three Seattle defensive backs. (COCA: Jones 2011)
7. There would three goals scored - two by the Sharks and one by the Blues - in the final 2:18 of the first period, turning a 1-0 game into a 2-2 deadlock. It began when San Jose right winger Barclay Goodrow ***fired a shot*** that caught Shattenkirk. The rebound ricocheted to Sharks' teammate Melker Karlsson, who put the puck past Elliott for a 1-1 score. Forty seconds later, Joe Pavelski handed the Sharks a 2-1 advantage with his team-leading 20th goal of the season, *finding a hole in Elliott's armor* on a bad-angle shot. But with 43 seconds remaining in the period, Steen *rifled a missile* from close range, tying the game at 2-2 with his 10th goal of the season. (COCA: Rutherford 2015)

В большинстве случаев заимствуются словосочетания с глаголом *to fire*, как в примерах 6 и 7. Это легко объясняется высокой динамикой спортивных репортажей, которые представляют собой подробное описание действий игроков на поле. Энергичный бросок мяча сопоставляется здесь с выстрелом, целью которого является нанесение урона противнику. В отрывке номер 6, например, появление словосочетания *to fire a bomb* позволяет установить функциональную аналогию между действиями одного из игроков, который совершает неожиданный бросок, подвергая опасности противников и увеличивая шансы своей команды на победу, и ситуацией артиллерийского выстрела, где разрушительная сила снаряда также представляет собой опасность для врага.

В следующем предложении глагол *to fire* появляется в словосочетании *to fire a shot* – резкий бросок шайбы, заставший врасплох одного из игроков противоположной команды, здесь вновь уподобляется выстрелу. Интересно, что в этом отрывке появляются еще несколько словосочетаний, отсылающих к

ситуации вооруженного конфликта – *finding a hole in Elliott's armor* и *rifled a missile*. Если первое выражение очевидным образом представляет собой заимствование (см., например, *Goliath was covered up, yet David's stone found a hole in his armor* (Sabbath School Teacher)), то второе словосочетание является, по-видимому, новообразованием: нам не удалось зафиксировать случаи употребления глагола *to rifle* в ситуации ‘*Use of Firearms in a Military Conflict*’. Глагол *to rifle*, таким образом, здесь полностью принадлежит ситуации и реализует ВЗ, который в онлайн версии словаря Merriem-Webster описывается следующим образом: *to propel (as a ball) with great force or speed*. Интересно, однако, что в качестве прямого дополнения здесь выступает слово *missile*, которое не является типичным для спортивных репортажей. Единственный ВЗ для данного слова в словаре Merriem-Webster связывает его исключительно с ситуацией вооруженного конфликта: *an object that is thrown, shot, or launched as a weapon; especially : a rocket that explodes when it hits a distant target*. Словосочетание *to rifle a missile* представляет собой, по-видимому, игру слов, возможную благодаря принадлежности корневой морфемы *rifle* двум различным ситуативным моделям – ‘*Use of Firearms in a Military Conflict*’ в качестве существительного и ‘*A Sporting Event Involving a Competition Between Two Teams*’ в качестве глагола. Появление окказионального словосочетания *to rifle a missile* в приведенном выше отрывке свидетельствует в пользу наличия тесной ассоциативной связи между этими двумя словесными моделями и служит еще одним доказательством тому, что интересующее нас *to fire a shot* представляет собой случай заимствования словесной последовательности из ситуации-источника (‘*Use of Firearms in a Military Conflict*’) в другую ситуативную модель (‘*A Sporting Event Involving a Competition Between Two Teams*’).

На основе всего вышесказанного можно предложить следующую схему соотнесения словесных моделей, в которых реализуется ЛСВ 2.2:

Следует отметить, что целая группа ФЕ, приведенная в специализированных фразеологических словарях LDEI и OI, восходит именно к ситуации вооруженного конфликта: *be/ come under fire, fire 'questions', insults, etc. at sb., hold your fire, a baptism of fire, hang fire, open fire on (sb/sth), in the line of fire* - причем существуют расширенные контексты, подтверждающие наличие тесной ассоциативной связи с ситуацией-источником в сознании носителей современного английского языка. Расположение этих ФЕ в алфавитном порядке вместе с остальными идиомами, элементом которых являются другие ЛСВ слова *fire*, ослабляет эту ассоциативную связь и может вызвать ложное впечатление их разрозненности у иностранцев, изучающих английский язык. Если же, напротив, сгруппировать ФЕ по типу связи с исходной ситуативной моделью, то можно добиться возникновения соответствующих ассоциаций и у иностранцев, мало знакомых с ассоциативной системой англоязычной культуры. Установление сущностных связей между различными словесными моделями опыта не только приведет к более быстрой и легкой ассимиляции общеупотребимых клише, но также позволит иностранцу более свободно ориентироваться в «метафорической жизни» англоговорящего социума.

Что касается ФЕ с компонентом *fire*, то как мы попытались продемонстрировать, они четко делятся на три группы на основе наличия у них ассоциативной связи с одним из трех базовых фреймов, в которых слово

fire употребляется в физической сфере опыта. Так как в каждом из этих фреймов реализуются разные ЛСВ данного слова, то можно сделать вывод о том, что особенности иносказательного использования словосочетаний с компонентом *fire* обусловлены структурой полисемии словесного знака *fire* как наиболее стабильного элемента в их составе. В связи с этим встает вопрос о целесообразности снятия четких границ между полисемией словесного знака и идиоматическим использованием частотных словосочетаний, элементом которых этот словесный знак является: в составе идиомы всегда реализуется определенный ЛСВ слова, что позволяет встроить модель иносказательного употребления этого слова в общую словарную статью, а не выносить ее за рамки полисемии.

Такой способ репрезентации материала позволит решить еще одну проблему, связанную с необходимостью строгого отбора идиом для включения в тот или иной словарь. Безусловно, ни один словарь не имеет физической возможности зафиксировать абсолютно все случаи иносказательного употребления в речи. Проблема в том, что во многих словарях отсутствуют не только редкие случаи иносказательного заимствования, но и вполне стандартные клише. Как показывает исследование, многие словосочетания с компонентом *fire*, которые *систематически* используются как иносказание в различных моделях опыта, не фиксируются словарями как ФЕ. Например, из трех изученных нами словарей фразеологизмов (Cambridge Idioms Dictionary, Oxford Idioms, Dictionary of English Idioms) возможность иносказательного использования словосочетания *to catch fire* отмечается лишь в DEI, причем только в положительном типе контекста. По статистически данным, однако, больше трети всех случаев употребления данной словесной последовательности в СОСА представляет собой иносказание: из 954 случаев ее появления – 275 имеют иносказательную природу. Из них 230 (83,6%) приходятся на ЛСВ1 (благотворное *fire*) и 45 (16,4%) – на ЛСВ2 (разрушительное *fire*). Несмотря на то, что во фразеологии положительное *fire* доминирует над

отрицательным, 16,4% (т.е. одна шестая) представляются нам достаточно значительной, с точки зрения статистики, цифрой, указывающей на необходимость четкой дифференциации контекстов.

Что же касается таких словосочетаний, как *to start a fire, to exchange fire, to stoke the fire, to put out the fire*, то они вообще ни в одном из перечисленных выше словарей как идиомы не зафиксированы. Это объясняется как экономией места, так и чрезмерным богатством англоязычной идиоматики. Схема соотнесения словесных моделей с указанием аналогичных функционально-оценочных параметров соответствующих ситуаций позволяет решить данную проблему: вместо того чтобы предпринимать попытки составить более или менее полный список всех идиом, достаточно привести несколько наиболее типичных примеров иноязычного заимствования в рамках общей модели.

Итак, в данной главе мы попытались проиллюстрировать основные принципы разграничения вариативности в рамках лингво-антропологического подхода на примере английского слова *fire*. Разработанная в ходе исследования словарная статья приводится полностью в *Приложении I*. Мы не стали приводить там конкретные примеры употребления слова *fire* в каждом из ВЗ, т.к. все они были подробно разобраны в третьей главе данной работы. В реальной словарной статье, тем не менее, необходимо проиллюстрировать все выделенные ЛСВ конкретными примерами с указанием ссылок на их источники. Это послужит своеобразной стилистической пометой: как мы попытаемся продемонстрировать в следующей главе, использование того или иного ВЗ напрямую зависит от характера проблемной ситуации, моделируемой в тексте.

Выводы по ГЛАВЕ 3

1. В случае со словом *fire* наблюдается четкая дифференциация контекстов по типу эмоционально-оценочного переживания (*beneficial/ destructive*), что говорит о реализации в каждом типе контекста отдельного ЛСВ. Такой принцип разграничения вариативности, ориентированный на коммуникативную ценность высказывания, представляется перспективным прежде всего потому, что наиболее точно отражает лингвистическую реальность словоупотребления. Каждая дефиниция описывает вполне определенный тип контекста, в связи с чем легко может быть проиллюстрирована конкретным словесным материалом.
2. Архетип имеет смысл рассматривать как отдельный ЛСВ, представляющий собой наследие синкретичности первобытного сознания. Особенностью сакрального *fire* является, с одной стороны, амбивалентность оценки, а с другой – отсутствие четкой дифференциации между различными сферами опыта (ментальным и физическим, внутренним и внешним).
3. Изменение грамматического признака (исчисляемости/ неисчисляемости у существительного, переходности/ непереходности у глагола) всегда сопровождается важным функциональным сдвигом в семантике слова и говорит об образовании производного ЛСВ. Все три основные ВЗ слова *fire* являются источником метонимического сдвига по принципу *стихия* → конкретный случай проявления стихии, приводящего к образованию производного исчисляемого ВЗ в каждом типе контекста.
4. Существует четкий параллелизм между случаями употребления *fire*-существительного и *fire*-глагола. Как показывает исследование, однако, в большинстве ситуативных моделей существительное используется намного шире, чем глагол, а в некоторых ситуациях возможность глагольного словоупотребления не отмечена в принципе. Это говорит о

том, что в каждой ситуативной модели глагол *to fire* образован по конверсии от конкретного ЛСВ существительного. Можно говорить, таким образом, о существовании нескольких омонимичных глаголов *to fire*. В словарной статье имеет смысл соотнести каждый из них с тем ЛСВ существительного, от которого он образован.

5. В каждом конкретном случае иносказательного использования какого-либо словосочетания с компонентом *fire* реализуется один из трех ЛСВ данного слова – *fire1*, *fire2*, *fire 2.2* – что позволяет установить ассоциативную связь с одной из трех исходных ситуативных моделей – ‘*Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes*’, ‘*Uncontrolled Destructive Burning*’, ‘*Use of Firearms in a Military Conflict*’. В связи с этим в словарной статье представляется целесообразным вписать ФЕ с компонентом *fire* в структуру полисемии словесного знака *fire*, соотнеся каждую из них с тем ЛСВ, который реализует в ее структуре свой иносказательный потенциал.

ГЛАВА 4

Жанровая специфика словоупотребления на примере английского слова *fire*

4.1 Анализ функциональной роли слова *fire* в хронотопе публицистических статей

Чтобы выявить основные особенности функционирования слова *fire* в хронотопе публицистических текстов, мы проанализировали все случаи его появления в онлайн версии газеты The Independent в период с 10 по 24 октября 2014 года. В пятнадцати ежедневных выпусках газеты существительное и глаголы *fire* появляются в тексте 187 статей из 3472 (что составляет 5% от всех статей, опубликованных в указанный срок) и употребляются 294 раза (имена собственные при подсчете не учитывались). Сразу хочется отметить относительно высокую частотность использования данной словесной единицы в публицистике: в среднем за данный период на каждый выпуск газеты приходится 20 употреблений существительного или глаголов *fire*.

В *Приложении II* приводится сводная схема всех употреблений существительного и глаголов *fire* в газете The Independent за указанный период с распределением по ЛСВ: каждый ЛСВ обозначен номером, который был ему присвоен в разработанной нами словарной статье, и в графе напротив приводится количество случаев его реализации в изученных текстах.

Первое, что бросается в глаза, глядя на данную схему, - это неравномерность распределения случаев употребления между основными ЛСВ. В абсолютном большинстве контекстов *fire* реализует ЛСВ2 или один из производных от него В3 (*fire2* – 33, производные В3 – 246, в то время как *fire1* – 7, его производные – 7, *fire3* - 1). В публицистике, таким образом, доминируют ЛСВ с отрицательным типом оценки, что легко объясняется проблематикой газетных текстов: наибольший интерес вызывают события,

представляющие собой угрозу социальному благополучию. Рассмотрим теперь более подробно особенности реализации каждого из выделенных нами ВЗ с целью установить зависимость его появления от характера решаемой в тексте проблемы.

ЛСВ1 и его производные чаще всего употребляются иносказательно (10 случаев из 15), устанавливая аналогию между ситуацией контакта с благотворным источником света и тепла и ситуацией общественного воодушевления по поводу какого-либо общественно значимого события или явления (см. примеры 3-5 в параграфе 3.6.1). В буквальном смысле чаще всего используется производный исчисляемый ВЗ (нам не удалось найти примеры неисчисляемого *fire* в данном ВЗ, но это может объясняться узкими хронологическими рамками исследования), причем он появляется, как правило, в текстах рекламного характера (2 раза в рубрике *life-style* и 1 раз в рубрике *travel*):

1. It is with good reason that The Merrion (5) on Upper Merrion Street (00 353 1 603 0600; merrionhotel.com) is considered by many to be Dublin's *most luxurious hotel*. It spans four *landmark Georgian mansions* and *understated elegance* is the byword here. There are *gracious drawing rooms* replete with *crackling peat fires*, *grand stucco work* and an *unrivalled private collection of 19th- and 20th-century art*. ('*Dublin Travel Tips*')

Этот отрывок является типичным примером использования ЛСВ1 существительного *fire* в публицистическом тексте. Данная статья относится к разделу *travel* и представляет собой совокупность практических советов для тех, кто хочет совершить путешествие в Дублин. Основная цель статьи – коммерческая и заключается в том, чтобы привлечь внимание потенциального туриста к возможностям, которые открывает перед ним данный город. Слово *fire* появляется в отрывке, посвященном описанию элитного гостиничного комплекса. На рекламный характер статьи сразу же указывает появление в тексте контактных данных с номером телефона и ссылкой на сайт гостиницы. Чтобы подчеркнуть привлекательность отеля для

потенциальных клиентов, автор использует в тексте целый ряд положительно заряженных лексических единиц (*luxurious, understated elegance, gracious*), призванных вызвать в сознании читателя ассоциации с определенным типом опыта – отдыхом в комфортной, уютной атмосфере прошлых лет. Появление в тексте таких словесных последовательностей, как *landmark Georgian mansions, understated elegance, crackling peat fires, grand stucco work*, связывает проживание в данной гостинице с возвращением к традиционным ценностям предыдущей эпохи, противостоящим безличностной роскоши многих современных отелей, и создает романтическую картину теплоты и уюта. Слово *fire* играет здесь важную роль, вызывая ассоциации с теплотой домашнего очага. Основная его функция в хронотопе данного текста, таким образом, заключается в формировании у читателя определенного ценностного отношения к предлагаемой услуге за счет активации одного из фреймов в рамках общей словесной модели ‘Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes’ – горение домашнего очага, которое становится здесь символом изысканности, красоты и уюта.

Остальные ВЗ существительного, относящиеся к положительной сфере опыта, в нашей подборке статей отсутствуют. Что касается глаголов, то они появляются всего три раза: один раз как иносказание и два раза в буквальном смысле в статье, описывающей процесс запуска фейерверка. Как мы видим, *fire1* и производные от него ВЗ появляются в публицистике крайне редко.

Что касается отрицательной сферы опыта, то, как показывает приведенная в *Приложении 2* схема, лексическая единица *fire* представлена здесь широким спектром ЛСВ. Существительное встречается чаще, чем глаголы (170 случаев употребления существительного против 109 глагольных словоупотреблений), причем наиболее распространенным является производный исчисляемый ВЗ 2.1: исчисляемый ВЗ появляется в статьях 62 раза, а основной неисчисляемый – 24. Это легко объясняется спецификой публицистического дискурса, который тяготеет к описанию конкретного события. Не случайно, в абсолютном большинстве случаев *fire* появляется в

коротких новостных сообщениях: из 187 статей – 105 относятся к рубрике под названием *news* (см. Таб. 2). Статьи, реализующие словесную модель ‘Uncontrolled Destructive Burning’ и посвященные описанию конкретного пожара, занимают достаточно важное место в данном разделе, что и приводит к частотности употребления ЛСВ2.1 существительного *fire*.

Таб. 4 Распределение статей со словом *fire* в газете *The Independent* за период с 10 по 24 октября 2014 года по основным тематическим разделам

	SENSE 1 and its derivatives		SENSE 2 and its derivatives		SENSE 3	TOTAL
	Direct	Figurative	Direct	Figurative		
News	1	1	79	24		105
Sport		4	17	11		32
Arts/entertainment		1	16	6		23
Voices		3	8	4	1	16
Life-style	2		5	3		10
Travel	1					1

Вторым по частотности употребления является ЛСВ2.2 (30 случаев употребления в буквальном смысле и 38 в качестве иносказания). В буквальном смысле этот ВЗ также реализуется, главным образом, в новостных сообщениях, где речь идет о конкретном вооруженном столкновении – тема, которая, как известно, является одной из наиболее актуальных для средств массовой информации. Интересно, однако, что данный ЛСВ чаще используется как иносказание. Это связано с высокой частотностью в публицистическом дискурсе идиомы *to come under fire*, которая, как мы попытались продемонстрировать в параграфе 3.6.3, представляет собой заимствование из модели ‘Use of Firearms in a Military Conflict’ и в составе которой существительное *fire* реализует ЛСВ2.2. Эта

идиома появляется в статьях различной тематики (в нашей подборке она зафиксирована во всех разделах за исключением *travel*) и систематически используется как выразительное средство оценки в ситуации, когда какое-либо событие или явление подвергается сокрушительной критике со стороны определенной группы членов данного сообщества.

Что касается глаголов, то наиболее широко представлен здесь *to fire* (4) в различных ВЗ – всего 105 случаев употребления (101 – в буквальном смысле и 4 – иносказательно). Появление этого глагола в газетных статьях связано, как правило, с реализацией одной из следующих ситуативных моделей – ‘Use of Firearms in a Military Conflict’ (ЛСВ(4), (4.1), (4.2), (4.3) – всего 50 раз), ‘A Pass in a Game’ (ЛСВ (4.2.1) - 22), ‘A Dismissal of an Employee’ (ЛСВ (4.4) - 29).

Интересно отметить, что ЛСВ (4.2.1) является довольно частотным в публицистике именно за счет его употребления в текстах спортивных репортажей. Рассмотрим следующий пример:

2. A right-wing cross from midfielder Oscar drew the attention of Federico Fernandez and Pablo Zabaleta, the two defenders diverting the ball to an unmarked Tardelli who *fired home* with goalkeeper Sergio Romero *making a poor attempt at a save*. (‘Brazil vs Argentina match report’)

Как мы уже отмечали в параграфе 3.6.3, глагол *to fire* (4) может употребляться иносказательно в текстах спортивных репортажей в составе таких словосочетаний, как *to fire a shot* или *to fire a bomb*. В данном случае, однако, он входит в состав словосочетания, которое не используется в сценарии вооруженного конфликта и представляет собой новообразование, широко употребляемое именно в текстах спортивных обзоров. Это говорит о том, что перед нами отдельный ВЗ слова *fire*, образованный в результате метонимического расширения в рамках *to fire* (4). Мы отнесли такие случаи глагольного словоупотребления к ЛСВ(4.2.1), выделенному нами в параграфе 3.5.2. Этот ВЗ представлен не только в текстах спортивной тематики, но наиболее часто употребляется именно здесь, возможно, за счет сохранения

тесной ассоциативной связи с исходным ЛСВ (4.2). Употребление глагола *to fire* в этом ВЗ сопровождается во многих статьях другим отрезком текста, заимствованным из ситуации вооруженного конфликта и представляющим собой иносказание:

3. As it was, Gunter could only ***fire over...*** James Chester robbed Dzeko as he ***prepared to pull the trigger...*** ('Wales vs Bosnia-Herzegovina').

Как мы видим, связь с ситуацией вооруженного конфликта здесь очевидна. Глагол *to fire*, однако, используется в сочетании с наречием *over*. Этот тип словоупотребления не находит прямого соответствия в рамках исходной ситуативной модели (в ситуации 'Use of Firearms in a Military Conflict' *over* в сочетании с глаголом *to fire* всегда является предлогом). Глагол *to fire*, таким образом, встраивается в новую ситуативную модель, приобретая новые черты лексико-грамматической сочетаемости.

В нашей словарной статье ВЗ (4.2.1) для глагола *to fire* сопровождается пометой [TR], в то время как в приведенных здесь примерах прямое дополнение отсутствует. Тем не менее, оно легко восстанавливается из контекста и во многих случаях физически присутствует в предложении. Приведем для сравнения следующий пример:

4. It wasn't be although Daly had his hands in his head when ***he fired the ball home*** with two minutes remaining only to turn and see that the far side linesman has already raised his flag. (*Rangers Football Club*)

Здесь глагол *to fire* появляется в том же окружении, что и в примере 2, однако, в сочетании с прямым дополнением: *fired home* (2) – *fired the ball home* (4). Никакой принципиальной разницы в семантике здесь нет, что говорит об эллиптической природе словосочетаний типа *fired home*. На этом основании мы не выделяем их в отдельный ВЗ, а рассматриваем как случай реализации ЛСВ (4.2.1).

В целом следует отметить высокую частотность употребления лексической единицы *fire* в текстах спортивных репортажей. В нашей подборке газетные статьи спортивной тематики находятся на втором месте

после новостных сообщений (см. Таб. 1), что объясняется, по-видимому, живой образностью функциональной аналогии между словесными моделями ‘A Sporting Event Involving a Competition between Two Teams’ ↔ ‘An Armed Conflict’.

Безусловно, частотность реализации конкретных ЛСВ с отрицательным типом оценки в публицистике в определенный отрезок времени напрямую зависит от актуальности тех или иных событий. Так, в рассматриваемый нами период ЛСВ (4.4) глагола *to fire* встречается 29 раз, что представляет собой 26% всех глагольных словоупотреблений. Тем не менее, это вряд ли можно считать свидетельством широкой употребимости данного ВЗ в газетных статьях. Дело в том, что на момент проведения исследования очень популярным было телевизионное шоу *The Apprentice*, участники которого должны были продемонстрировать навыки организации бизнеса. Участники, по каким-либо причинам оказавшиеся не на высоте, «подвергались увольнению», в связи с чем фраза «*You are fired!*» неоднократно появлялась на страницах газеты *The Independent* в рубрике *arts – entertainment*. Таким образом, в отличие от всех предыдущих рассмотренных нами ВЗ, которые встречались в статьях, посвященных целому ряду конкретных событий, ЛСВ (4.4) использовался преимущественно в текстах, описывающих данную телепередачу. Этот факт позволяет предположить возможность значительного сокращения частотности его появления в публицистических статьях при снижении популярности телевизионного шоу *The Apprentice*.

Что касается архетипического *fire* (ЛСВ3), то, как и следовало ожидать, в публицистике оно практически не представлено. В статьях за исследованный нами период оно появляется всего один раз. Статья представляет собой реакцию на критику в адрес известной актрисы Рене Зеллвегер за проведенную пластическую операцию: автор отстаивает право каждого человека на творческий подход к собственной внешности. Приведем отрывок, в котором появляется слово *fire*:

5. This contradiction breeds anxiety - and *superstition*. The ancient “art” of face-reading sought to guide judgment of character at a time when we knew little or nothing about the background of people with whom we worked, traded or even lived. Face-reading survives, in that *netherworld* where *antediluvian tradition* collides with celebrity obsession. *A recent book on the “technique”* classifies ours phizzogs into wood, metal, water, **fire** and earth - Renee Zellweger, it seems, has a water face, “flexible, adaptable and good company”. (*If Renee Zellweger wants to look different, who are we to question it?*)

Как мы видим, слово *fire* появляется здесь со ссылкой на книгу, которая сразу же дисквалифицируется как *superstition* и *antediluvian tradition*. Книга, судя по всему, представляет собой попытку установить зависимость между характером человека и его внешностью, причем слово *fire* используется здесь для характеристики определенного психологического типа. Автор, к сожалению, не дает точной ссылки на источник, однако, подобные контексты широко представлены в эзотерической литературе и всегда характеризуются амбивалентностью оценки. Так, например, на портале *Spiritual Knowledge* перечисляются как положительные, так и отрицательные качества огненного типа личности:

6. **The element of fire** (choleric)

Positive qualities: vigorousness, zeal, enthusiasm, courage, decisiveness...

Negative qualities: quarrelsomeness, irritability, urge to destroy everything, passion... (*‘Spiritual Knowledge’*)

Следует отметить, что использование слова *fire* здесь не является иносказанием, т.к. в рамках данной философии *fire*-стихия физически присутствует в организме каждого человека. Это говорит о том, что перед нами архетип.

Интересно, что в статье из газеты *The Independent* архетип не раскрывается полностью, а присутствует лишь в интертекстуальной ссылке. При этом он не утверждается, а отрицается как суеверие, за счет чего происходит нейтрализация его амбивалентности. Это вполне объяснимо

природой публицистического текста. Газетная статья всегда стремится к однозначности оценки, в связи с чем полноценная реализация архетипа в публицистике вряд ли возможна. С этим связана и редкость появления данного ЛСВ в газетных статьях. Не случайно также и то, что данная статья принадлежит к рубрике *voices*, в которой собраны небольшие аналитические статьи, посвященные различной проблематике. В аналитических статьях, в отличие от новостных сообщений, может проявляться определенная доля амбивалентности, в связи с чем появление здесь ЛСВ3 представляется более вероятным.

На основе всего вышесказанного можно отметить следующие особенности функционирования лексической единицы *fire* в публицистике:

1. доминирование ВЗ с отрицательным типом оценки (ЛСВ2 и его производные) с преимущественным их использованием в новостных сообщениях и текстах спортивной тематики;
2. зависимость частотности употребления того или иного ВЗ в отрицательной сфере опыта от характера событий, актуальных на данный момент;
3. крайне редкое появление архетипа (ЛСВ3), вызванное ориентацией публицистических текстов на однозначную интерпретацию излагаемых событий;
4. использование ЛСВ1, главным образом, в рекламных целях для формирования положительных ассоциаций с домашним очагом как источником тепла и уюта у потенциального клиента.

Обратимся теперь к рассмотрению другого речевого жанра – романа – и попытаемся определить, существует ли здесь принципиальная разница в особенностях функционирования лексической единицы *fire* по сравнению с только что проанализированными публицистическими статьями.

4.2 Анализ функциональной роли слова *fire* в хронотопе романов

Материалом для исследования послужили следующие англоязычные романы нобелевских лауреатов: ‘Mr Sammler’s Planet’ (S. Bellow 2004), ‘The Good Earth’ (P. Buck 1947), ‘Waiting for the Barbarians’ (J. M. Coetzee 2004), ‘The Conservationist’ (N. Gordimer 2005), ‘Kim’ (R. Kipling 2009), ‘Work of Art’ (S. Lewis 1962), ‘East of Eden’ (J. Steinbeck 2000), ‘Grapes of Wrath’ (J. Steinbeck 2000). В *Приложении III* приводится сводная схема всех случаев употребления существительного и глаголов *fire* в перечисленных романах с распределением по конкретным ВЗ. Для того чтобы было проще проводить компаративный анализ с публицистикой, мы попытались подобрать тексты так, чтобы количество словоупотреблений в текстах обоих жанров было примерно одинаковым: 294 – в газетных статьях (187 статей за 15 дней) и 298 – в восьми романах.

Первое, что бросается в глаза глядя на приведенную схему, - это иное распределение ВЗ по типу оценки. Если в публицистике доминировали отрицательные ЛСВ, то в романах наблюдается более или менее равномерное распределение ВЗ между двумя противоположными полюсами оценочной шкалы (ЛСВ1 и его производные – 172, ЛСВ2 и его производные - 115). В нашей подборке перевес оказывается на стороне ЛСВ с положительным типом оценки, однако, при иной проблематике текстов общий результат может смещаться в сторону отрицательного полюса. Важно то, что ЛСВ1 и его производные представлены в жанре романа намного более широко, чем в публицистике. Чаше встречается и архетипическое *fire* (11 случаев употребления из 298), хотя и здесь этот ВЗ остается достаточно редким.

Более или менее равномерное распределение ВЗ по типу оценки можно объяснить особенностями проблематики художественных текстов. Переживание положительных эмоций здесь так же важно, как и описание негативных аспектов опыта: любой отрицательной ситуации в романе противопоставляется некая положительная модель – хотя бы как

нереализованный идеал, к которому стремится один из персонажей. Ценностный конфликт в художественной литературе всегда амбивалентен и не имеет однозначного решения, в связи с чем оба полюса оценочной шкалы оказываются важны с небольшим смещением в ту или иную сторону в зависимости от характера проблематики каждого конкретного текста. Рассмотрим отрывок из романа Сола Беллоу «Планета мистера Сэмлера»:

That is to say that *horror, crime, murder, did vivify all the phenomena*, the most ordinary details of experience. In evil as in art there was *illumination*. It was, of course, like the tale by Charles Lamb, *burning down a house to roast a pig*. Was a *general conflagration* necessary? All you needed was *a controlled fire in the right place*. Still to ask everyone to refrain from *setting fires* until the thing could be done in the right place, *in a higher manner*, was possibly too much. And while Sammler, getting off the bus, intended to phone the police, he *nevertheless* received from the crime *the benefit of an enlarged vision*. (Bellow 2004: 8)

В данном отрывке представлены размышления мистера Сэмлера после того, как он стал свидетелем карманной кражи в автобусе. Действия вора-карманника произвели на него неизгладимое впечатление и, выходя из автобуса, он пытается разобраться в своих чувствах. Сразу же обращает на себя внимание неоднозначность оценки только что пережитого опыта: *In evil as in art there was illumination*. Зло сопоставляется здесь с искусством, поскольку приводит к переоценке ценностей, позволяя по-иному посмотреть на привычные обыденные вещи. Ощущая необходимость изменений и обновления общественных ценностей, герой, тем не менее, задается вопросом о правомерности озарения, полученного такой дорогой ценой. Вопрос о способе трансформации общества, таким образом, представляет собой основу изложенного здесь ценностного конфликта, на что, кстати, указывает и ссылка на Раскольникова, которую мы не стали здесь приводить, чтобы немного сократить цитату.

Интересующее нас слово *fire* появляется в данном отрывке два раза, причем в разных вариантах значения. В первом случае – *a controlled fire in the*

right place – реализуется ЛСВ1, на что указывает появление в ближайшем окружении слова таких ЛСМ, как *controlled* и *right*. Во втором случае – *to refrain from setting fires* – реализуется ЛСВ2, что подтверждается типом вводящего контекста: глагол *to refrain from* предполагает нежелательность выраженного герундием действия, которое воспринимается как источник опасности. Оба ЛСВ употребляются здесь иносказательно, т.к. речь идет не об использовании *fire*-стихии как таковой, а о различных способах реформирования общественного устройства.

ЛСВ1 используется как средство иносказательного моделирования гипотетической ситуации, представляющей собой положительную модель развития общества, т.е. своего рода идеал, к которому стремится персонаж: контролируемое *fire* в нужном месте (без риска возникновения пожара) как источник света (*illumination*) и тепла уподобляется здесь толчку, приводящему к положительной динамике общественных изменений без риска быть поглощенным волной социального насилия. Ему противопоставляется ЛСВ2, которое задает иную модель, реализуемую большинством современных героев революционеров: использование насильственных методов с целью уничтожения существующего порядка сопоставляется с деятельностью поджигателей и оценивается отрицательно как неоправданно ставящая под угрозу жизнь и благополучие многих членов общества. Столкновение этих двух моделей происходит и в цитате из рассказа Ч. Лэма: *burning down a house to roast a pig* – неконтролируемое, представляющее собой серьезную угрозу *fire* (*burning down a house* – ‘*Situation of Uncontrolled Destructive Burning*’), используемое в утилитарно-бытовых целях для приготовления пищи (*to roast a pig* – ‘*Situation of Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes*’) становится метафорой цели, которая заведомо не оправдывает средства.

В то же время, напряженность ценностного конфликта усиливается за счет признания притягательной силы второй, «разрушительной», модели (*in evil... there is illumination; he nevertheless received from the crime the benefit of*

an enlarged vision). Неконтролируемое *fire* тоже является мощным источником света и может вызывать восхищение – также и сцена насилия обладает определенной степенью притягательности:

However, Mr. Sammler had to admit that once he had seen the pickpocket at work he *wanted very much to see the thing again*. He didn't know why. It was a *powerful event, and illicitly – that is, against his own stable principles – he craved a repetition*. (Bellow 2004: 7)

Как мы видим, ценностный конфликт не имеет абсолютно однозначного решения. Герой зачарован происходящим, несмотря на сознательное понимание опасности и незаконности подобного рода действий. Сознательная правомерность одной и подсознательная притягательность другой модели создают эмоциональное напряжение, которое иносказательно оценивается за счет противопоставления двух различных ЛСВ слова *fire*, каждый из которых вызывает ассоциации с определенной ситуативной моделью опыта. Таким образом, оба полюса оценки здесь одинаково важны и именно их противопоставление лежит в основе ценностного конфликта, что приводит к появлению в тексте как ЛСВ1, так и ЛСВ2 слова *fire*: стремление к идеальной положительной программе действий сопровождается признанием неизбежности реально существующей отрицательной модели.

В публицистике такое структурирование проблемной ситуации вряд ли будет возможно, т.к. газетные статьи более или менее четко распределяются по типу эмоционально-оценочного отношения к проблеме со значительным перевесом в сторону негативных аспектов опыта, в связи с чем ЛСВ2 и его производные намного более частотны, чем В3 с положительным типом оценки.

Еще одна особенность художественных прозаических текстов по сравнению с публицистикой заключается в более редком появлении иносказаний. Если в рассмотренных нами газетных статьях иносказания представляют собой 24% от всех случаев употребления (71 из 294), то в

романах их количество снижается до 5% (15 из 298). Такая разница вновь объясняется природой соответствующих речевых жанров.

Как мы уже неоднократно писали, иносказание всегда связано с заимствованием какой-либо словесной последовательности из одной ситуативной модели в другую с целью повышения художественной выразительности текста. Встраиваясь в структуру целевого текста, иносказание сохраняет при этом связь с ситуацией-источником, благодаря чему возникает ощущение двойственности, придающее тексту особую эмоциональную окраску. В публицистике этот прием используется достаточно широко: газетные статьи всегда посвящены описанию конкретных событий, в связи с чем иносказание представляет собой наиболее эффективный способ придания тексту выразительности.

Роман, в меньшей степени привязанный к конкретным событиям, происходящим во внешнем мире, представляет собой совокупность художественных образов, обладающих метафорической природой. Двойственность заложена в самой природе художественного образа, который представляет собой метафорическое переосмысление некоего психического состояния с целью систематизации различных аспектов опыта. В таких случаях слово *fire* хоть и полностью принадлежит ситуации и не является иносказанием, однако, способствует созданию большей выразительности текста за счет включенности в структуру определенного художественного образа.

Рассмотрим, как это происходит на примере романа американского писателя Джона Стейнбека «Гроздь гнева», в котором описывается вынужденный переезд семьи Джоудов с севера на юг страны, в Калифорнию, в поисках работы и связанные с этим трудности. В Калифорнии надежды на спокойную обеспеченную жизнь рушатся, т.к. вопреки ожиданиям членам семьи удается найти лишь временную, сезонную, причем очень низкооплачиваемую работу. Гонка за выживание на чужой земле приводит к переоценке ценностей: происходит распад индивидуальной семьи и

формирование нового человеческого братства угнетенных, основанного на принципах равенства и взаимопомощи. Миссис Джоуд как хранительница семейного очага очень тяжело переживает этот переход:

“Ma, I’m a-gonna *go away* tonight. I can’t go puttin’ this on you folks.”

Ma said *angrily*, “Tom! There’s a whole lot *I don’t un’erstan’*. But goin’ away ain’t gonna ease us. *It’s gonna bear us down...* There was the time when we was on the lan’. There was a boundary to us then. Ol’ folks died off, an’ little fellas come, an’ we was always one thing – we was the fambly – kinda whole and clear. An’ now *we ain’t clear no more... We’re crackin’ up*, Tom. *There ain’t no fambly now...*” (Steinbeck 2000: 463-464)

Здесь миссис Джоуд еще пытается противостоять угрозе распада собственной семьи, отказываясь отпускать старшего сына Тома. Она отчаянно держится за старую систему ценностей, в то время как Том пытается объяснить ей смысл происходящих изменений:

Tom laughed uneasily, “Well, maybe like Casy says, *a fella ain’t got a soul of his own, but on’y a piece of a big one* – an’ then –”

“Then what, Tom?”

“Then it don’t matter. Then *I’ll be all aroun’ in the dark*. I’ll be ever’where – wherever you look. Wherever they’s a fight so hungry people can eat, I’ll be there. Wherever they’s a cop beatin’ up a guy, I’ll be there...”

“*I don’t un’erstan’*,” Ma said. “*I don’t really know*.” (Steinbeck 2000: 495)

Миссис Джоуд неохотно уступает, однако настоящее понимание, сопровождающееся формированием новой системы ценностей, приходит позже:

Ma walked to the door and stood looking out. The stars were paling in the east. The *wind blew softly* over the willow thickets, and from the little stream came *the quiet talking of the water*. Most of the camp was *still asleep*, but in front of one tent *a little fire burned*, and people were *standing about it, warming themselves*. Ma could see them *in the light of the new dancing fire* as they stood facing the

flames, rubbing their hands; and then they turned their backs and held their hands behind them. (Steinbeck 2000: 502)

Созерцание группы людей вокруг костра маркирует здесь момент зарождения у миссис Джоуд новой ценностной системы. Эта новая система ценностей еще окончательно не сформировалась и на данном этапе представляет собой скорее эмоциональное переживание, чем четко структурированную модель. Именно поэтому автор предпочитает передать его не эксплицитно – в монологе, а имплицитно – в описании впечатлений героини от созерцания утреннего пейзажа. Ключевые ЛСМ, выделенные в тексте курсивом, указывают на ее умиротворенность, резко контрастирующую с предыдущими порывами гнева (ср. *said angrily* - в одном из предыдущих отрывков, приведенных в работе). Внимание героини привлекает группа людей, собравшихся вокруг костра. Это молчаливое единение греющихся у огня людей становится символом возникновения нового надличностного мировоззрения.

Слово *fire* играет здесь очень важную роль, т.к. представляет собой как бы центр формирующегося братства. Благотворное *fire* как источник света и тепла превращается здесь в олицетворение надежд на лучшее и служит своеобразным средством оценки новой ценностной системы, которая преодолевает ограниченность традиционных индивидуально-семейных ценностей. Не случайно выбрано и время суток – утро: начало нового дня как новый этап в развитии общественного самосознания.

Ma could see them in the light of the new dancing fire – это, пожалуй, ключевая фраза в приведенном отрывке. Физический акт видения становится метафорой понимания, дающего возможность увидеть происходящее в новом свете: появление прилагательного *new* в качестве определения к слову *fire* не случайно и вызывает ассоциации с ФЕ *to see sth/sb in a new light*, которая часто иносказательно используется в английском языке в ситуациях переоценки ценностей. *Dancing* также представляет собой важный ЛСМ,

представляющий собой средство положительной оценки формирующегося нового мировоззрения.

Совершенно очевидно, что существительное *fire* в данном отрывке реализует ЛСВ1, который используется здесь в буквальном смысле, т.к. относится к физической сфере опыта. Тем не менее, само описание утреннего пейзажа и людей, собравшихся вокруг костра, представляет собой художественный образ, являющийся результатом метафорического переосмысления определенного эмоционального переживания, связанного с переоценкой системы ценностей.

Интересно, что в некоторых случаях ЛСВ1 может использоваться и как средство отрицательной оценки. Рассмотрим следующий отрывок из романа Стайнбека «К востоку от Эдема»:

*In this guarded way they lived for two years before their irritation grew beyond control again... Charles placed seven eggs on top of the warming oven and **built his fire** carefully of small pieces of kindling until it *burned fiercely*. He *put the skillet down* next to the flame... Charles's *temper tore in two*. «I want you out of here !» he shouted. (Steinbeck 2000: 126 - 130)*

В данном отрывке реализуется сценарий ‘*Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes*’: герой разводит огонь в печи для приготовления пищи. Здесь вновь описание последовательности действий в физическом мире представляет собой образ психического состояния персонажа, что выражается в ключевых лексико-семантических компонентах текста. Появление слова *fire* маркирует момент повышенного напряжения в отношениях между двумя братьями. В отличие от предыдущего рассмотренного нами отрывка, где *fire* сопровождалось целым рядом положительно заряженных ЛСМ (*in the light of the new dancing fire*), здесь *fire* появляется в окружении слов с отрицательным типом оценки (*burned fiercely, skillet*). В начале главы герою еще удается сдерживать свои чувства, однако раздражение растет в нем все больше и больше и уже готово вот-вот вырваться наружу. Появление в тексте таких слов как *fire, burned fiercely, skillet* как бы подготавливает читателя к

готовящемуся взрыву эмоций. И действительно, к концу главы Чарльз не выдерживает: *Charles's temper tore in two. «I want you out of here !» he shouted.*

Двойственность художественного образа проявляется здесь особенно ярко за счет полноты реализации интегральной категории на разных уровнях организации текста: сценарий использования огня для приготовления пищи, лежащий в основе структурной организации данного отрывка, предполагает ЛСВ1, в то время как конкретные элементы описания вызывают ассоциации со сценарием пожара. Сравнить, например:

The *fire* spread rapidly in grass and brush and *burned fiercely* through the night before it was controlled the next day. (Cermak 2005: 264)

Словесная последовательность *burned fiercely* является типичным элементом ситуативной модели '*Uncontrolled Destructive Burning*'. Его появление в тексте, реализующем модель '*Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes*', обусловлено особенностями создаваемого художественного образа: эмоции пока еще находятся под контролем, что и обеспечивает возможность их сопоставления с *fire1*, однако появляющееся тут же словосочетание *burned fiercely* в качестве сказуемого вызывает ощущение потенциальной угрозы потери контроля, которая может привести к акту насилия (тем более что один такой прецедент уже описывался в романе перед этим).

Как мы видим, художественный образ сам по себе является очень пластичным средством оценки определенного эмоционального переживания. Метафорическая природа художественного образа придает тексту глубину и выразительность, в результате чего использование иносказания как стилистического приема в романе часто оказывается излишним.

Что касается архетипа, то, как мы уже отмечали выше, этот ВЗ достаточно редко встречается в романах (в нашей подборке текстов он составляет всего 3,6% от всех случаев употребления существительного и глаголов *fire*). В некоторых текстах он используется для создания иронического эффекта за счет столкновения обыденного и поэтически-

возвышенного мироощущения. Интересный пример в этом отношении представлен в романе Синклера Льюиса «Произведение искусства»:

“Gee, *I don't know where I get it!*” he whispered. The *booming glory exalted him*, and he *paraded* again, *tossing his arms and chanting...* And *the sun god showered him with rays* which clothed him in *double glory* as they were reflected from the red tin roof.

The whistle of the 6:07 train from the Berkshires *reduced Ora from cloud treader, bright with morning fire*, to *kindling splitter* for the American House. Though he still murmured “Potent and terrible,” he was drawn to look over the coping at *the actualities of provincial life...* Below Ora, *abysmal depths below*, his brother, Myron Weagle, was watering the sidewalk with a *despicable battered* green can. Ora watched this *tedious daily comedy* with amused eyes. His *generosity* toward Myron was as much a part of *his poet's sovereignty as fire* and *potency* and *terribleness*. (Lewis 1962: 6-7)

Приведенная здесь сцена открывает роман, сразу же задавая ценностный конфликт, лежащий в основе всего текста и основанный на противопоставлении мировоззренческих позиций двух братьев, Оры и Майрона Уигл. Амбициозный Ора Уигл считает себя гениальным поэтом и презирает мещанство своего брата, стремящегося сделать карьеру в гостиничном бизнесе. В приведенном отрывке описывается момент вдохновения, когда Ора, активно жестикулируя, декламирует стихи собственного сочинения на крыше отцовского дома.

Существительное *fire* выполняет важную функцию в моделировании ценностного конфликта, обеспечивая противопоставление двух ситуативных моделей. С одной стороны, архетипическое *fire* маркирует момент трансцендентального контакта с божественной силой, являющейся источником поэтического вдохновения и вызывающей у персонажа ощущение выхода за пределы собственной ограниченности (“*Gee, I don't know where I get it!*”; *the sun god showered him with rays which clothed him in double glory; cloud treader, bright with morning fire*). С другой стороны,

появляющееся тут же словосочетание *kindling splitter* вызывает ассоциации с ситуацией использования огня в утилитарно-бытовых целях, которая становится здесь символом обыденной, повседневной действительности. Казалось бы, проблема заключается в том, что гениальная личность вынуждена влачить жалкое существование простого обывателя. Однако чрезмерная патетика в описании поэтического вдохновения Оры (*booming glory exalted him; paraded; tossing his arms*) и его отрыв от реальности (*cloud treader; abysmal depths below*), напротив, говорит об инверсии данного ценностного стереотипа. Весь роман представляет собой по сути утверждение противоположной ценностной модели, связанной с образом Майрона Уигла. Именно ему удастся полностью реализовать себя в любимом деле и создать настоящее произведение искусства – гостиничный комплекс своей мечты.

Архетипическое *fire*, таким образом, является здесь маркером поэтического стиля, который в совокупности с рядом других лексико-семантических компонентов сообщает тексту чрезмерную возвышенность. Эта преувеличенная патетика передает ироническое отношение автора к своему персонажу и является средством инверсии ассоциируемого с ним ценностного стереотипа.

Похожий случай употребления архетипа есть и в романе Р. Киплинга «Ким», где этот ВЗ используется для передачи снисходительно-ироничного отношения автора к индийским монахам, подчеркивая их замкнутость на собственном внутреннем мире и оторванность от реальности происходящего:

All India is full of *holy men stammering gospels in strange tongues; shaken and consumed in the fires of their own zeal; dreamers, babblers* and visionaries. (Kipling 2009: 57)

Во всей своей полноте архетип реализуется в романе Стайнбека «К востоку от Эдема», который представляет собой утверждение христианских ценностей и в рамках которого архетипическое *fire* является ссылкой на текст Библии:

“I thought that once *an angry and disgusted God poured molten fire* from a crucible *to destroy or to purify* his little handiwork of mud. I thought I had inherited both *the scars of the fire* and the *impurities* which made the *fire* necessary – all inherited, I thought. All inherited. Do you feel that way?”

“I think so,” said Cal...

“Maybe you’ll come to know that every man in every generation is *refired*. Does a craftsman, even in his old age, lose his hunger to make *a perfect cup* – thin, strong, translucent?” He held his cup to the light. “All *impurities burned out* and ready *for a glorious flux*, and for that – more *fire*. And then *either the slag heap* or, perhaps what no one in the world ever quite gives up, *perfection*.” (Steinbeck 2000: 726)

Здесь слово *fire* реализует всю полноту своей амбивалентности. С одной стороны, *fire* является атрибутом разъяренного Бога, представляя собой кару за грехи. С другой стороны, оно воспринимается как средство очищения, позволяющего человеку преобразиться и достичь совершенства. Перед нами, таким образом, типичный пример сакрального *fire*, соединяющего в себе два противоположных полюса оценки: *to destroy* ↔ *to purify*; *the slag heap* ↔ *perfection*.

Как мы видим, появление архетипического *fire* в романе так или иначе связано с реализацией возвышенно-поэтического стиля или с отсылкой к проблемам религиозного дискурса. Это не случайно, т.к. архетип как ВЗ наиболее распространен именно в поэтической речи и в текстах религиозного характера, в связи с чем его использование в романе часто приводит к созданию особого стилистического эффекта.

Подводя итог, можно выделить следующие особенности функционирования слова *fire* в речевом жанре романа:

1. относительно равномерное распределение ВЗ с различным типом оценки, обусловленное одинаковой важностью как положительных, так и отрицательных элементов опыта благодаря амбивалентности ценностных конфликтов, лежащих в основе текстов этого жанра;

2. редкость появления иносказательных случаев употребления словосочетаний со словом *fire*, объяснимая двойственной метафорической природой художественного образа, которая часто делает иносказание излишним;
3. возможность использования архетипа для достижения определенного стилистического эффекта.

4.3 Анализ функциональной роли слова *fire* в поэзии

Для выявления особенностей функционирования слова *fire* в поэзии нами были проанализированы 70 поэтических текстов различных англо-американских писателей XX в. Тексты отбирались методом сплошной выборки: главные критерии, предъявлявшиеся при отборе, – наличие в тексте хотя бы одного случая употребления существительного или глагола *fire* и принадлежность текста тому же временному промежутку, что и проанализированные в предыдущем параграфе романы. Мы вновь попытались распределить все случаи появления *fire* в изученных нами стихотворениях по ВЗ в соответствии с моделью, предложенной в третьей главе данной работы. Результат анализа представлен в *Приложении IV*, где приводится сводная схема всех употреблений существительного и глагола *fire* в соответствующих поэтических текстах с распределением по ЛСВ. В *Приложении V* представлен полный перечень проанализированных стихотворений.

Главная особенность, которую невозможно не отметить, глядя на приведенную схему, – это высокая частотность архетипического *fire*, которое появляется 61 раз из 113, т.е. представляет собой 54% от всех случаев употребления данной лексической единицы в нашей подборке текстов. Это объясняется, по-видимому, повышенной эмоциональностью поэтических произведений, в основе которых всегда лежит неразрешимый ценностный конфликт, характеризуемый стиранием четких границ между конкретными

моделями опыта, благодаря чему амбивалентная интегральная категория слова может реализоваться во всей своей полноте. Рассмотрим несколько конкретных примеров реализации архетипа в поэтическом тексте. Для сравнения возьмем стихотворение “Torch” Лизы Уилльямз (Lisa Williams) и “Fire on the Hills” Робинсона Джефферса (Robinson Jeffers).

В соответствие с теорией трехуровневой организации поэтического текста, предложенной И. В. Толочиным (Толочин 2014), в основе любого стихотворения лежит какое-либо ценностное суждение, представленное, как правило, в заголовке и представляющее собой семантическую базу всего произведения. Стихотворение Лизы Уилльямз озаглавлено словом *torch*, которое сразу же вызывает у читателя ассоциации с определенным типом опыта, отсылая к одному из специфических сценариев в рамках общей модели ‘*Controlled Fire Used for Utilitarian Purposes*’. В онлайн версии словаря Merriem-Webster слово *torch* определяется следующим образом: 1) *a burning stick of resinous wood or twist of tow used to give light and usually carried in the hand*; 2) *something (as tradition, wisdom or knowledge) likened to a torch as giving light or guidance*. Как показывают эти дефиниции *torch* представляет собой источник света, который, с одной стороны, полностью подвластен человеку (высокая степень контроля проявляется в словосочетании *carried in the hand*, указывающая на возможность целенаправленного перемещения данного источника света в пространстве), а с другой стороны, наделяет человека, несущего факел, особым статусом лидера-первопроходца, идущего во главе процессии (*guidance*). Ср., например:

1. Then I saw a procession. Two young girls *carried torches followed by dozens of men and women in white robes*. (Lloyd 2007)

Можно, таким образом, предложить следующую формулировку ценностного стереотипа, выступающего в роли семантической базы данного стихотворения: *a person carrying a torch is in absolute control of fire as a source of light and because of this fact he/she acquires a prominent position within a certain group of people leading them through darkness*.

Инверсия данного стереотипа, однако, намечается уже в эпиграфе, отсылающем читателя к «Божественной комедии» Данте Аллигьери: *when I beheld a fire win out against a hemisphere of shadows – Inferno, Dante (tr. By Allen Mandelbaum)*. Эпиграф представляет собой цитату из 4 песни «Ада», в которой лирический герой встречается с величайшими певцами прошлого – Гомером, Горацием, Овидием и Луканом, после смерти пребывающими в Лимбе из-за того, что жили в дохристианскую эпоху и не прошли таинство крещения. *Fire* становится здесь символом их мудрости и величия: возможность приблизиться к единственному источнику света ставит их в привилегированное положение по сравнению с душами остальных умерших, которые вынуждены пребывать во мраке. Лирический герой Данте, тем не менее, не удостоивается чести приблизиться к костру и наблюдает его лишь издалека. Как мы видим, здесь происходит ослабление идеи абсолютного контроля над *fire* как благотворным источником света: источник *fire* здесь является фиксированным и не подлежит целенаправленному перемещению в пространстве, а степень приближенности к нему определяется творческими достижениями каждого человека.

Первая строка стихотворения сразу же создает напряжение, намечая характер ценностного конфликта: *if I could hold a fire against// a hemisphere of shadows...* Так же как и в эпиграфе, здесь противопоставлены две сферы: область света, центром которой и является *fire*, и область тени. Лирическое «я» поэтессы стремится попасть в область света за счет осуществления контроля над его источником (*hold a fire*). Использование сослагательного наклонения, однако, говорит о невозможности реализации данного желания. Глагол *to hold* устанавливает контраст с использованным в цитате глаголом *to behold*: если первый глагол указывает на осуществление полного контроля над объектом, то второй, напротив, предполагает наличие между субъектом и объектом определенной дистанции. Происходит, таким образом, столкновение двух позиций: если герой Данте довольствуется созерцанием *fire* на определенном расстоянии, то лирическое «я» поэтессы стремится к

более тесному контакту с его источником, который позволил бы ей выделиться из общей массы серых теней.

Далее происходит инверсия семантической базы за счет транспозиции функций субъекта и объекта. Контакт с *fire* приводит к полной зависимости лирической героини от источника света: *but so fire scatters// galvanizing strands, my pupils// responsive to the flames' unbridled// tutelage*. Для передачи ощущения подчиненности лирического «я» всеобъемлющей силе *fire* используется метафорический мотив отношений учителя и ученика: *my pupils ↔ the flames' unbridled tutelage*. С одной стороны, слово *pupil* связывается здесь с процессом зрительного восприятия и в этом отношении определяется как *the contractile aperture in the iris of the eye*. С другой стороны, появление в тексте слова *tutelage* активизирует в сознании читателя сцену сакрального наставничества, в контексте которого *pupil* приобретает иное значение: *one who has been taught or influenced by a famous or distinguished person* (<http://www.merriam-webster.com/dictionary/pupil>). Стремление максимально приблизиться к *fire* ассоциируется, таким образом, с желанием ощутить на себе его мощь. Лирическая героиня из активного действующего субъекта превращается в объект воздействия неподвластной человеческому разуму трансцендентальной силы.

Заданный в семантической базе утилитарно-бытовой ВЗ (ЛСВ1) переосмысливается в тексте стихотворения, приобретая иной тип функционально-оценочных характеристик. Появление лексических единиц с отрицательным оценочным потенциалом – *hold it// close, not so that damage// finds my hands* – говорит об амбивалентности оценки: с одной стороны, *fire* притягивает к себе лирическую героиню, а с другой стороны, она ощущает исходящую от него угрозу. *Fire* как бы устанавливает границу, пересечение которой влечет за собой опасные последствия. Это типичная черта архетипического *fire*, которое строго наказывает непосвященного за профанацию сакрального.

О реализации архетипа говорит и появляющееся в конце стихотворения указание на божественную природу *fire: it is the only spirit, like a god, // making me something nailed to wood // then keep my head then coolly draw // some backbone from that dazzle*. *Fire* сравнивается здесь с богом, т.е. для лирического «я» поэтессы представляет собой источник священного знания. Контакт с сакральным *fire* при этом оценивается как жертвенный акт, требующий полной самоотдачи: *nailed to wood* вызывает в сознании читателя ассоциации с евангельской сценой распятия Христа, а слово *backbone* отсылает к книге Левит из Ветхого Завета, где описывается обряд принесения жертвы сожжением (Leviticus 3: 9-11). Появление в тексте стихотворения ссылки как на Новый, так и на Ветхий Завет не случайно и призвано, по видимому, уравнивать христианскую и дохристианскую мораль в акте творчества. (Напомним, что у Данте, на чей текст как бы проецируется данное стихотворение, великие поэты прошлого, жившие задолго до Рождества Христова, не могут попасть в Рай и вынуждены влачить жалкое существование в Лимбе.)

Во второй части стихотворения вновь появляется противопоставление области света и области тени: *If I could hold a fire against // that latticework of shadows, standing // close to flames pivoting without // being singed or riveted or convinced...* Как мы помним, у Данте степень приближенности к свету определяется творческими достижениями каждого человека. Столкновение света и тени является, таким образом, метафорическим мотивом, противопоставляющим творческую гениальность (свет) заурядности обыденного сознания (тьма). У Лизы Уилльямз, однако, это противопоставление приобретает дополнительную амбивалентность за счет включенности в структуру данной оппозиции архетипического *fire* как источника творческого вдохновения. Для лирической героини творческий акт представляет собой акт самопожертвования и самоотречения в полной подчиненности высшей божественной силе. Этот жертвенный акт приводит к выделению из общей серой массы неуловимых теней и закладывает прочную

основу личности: *cooly draw// some backbone from that dazzle (backbone - the determination and strong personality that you need in order to do what is right or deal with a difficult situation (OMMD))*. Далеко не каждый оказывается способен на контакт с всеобъемлющей живительной силой *fire (shadows, standing// close to flames pivoting without// being singed or riveted or convinced)*, и многие вынуждены вечно пребывать в безликой массе не знающих вдохновения теней. Лирическая героиня стремится установить контакт с *fire* и выделиться из этой массы, однако, за счет использования в начале каждой строфы сослагательного наклонения возможность реализации этого желания ставится под сомнение.

Таким образом, идеал, к которому стремится лирическое «я» поэтессы можно сформулировать следующим образом: *A person carrying a torch is being controlled/ guided by the superior transcendental force of fire and through sacrifice acquires a rigid core of identity which enables him/ her to be distinguished from the crowd of ordinary people who lack spiritual fire*. Как мы видим, противопоставление ЛСВ1, заложенного в семантической базе стихотворения, хотя и эксплицитно не выраженного, и ЛСВ3 как одного из ключевых компонентов текста создает особое эмоциональное напряжение и участвует в формировании ценностного конфликта за счет столкновения двух различных моделей опыта, элементами которых соответствующие ЛСВ являются.

В некоторых случаях формирование ценностного конфликта осуществляется на основе противопоставления ЛСВ3 и ЛСВ2, благодаря чему происходит проецирование амбивалентности архетипа на словесную модель с отрицательным типом оценки – ‘*Uncontrolled Destructive Burning*’. Ярким примером реализации такой модели является стихотворение Томаса Джефферса “*Fire On The Hills*”. Заголовок стихотворения наряду с некоторыми компонентами текста – *the roaring wave of the brush-fire* – совершенно очевидным образом вызывают ассоциации со сценарием

растительного пожара, в рамках которого *fire* представляет собой стихийную, неподдающуюся контролю разрушительную силу:

On May 31, 1987 *an illegal campfire escaped its confines* and ignited ***a major brush and timber fire on the hills*** of the community of Pebble Beach, *burning most of the vegetation totally... The fire consumed approximately 160 acres of vegetation as well as 31 homes before being controlled.* (*Urban Wildlands Fire*)

Этот отрывок из отчета о пожарах представляет собой типичный случай реализации сценария растительного пожара, в котором проявляются его ключевые элементы: масштабность произошедшей трагедии (*The fire consumed... 160 acres of vegetation as well as 31 homes*), обусловленная трудностью установления контроля над всепоглощающей силой *fire*. Можно, таким образом, предложить следующую формулировку семантической базы стихотворения: *a fire is a rapidly spreading natural disaster that destroys vegetation, kills wild animals and endangers human security.*

Само стихотворение представляет собой инверсию данной семантической базы за счет отказа от стереотипной оценочности чисто человеческого восприятия. Стихотворение открывается описанием трагической сцены пожара, отдаленным свидетелем которого оказывается лирический герой: *The deer were bounding like blown leaves// under the smoke in front of the roaring wave of the brush-fire;// I thought of the smaller lives that were caught.* Здесь происходит полное раскрытие семантической базы. Выбор животного не случаен: олень традиционно представляет собой символ трогательной беззащитной красоты и грации. Казалось бы, описываемая сцена призвана пробудить у читателя сочувствие к страданиям беззащитных, обреченных на гибель животных. Следующая строка, однако, вступает в контраст с данным оценочным стереотипом: *Beauty is not always lovely; the fire was beautiful, the terror// of the deer was beautiful...* Здесь происходит переоценка традиционных представлений о красоте как абсолютном благе. Противопоставляя классические синонимы *beautiful* ↔ *lovely*, автор создает иную, выходящую за пределы обыденного человеческого восприятия,

оценочную модель, утверждая наличие особой завораживающей красоты у всепоглащающей разрушительной силы *fire*.

Далее инверсия ценностного стереотипа происходит посредством включения в текст еще одного ключевого компонента с амбивалентным типом оценки – an eagle: *and when I returned// down the back slopes after the fire had gone by, an **eagle**// was perched on the jag of a burnt pine,// **insolent and gorged**, cloaked in the **folded storms** of his shoulders// he had come from the far off for the good hunting// with fire for his beater to drive the game; the sky was **merciless**// blue, and the hills **merciless black**,// the sombre-feathered great bird sleepily **merciless** between them.*

Появление хищной птицы, привлеченной обилием легкой добычи на пожарище, представляет собой метафору божественного присутствия. Это становится очевидным, если проанализировать ряд интертекстуальных соответствий с псалмом Асафа: *Out of Zion, **the perfection of beauty**,// **God hath shined**.// **Our God shall come**, and shall not keep silence:// **a fire shall devour before him**,// and it shall be very **tempestuous** round about him...// And the heavens shall declare his righteousness:// for God is judge himself...// for every beast in the forest is mine,// and a cattle **upon a thousand hills**.// I know all the fowls of the mountains:// and the wild beasts of the field are mine.// **If I were hungry**, I would not tell thee:// for the world is mine, and the **fullness** thereof...* (Psalms 50: 2-12) В псалме *fire* представляет собой мощную разрушительную силу, подготавливающую грешную землю к пришествию Господа, дабы он мог вершить свой праведный суд. У Джефферса *fire* выполняет аналогичную функцию, подготавливая появление орла (*with fire for his beater to drive the game*). В описании самого орла также присутствуют скрытые ссылки на библейский текст: *cloaked in the **folded storms** of his shoulders* → *it shall be very **tempestuous** round about him; **gorged*** → *if I were **hungry**, the **fullness***. Орел, таким образом, становится здесь символом присутствия Бога на земле.

С точки зрения традиционной морали, орел – так, как он описан в стихотворении – представляет собой скорее отрицательный, чем

положительный образ. В его описании нет ни одного слова с положительным типом оценки – перед нами безжалостная хищная пресыщенная птица. Не случайно три раза повторяется слово *merciless*, устанавливая контраст с христианскими представлениями о милосердии Божьем. Казалось бы, этот суровый малопривлекательный персонаж является средством инверсии библейского текста. Последняя строка, тем не менее, говорит об обратном: *I thought, painfully, but the whole mind, // the destruction that brings an eagle from heaven is better than men*. Этот суровый безжалостный орел оказывается выше обыденной буржуазной морали, основанной на ограниченном человеческом представлении о добре и зле. Библейский текст, таким образом, здесь не отрицается, а переосмысливается и утверждается с новых позиций: *the severe beauty of the destruction by fire reveals the inconceivable power of God's righteous presence*. Бог непостижим и находится вне системы обыденных представлений о добре и зле, а христианская идея божественного милосердия и благодати является результатом проекции чисто человеческих ценностей на божественное начало.

Как мы видим, в контексте всего стихотворения слово *fire* приобретает особую функцию, преодолевая ограниченность однозначно отрицательной оценки, заложенной в семантической базе. Такое расширение значения за счет полноты реализации интегральной категории говорит о том, что перед нами архетип, т.е. ЛСВ3. Противопоставление ЛСВ2 как элемента семантической базы и ЛСВ3 как одного из ключевых компонентов текста приводит к созданию эмоционального напряжения и участвует в формировании ценностного конфликта.

Не трудно заметить, что оба проанализированные стихотворения строятся по одной и той же схеме: в качестве семантической базы берется словесная модель, в которой слово *fire* обладает однозначным типом оценки (у Лизы Уильямс ЛСВ1 из модели ‘Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes’, у Робинсона Джефферса ЛСВ2 из модели ‘Uncontrolled Destructive Burning’), а в тексте стихотворения происходит инверсия семантической базы

за счет включения в текст компонентов с противоположным типом оценки. Таким образом, можно говорить о том, что установление контраста между ЛСВ с однозначным типом оценки, с одной стороны, и амбивалентным архетипом, с другой, является одним из средств формирования ценностного конфликта в поэтических произведениях.

Что касается иносказаний, то в поэтических текстах они представлены шире, чем в романах (18 случаев употребления из 113, т.е. примерно 16%). Для сравнения: в романах иносказания представляют собой всего 5% от всех случаев употребления, в то время как в публицистике – 24%. Большая частотность их использования в поэзии по сравнению с художественной прозой объясняется, по-видимому, повышенной эмоциональностью поэтического текста. Совмещение иносказания и художественного образа в рамках небольшого по объему стихотворения выглядит совершенно естественно. В качестве примера рассмотрим стихотворение Джеймса Уэлдона Джонсона «Братья» (James Weldon Johnson “Brothers”).

Семантическая база стихотворения никак не связана со словом *fire*. Существительное *brother*, вынесенное в заголовок, следующим образом определяется в словаре Merriem-Webster Dictionary: 1) *a male who has the same parents as another or one parent in common with another*; 2) *one related to another by common ties or interests*; 3) *a fellow member – used as a title for ministers in some evangelical denominations* 4) *one of a type similar to another* (OMWD). Как мы видим, данное слово является элементом нескольких различных ситуативных моделей. В заголовке, нет дополнительных указаний на то, к какой конкретно ситуации оно здесь отсылает, поэтому имеет смысл предложить формулировку семантической базы на основе наиболее распространенной модели родственных отношений: *Brothers are close relatives who have the same parents and share similar status within the family they belong to*.

Стихотворение начинается с описания пойманного преступника. Сразу же устанавливается контраст с ценностным стереотипом, заложенным в

семантической базе. Поймавшие его люди стремятся дистанцироваться от него, не признавая в нем человека: *How came **this beast** in human shape and form?// Speak, man! – We call you man because you wear// His shape – How are you thus? Are you not from// **That docile, child-like, tender-hearted race**// Which we have known three centuries?* Здесь закладывается основа оппозиции: *that docile, child-like, tender-hearted race (we) ↔ this beast (you)*. Последнее приведенное в цитате предложение является однозначным указанием на американский народ с его молодым национальным самосознанием и системой демократических ценностей.

Преступнику предоставляется слово, и он произносит речь, в которой возлагает ответственность за собственные злодеяния на общество: -- *and I am more:// **The bitter fruit am I of planted seed...// Lessons in degradation, taught and learned,// The memories of cruel sights and deeds,// The pent-up bitterness, the unspent hate// **Filtered through fifteen generations** have// Sprung up and found in me sporadic life.*** Преступление рассматривается здесь как следствие социального неравенства. Несколько веков работорговли, когда к человеку относились хуже, чем к животному, превратили его в настоящего дикого зверя, преподнеся ему уроки жестокости и насилия.

Не дав ему закончить исповедь, преступника приковывают к дереву и сжигают. Автор очень подробно описывает то наслаждение, с которым собравшиеся наблюдают за казнью, изо всех сил стараясь продлить его мучения. *Stop! to each man no more than one man's share.// You take that bone, and you this tooth; the chain --// Let us divide its links; this skull, of course,// In fair division, to the leader comes* – представители молодой нации с демократическими ценностями (*docile, child-like, tender-hearted*) на глазах у читателя превращаются в кровожадных зверей, с жадностью разрывающих добычу на куски.

Последняя строка возвращает нас к заголовку: -- *Say,// What did he mean by those last muttered words,// "**Brothers in spirit, brothers in deed are we**"?* В контексте всего стихотворения слово *brothers* приобретает более конкретное

содержание, отсылая читателя к одному из фундаментальных текстов в американской истории, закладывающих основу американской системы ценностей, – Декларации независимости: “*We hold these truths to be self-evident, that **all men are created equal**, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness*” (*Declaration of Independence*). Происходит, таким образом, конкретизация семантической базы: *all men are created equal* => *all men are brothers*. Стихотворение представляет собой инверсию данного ценностного стереотипа, представляющего собой основу американского национального самосознания, устанавливая контраст между словом (Декларация независимости) и делом (работорговля): *you say that all men are equal, but for centuries you continue to oppress other people creating beastlike creatures full of hatred, which means that we are brothers in the atrocities that we commit*.

Слово *fire* появляется в тексте три раза, однако, его функция здесь несколько отличается от той, которую оно выполняет в двух предыдущих, разобранных нами стихотворениях. Как у Л. Уилльямз, так и у Р. Джефферса *fire* является одним из ключевых компонентов текста, участвующих в формировании ценностного конфликта. У Дж. У. Джонсона *fire* не участвует непосредственно в формировании конфликта, а представляет собой одно из средств создания художественной выразительности.

Существительное *fire* в первый раз появляется в тексте в исповеди пойманного преступника: *In me the muttered curse of dying men, // On me the stain of conquered women, and // Consuming me the fearful fires of lust, // Lit long ago, by other hands than mine*. Здесь *fire* не принадлежит ситуации и является элементом иносказания, которое используется в психической сфере для иносказательной оценки определенного эмоционального состояния, связанного с утратой контроля над собственной психикой. Такие ЛСМ как *consuming, fearful* говорят о том, что перед нами ЛСВ2.1. Разрушительная сила похотливой страсти, которой персонаж не в силах противостоять, уподобляется здесь разрушительной силе *fire*.

Интересно, что в третьей части стихотворения происходит реализация этой метафоры. Преступника сжигают, и разрушительная сила *fire* физически поглащает его тело: *Enough, the brute must die!!! Quick! Chain him to that oak! It will resist// The fire much longer than this slender pine.// Now bring the fuel! Pile it 'round him! Wait!!! Pile not so fast or high! or we shall lose// The agony and terror on his face...// Fetch water! Water! Pour a little on// The fire, lest it should burn too fast. Hold so!!! Now let it slowly blaze again. See there!!! He squirms! He groans! His eyes bulge wildly out,// Searching around in vain appeal for help! Another shriek, the last! Watch how the flesh// Grows crisp and hangs till, turned to ash, it sifts// Down through the coils of chain that hold erect// The ghastly frame against the bark-scorched tree.* Здесь *fire* полностью принадлежит ситуации, а следовательно употребляется в буквальном смысле, реализуя тот же самый ВЗ что и в иносказании. Тем не менее, описанная ситуация сама по себе представляет собой художественный образ, обладающий двойственной метафорической природой. Разрушительная сила *fire* превращается здесь в варварское орудие убийства, становясь символом непревзойденной жестокости. Таким образом, можно говорить о том, что на символическом уровне в рамках художественного образа ЛСВ2 слова *fire* реализует свой иносказательный потенциал, связанный с выходом из-под контроля мощной отрицательной психической энергии.

Реализация метафоры в художественном, и особенно поэтическом тексте является очень ярким средством создания выразительности. У Дж. У. Джонсона этот прием придает особую остроту ценностному конфликту, подчеркивая его двойственность: человек, вынужденный всю жизнь гореть в пламени греховного огня, разоженного обществом (*lit long ago, by other hands than mine*), зверски сжигается на костре в качестве наказания за те преступления, на которые его толкнула общественная несправедливость. Использование иносказания с последующей реализацией метафоры устанавливает двойную ответственность общества – сначала за грехопадение

преступника, лишенного всякой возможности выбора, а затем за его зверскую казнь.

Как мы видим, в поэтическом тексте, отличающемся повышенной эмоциональностью, появление иносказания в составе художественного образа выглядит вполне естественно и не вызывает ощущение чрезмерной патетики. Этим объясняется, по-видимому, большая частотность иносказательных случаев употребления в поэзии по сравнению с романом, которому свойственен более спокойный тон повествования.

Возвращаясь к схеме, приведенной в Приложении IV, отметим еще несколько особенностей употребления слова *fire* в поэтических произведениях. Во-первых, следует упомянуть приоритет основных ВЗ над метонимически производными (основные ВЗ – 65,5%; производные ВЗ – 34,5%). Для сравнения напомним, что в публицистике соотношение прямо противоположное и перевес на стороне производных ВЗ (основные ВЗ – 14%, производные ВЗ – 86%). Это можно объяснить особенностью проблематики поэтических текстов: лежащий в основе поэтического произведения ценностный конфликт намного более глобален и абстрактен и не сводится к описанию конкретного события в материальном мире. Кроме того, ситуация стрельбы из огнестрельного оружия, являющаяся одной из наиболее частотных в публицистике, в поэзии не является особенно актуальной (в нашей подборке текстов эта ситуативная модель реализуется всего 5 раз).

Отметим также редкость глагольных словоупотреблений в поэтических текстах (всего 9 случаев употребления из 113, т.е. примерно 8%). Это может быть связано как с производной природой глаголов *to fire* (как мы уже говорили, поэзия тяготеет к использованию основных ВЗ), так и с приоритетом словесных моделей ‘*Controlled Burning Used for Utilitarian Purposes*’ и ‘*Uncontrolled Destructive Burning*’ над сценарием ‘*Use of Firearms in a Military Conflict*’.

Подводя итог, перечислим еще раз основные особенности употребления лексической единицы *fire* в поэзии:

1. высокая частотность архетипического *fire* (ЛСВ3), которое, как правило, является одним из ключевых компонентов текста и противопоставляется ВЗ с однозначным типом оценки (ЛСВ1 или ЛСВ2) в семантической базе, за счет чего создается эмоциональное напряжение и формируется ценностный конфликт, лежащий в основе всего произведения;
2. ЛСВ с однозначным типом оценки используются как средство создания выразительности за счет реализации соответствующих метафорических мотивов в составе художественного образа;
3. относительно высокая частотность иносказательных случаев употребления, обусловленная повышенной эмоциональностью поэтического текста;
4. приоритет основных ВЗ над производными;
5. редкость глагольных словоупотреблений.

Анализ жанровых особенностей словоупотребления, приведенный в данной главе, лишь намечает перспективу для дальнейших исследований. Безусловно, для того чтобы сделать более конкретные выводы, необходимо привлечение обширного языкового материала из более широкого спектра речевых жанров. Цель данного исследования была менее глобальной и заключалась не в том, чтобы составить исчерпывающий список всех особенностей употребления лексической единицы *fire* во всех речевых жанрах, а в том, чтобы проверить речевые жанры в целом на наличие специфики словоупотребления. В этом отношении, как нам кажется, результат достигнут, и приведенные в приложениях схемы наглядно демонстрируют существование значительной разницы в статистическом распределении ВЗ между текстами, принадлежащими к различным речевым жанрам.

Особенности словоупотребления зависят, конечно, от характера конкретной, решаемой в тексте проблемы. Речевые жанры, как мы уже говорили выше, представляют собой типизацию проблем опыта, в связи с чем

каждый жанр тяготеет к использованию определенной группы ЛСВ. Архетип, например, характерен для поэзии, а глагол *to fire* (4.2.1) – для публицистических текстов спортивной тематики. Использование ЛСВ, который не является типичным для данного речевого жанра, часто приводит в созданию особого стилистического эффекта.

Этот вывод представляется нам принципиальным и позволяет говорить о целесообразности более широкого использования стилистических помет в толковых словарях.

Выводы по ГЛАВЕ 4

1. Можно говорить о наличии жанровых особенностей словоупотребления у лексической единицы *fire*, что проявляется в различном статистическом распределении ВЗ в текстах, принадлежащих к разным речевым жанрам.
2. В публицистике доминируют ЛСВ с отрицательным оценочным потенциалом, что связано с проблематикой газетных статей, ориентированных на сообщение о событиях, представляющих собой угрозу общественному благополучию.
3. Для романов характерно относительно равномерное распределение ЛСВ с различным типом оценки, обусловленное одинаковой важностью как положительных, так и отрицательных элементов опыта благодаря амбивалентности ценностных конфликтов, лежащих в основе текстов этого жанра.
4. В поэзии наиболее распространенным ЛСВ является архетипическое *fire*, появление которого обусловлено повышенной эмоциональной напряженностью поэтических текстов, а также неразрешимостью лежащих в их основе психологических конфликтов.
5. Иносказательные случаи использования слова *fire* наиболее широко представлены в газетных статьях. В поэзии и особенно в романах они встречаются значительно реже, что связано с исконной метафорической природой художественного текста, который не нуждается в дополнительных средствах создания выразительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа обширного языкового материала нами была создана альтернативная словарная статья для английской лексемы *fire*. Особенность этой словарной статьи заключается, прежде всего, в ее коммуникативно-прагматической ориентации. Каждая дефиниция представляет собой описание определенного типа контекста, вследствие чего словарная статья в целом приобретает высокую коммуникативную значимость и представляет собой четко структурированную модель конкретных типов словоупотребления.

Как показывает исследование, такой подход помогает преодолеть непоследовательность традиционного лексикографического описания слова, основанного во многом на философских принципах объективизма. Попытки выделить основной номинативный вариант значения, направленный непосредственно на предмет и независимый от особенностей человеческого восприятия, приводят к возникновению противоречий между текстом дефиниции и соответствующим ей иллюстративным материалом. Методология, разрабатываемая лингво-антропологической школой лингвистики, позволяет избежать возникновения подобных проблем: отправной точкой исследования являются здесь конкретные случаи употребления слова в тексте, в результате чего каждая дефиниция может быть подкреплена большим количеством конкретных примеров.

Кроме того, выделение нескольких равноправных ЛСВ на основе различий в функционально-оценочных параметрах типичных контекстов позволяет избежать проблемы, связанной с определением первичной предметной отнесенности того или иного слова. В нашей интерпретации *fire*₁, *fire*₂ и *fire*₃ являются равноправными случаями реализации ИК. В результате вопрос о том, какое из значений данного слова – *forest fire* или *cooking fire* – является первичным с точки зрения онтологического статуса соответствующего объекта, в данной концепции оказывается нерелевантным.

В отличие от современных толковых словарей, рассчитанных на носителей английского языка, мы считаем целесообразным отказаться от использования узко-специальной научно-технической терминологии в описании словесного значения. На наш взгляд, следует четко разграничивать, с одной стороны, описание словесного значения как функции словесного знака в тексте, а с другой, - описание объекта с точки зрения его физических свойств и молекулярного состава. Описание объекта – задача специализированных словарей в соответствующих областях науки. Общие толковые словари занимаются описанием языка, а следовательно представленные в них дефиниции должны быть доступны для понимания широкого круга читателей.

В структуре разработанной нами словарной статьи можно выделить еще ряд особенностей по сравнению с общепринятыми правилами организации материала в современных словарях. Прежде всего, следует отметить предпринятую нами попытку интеграции значений глагола в структуру словарной статьи, посвященной существительному *fire*. Как показывает исследование, существует несколько омонимичных глаголов *to fire*, каждый из которых образован по конверсии от определенного ЛСВ существительного. ЛСВ существительного и соответствующий ему конверсив являются элементами одной и той же ситуативной модели. Обладая схожими функционально-оценочными параметрами, они позволяют по-разному смоделировать одну и ту же ситуацию на основе противопоставления таких аспектов человеческого опыта, как динамика (глагол) ↔ статика (существительное). Близость функционально-оценочных параметров, обусловленная принадлежностью к одной и той же ситуативной модели, позволяет объединить каждый глагол *to fire* и соответствующий ему ЛСВ существительного в единый пункт словарной статьи.

Еще одной важной особенностью предложенной нами модели словесного значения является включение в структуру словарной статьи ФЕ с компонентом *fire*. Традиционно ФЕ принято выносить за рамки полисемии

словесного знака, рассматривая их как единичные случаи переосмысления отдельных словесных последовательностей. Это приводит к возникновению целого ряда проблем. В частности, возникает вопрос о принципах ограничения материала, подлежащего включению в словарь. Кроме того, одной и той же словесной последовательности часто приписывается различный статус в разных толковых словарях английского языка: например, *to catch fire* в одних словарях рассматривается как ФЕ, в то время как в других приводится в качестве примера устойчивого контекста употребления слова *fire* в одном из ВЗ. Все это говорит об отсутствии общих критериев выделения ФЕ в современной лексикографии.

С целью решения данной проблемы мы прибегли к теории концептуальной метафоры и попытались продемонстрировать перспективность применения основных принципов этой теории для анализа ФЕ. В рамках данной концепции соотнесение двух ситуативных моделей – исходной и целевой – является источником возникновения иносказательности как одного из средств выразительности речи. С точки зрения лингво-антропологического подхода, ФЕ в этом отношении ничем не отличаются от метафоры и представляют собой лишь стандартизированный ее вариант, прочно закрепленный в языке как готовое клише. Об этом говорит наличие в ближайшем окружении ФЕ с компонентом *fire* целого ряда ЛСМ, указывающих на существование ассоциативной связи с исходной ситуативной моделью, свидетельствующее о том, что слово *fire* сохраняет в их составе свою категориальную структуру, а следовательно реализует один из выделенных нами ЛСВ. В результате все случаи иносказательного использования словесных последовательностей с компонентом *fire* можно разделить на три группы в зависимости от того, из какой ситуации-источника они заимствуются. Вследствие этого целесообразным представляется привести в словарной статье схемы соотнесения словесных моделей с указанием тех функционально-оценочных параметров целевых ситуаций, которые обуславливают возможность заимствования соответствующих

словесных последовательностей из ситуации-источника. Такой способ репрезентации материала в словарной статье, во-первых, поможет решить проблему отбора ФЕ для включения в словарь: вместо того чтобы предпринимать попытки составления полного списка идиом с компонентом *fire*, достаточно лишь привести несколько конкретных примеров заимствования в рамках общей схемы соотнесения словесных моделей. Во-вторых, это способствует экспликации существующих в сознании носителей английского языка ассоциативных связей, что позволит иностранцам, изучающим английский язык, более свободно ориентироваться в метафорической жизни англоязычного социума.

Еще одним важным результатом работы является получение данных, указывающих на наличие значительного функционального сдвига в семантике слова при изменении таких грамматических признаков, как исчисляемость/ неисчисляемость у существительного и переходность/ непереходность у глагола. Толковые словари либо игнорируют эту разницу в семантике соответствующих типов словоупотребления, либо абсолютизируют эти грамматические признаки и кладут их в основу разграничения вариативности, не учитывая при этом разницу в функционально-оценочных параметрах типовых контекстов. Проведя компаративный анализ случаев употребления исчисляемого и неисчисляемого *fire* в идентичных типах вводящего контекста, мы пришли к выводу, что исчисляемый и неисчисляемый варианты слова, реализующие одинаковый тип оценки, позволяют по-разному смоделировать соответствующую ситуацию контакта с *fire*, что позволяет сделать вывод о целесообразности их разделения на разные ЛСВ. Таким образом, изменение слова по признаку исчисляемости/ неисчисляемости или переходности/ непереходности является важным функциональным параметром, который, с нашей точки зрения, следует учитывать в процессе разграничения вариативности.

Анализ конкретных речевых произведений, в которых употребляется слово *fire*, показывает, что существует особый тип контекста, который не

зафиксирован ни в одном из изученных нами толковых словарей английского языка – речь идет об архетипическом *fire*. Архетип является наследием синкретизма первобытного сознания и в этом отношении обладает целым рядом функциональных особенностей. Прежде всего, следует отметить амбивалентность оценки, связанную с заведомо неоднозначным отношением человека к области сакрального. Кроме того, контекстам такого типа свойственно отсутствие четкого разделения психической и физической сфер опыта с высокой динамикой их взаимопроникновения. Являясь древнейшим типом контекста, архетип способен вызывать в человеке повышенную эмоциональную реакцию, чем и объясняется высокая частотность его появления в поэзии, а также в текстах религиозного характера. Все это говорит о том, что перед нами отдельный ЛСВ, который занимает важное место в структуре словесного значения, а следовательно должен быть так или иначе зафиксирован в лексикографии. Отметим также еще раз, что, с нашей точки зрения, интерпретация архетипа как особого ЛСВ позволяет решить проблему неопределенности формы, свойственную теориям архетипа в аналитической психологии, литературоведении и когнитивной лингвистике.

Еще одним важным результатом данной работы является статистическое обоснование наличия жанровых особенностей словоупотребления у лексической единицы *fire*. Как мы уже неоднократно писали, использование того или иного ЛСВ напрямую зависит от характера решаемой в тексте проблемы. Речевые жанры представляют собой типизацию проблем опыта, вследствие чего в рамках каждого речевого жанра существует тенденция к использованию вполне определенного набора ЛСВ. Таким образом, зная жанровую принадлежность текста, можно предсказать вероятность появления в его хронотопе того или иного ВЗ. Все это говорит о целесообразности более широкого использования стилистических помет в лексикографии.

Принимая во внимание результаты, полученные в ходе исследования, можно говорить о том, что применение методологии семантического анализа, предложенного в рамках лингво-антропологического подхода, является

перспективным в лексикографии, т.к. способствует решению целого ряда проблем, связанных с лексикографическим описанием слова. Разработанная нами статья представляется нам более системной, чем традиционные варианты описания семантической структуры того же самого полисеманта. В статье эксплицитно выражены связи, существующие между различными ЛСВ, что приводит к восприятию слова как целостной функциональной единицы и может способствовать более быстрому усвоению структуры ее полисемии иностранцами, изучающими английский язык, за счет установления в их сознании ассоциативных и ситуационных связей, обусловивших возникновение различных типов употребления одного и того же словесного знака.

Данная работа намечает перспективу для дальнейших исследований сразу в нескольких направлениях. Во-первых, объектом нашего исследования послужила одна единственная лексема. В этом отношении было бы интересно попробовать применить предложенную здесь методологию для анализа более широкого спектра лексических единиц различной частеречной принадлежности.

Во-вторых, дальнейшей разработке подлежит высказанная нами лингвистическая теория архетипа. Исследование поэтических текстов, а также текстов религиозно-эзотерического характера позволило бы очертить круг слов, обладающих соответствующим типом значения, что способствовало бы экспликации значительного пласта английской лингвокультуры и пролило бы свет на способы структурирования хронотопа поэтических и религиозных текстов. Кроме того, значительный интерес может представлять и компаративный анализ архетипов в разных языках с целью проверки их на наличие культурной специфичности.

В-третьих, полученные нами статистические данные о существовании жанровых особенностей словоупотребления говорят о перспективности дальнейших исследований в этой области с привлечением более широкого корпуса текстов, принадлежащих различным речевым жанрам.

И наконец, в-четвертых, дальнейшему исследованию подлежат ФЕ на предмет возможности их включения в структуру полисемии одного из словесных знаков в их составе с целью систематизации идиом в зависимости от их принадлежности к той или иной исходной ситуативной модели.

В целом работа намечает один из возможных дальнейших путей развития лексикографии в сторону разработки коммуникативно-ориентированных лексикографических практик и в этом отношении встраивается в современную антропоцентрическую парадигму исследований, обладая значительной практической и теоретической ценностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М., 2008. – 272 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Содержательные характеристики слова/ Н. Ф. Алефиренко; НИУ БелГУ // Современный русский язык: учебник под ред. Л. Р. Дускаевой. –СПб, 2014. – С. 59-97.
3. Антонин. Психоанализ К. Юнга. Учение о «коллективном бессознательном» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philocult.ru/443-psihoanaliz-k-yunga-uchenie-o-kollektivnom-bessoznatelnom.html> (дата обращения 26.04.2016).
4. Аристотель. Об истолковании // Сочинения в четырех томах, пер. Э. Л. Радлова, т. 2 М. Мысль, 1978. – 684 с.
5. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: «ФЛИНТА», «Наука», 2012. – 376 с.
6. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу/ Репринт издания 1865 г., с исправлениями. Т. 1. – М.: «Индрик», 1994. – 800 с.
7. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе// Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407.
8. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров// Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
9. Бенвенист, Э. Природа языкового знака. Общая лингвистика [Электронный ресурс]. - М., 1974. - С. 90-96 Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74e.htm> (дата обращения: 29.04.2013).
10. Богданова, И.А. Функционирование архетипического концепта«вода» в текстах народного и индивидуального творчества: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Богданова Ирина Александровна. - Пермь, 2006. – 231 с.

11. Болен, Дж. Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь. – М.: София, 2005. – 272 с.
12. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики// Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 4-13.
13. Васильева, Н.И. Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж. К. Роулинг и их интерпретация в молодежной субкультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Васильева Наталья Игоревна – Н. Новгород, 2005. – 243 с.
14. Вежбицка, А. Речевые жанры// Жанры речи. Вып. 1. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99-112.
15. Веселовский, А. Н. Поэтика сюжетов// Историческая поэтика. – Л.: Художественная литература, 1940. – С. 493-596.
16. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162 – 189.
17. Владимирова, Т. Е. Концепт «брат» как архетип русского языкового бытия// Мир русского слова, № 2, 2015. – С. 47-53.
18. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
19. Голенок, Г. В. Комплексы и архетипы// Знание, понимание, умение, № 2, 2010. – С. 195-200.
20. Гулыга, Е. В. К вопросу о взаимосвязи уровней (языковые макро- и микрополя)// Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. 4. – М.: Наука, 1967. – С. 13-22.
21. Декарт. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/dekart_r/rassuzhdenie_o_metode_chtobi_verno_napravlyat_svoy_razum_i_otiskivat_istinu_v_naukah/read (дата обращения: 10.06.2016).

22. Дементьев, В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия// Жанры речи. Вып. 3. – Саратов: Колледж, 2002. – С. 18-40.
23. Доманский, Ю. В. Архетипические мотивы в русской прозе XIX века. Опыт построения типологии [Электронный ресурс] // Литературный текст: проблемы и методы исследования, IV. Режим доступа: http://www.k2x2.info/jazykoznanie/literaturnyi_tekst_problemy_i_metody_issledovaniya_iv_sbornik_nauchnyh_trudov/index.php (дата обращения: 28.04.2016).
24. Ермолаева, Н. Л. Архетип халата в русской литературе XIX в.// Ученые записки Казанского государственного университета, том 151, кн. 3, 2009. – С. 47-56.
25. Есперсен, О. Философия грамматики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/engl/engl33.htm> (дата обращения: 18.03.2016).
26. Жук, С. А. Архетипы горного пейзажа// Мир науки, культуры, образования, № 3 (40), 2013. – С. 310-312.
27. Залевская, А. А. Проблема «тело – разум» в трактовке А. Дамазио// Studia linguistica cognitiva. Том 1. Язык и познание. – М: Гнозис, 2006. – С. 82-104.
28. Золотова, Г. А. Говорящее лицо и структура текста// Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 120-132.
29. Зорькина, О. С. О психолингвистическом подходе к изучению текста// Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 205-210.
30. Иванова, Е. В. Архетип апокалипсиса и его вербализация в текстах СМИ// Политическая лингвистика, 2012. – 4 (42) – С. 184-188.
31. Ивин, А., Никифорович, А. Словарь по логике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/193/word/> (дата обращения: 14.08.2015)

32. Искандарова, Г. Р., Мурясов, Р. З. Функционализм в науке о языке и в словообразовании// Вестник Башкирского университета, том 18 №1, 2013. – С. 82–85.
33. Кибрик, А. Е. Функционализм в лингвистике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FUNKTSIONALIZM_V_LINGVISTIKE.html (дата обращения 13/04/2016).
34. Китова, Е. Б., Кравченко, А. В. Ценность как доминанта иерархии концептов *data, information, knowledge*// *Studia linguistica cognitiva*. Том 1. Язык и познание. – М: Гнозис, 2006. – С. 257 – 275.
35. Ковшова, М. Л. Лингво-культурологический метод в фразеологии. Коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
36. Константинов, Ф. В. Диалектический материализм [Электронный ресурс]// Основы марксистской философии. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1963 <http://psylib.org.ua/books/konst01/txt02.htm#2> (дата обращения: 08.05.2016)
37. Коробейникова, А. А., Пыхтина, Ю. Г. О пространственных архетипах в литературе// Вестник Оренбургского государственного университета, № 11 (117), 2010. – С. 44-50.
38. Кравченко, А. В. От языкового мифа к биологической реальности. Переосмысляя познавательные установки языкознания. – М.: Рукописные памятники древней Руси, 2013. – 387 с.
39. Кравченко, А. В. Биологическая реальность языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academia.edu/2602848/Биологическая_реальность_языка (дата обращения: 31.10.2015).
40. Красноперова, Ю.В. О понятии "речевой жанр" в современной лингвистике [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6 - Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7894> (дата обращения: 21.04.2016).

41. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72-81
42. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
43. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем// Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387 – 415.
44. Лебедев, М. В. Стабильность языкового значения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iu.ru/biblio/archive/lebedev_stabilnost/03.aspx?search=%c1%eb%f3%ec%f4%e8%eb%e4#st (дата обращения: 04.01.2011).
45. Левицкий, А. Э. Функциональный подход в современной лингвистике// Studia Linguistica. Вып. 4, 2010. – С. 31-38.
46. Лещак, О. В. Методологические основы функционального исследования языковой деятельности: дисс. на соискание учен. степ. д.ф.н.: 10.02.12 / Лещак Олег Владимирович. – Тернополь: ТГПИ, 1997. – 641 с.
47. Лещева, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 253 с.
48. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров// Семиосфера. – СПб: Искусство-СПб, 2000. – С. 150-390.
49. Лукьянова, Е. А. Оценочные модели как основа текстопорождения: дис. на соискание учен. степ. канд. филол. н.: 10.02.04 / Лукьянова Екатерина Андреевна. – СПб, 2004. – 220 с.
50. Лукьянова, Е. А. Not so sour, или зачем нужно анализировать семантико-синтаксическую структуру идиом // Контекст XXI века. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 100-105.
51. Маркс, К., Энгельс, Ф., Ленин, В.И. О диалектическом и историческом материализме [Электронный ресурс]. – М: Политиздат, 1984. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/maenl01/index.htm> (дата обращения: 01.05.2016).

52. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. – 136 с.
53. Мерзлякова, А. Х. Семантическая структура многозначных прилагательных// Вестник Удмуртского университета. Филологические науки, №5 (2), 2007. – С. 115-122.
54. Минский, М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 154 с.
55. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
56. Нойман, Э. Происхождение и развитие сознания. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. – 462 с.
57. Олешков, М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 146 с.
58. Остин, Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной литературе, вып. 17. – М., 1986. – С. 22-129.
59. Пассмор, Д. Сто лет философии [Электронный ресурс]. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/pass_sto/index.php (дата обращения: 24.05.2016).
60. Перевозкина, Ю. М., Перевозкин, С. Б., Дмитриева, Н. В. Архетипы современной женщины// Мир науки, культуры, образования № 1 (44), 2014. – С. 267-270.
61. Плунгян, В. А., Рахилина, Е. В. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог под// Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. – С. 115-133.
62. Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. Метафизика севера и зооморфные архетипы русской философии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки, № 5, 2010. – С. 60-66.

63. Попова, Н. Б., Бобнев, Б. А. Системные и структурные связи языковой и речевой многозначности // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение, вып. 70, №28 (282). – С. 111-114.
64. Пропп, В. Я. *Морфология сказки*. – Ленинград: «ACADEMIA», 1928. – 152 с.
65. Прохоров, А. О. Семантические пространства психических состояний. – Дубна: Феникс+, 2002. – 280 с.
66. Реан, А. А., Бордовская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика. – СПб: Питер, 2002. – 432 с.
67. Ревзина, О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. - Новосибирск, 2004. – С. 11 – 20.
68. Розин, В. Семиотические исследования. – Москва: Университетская книга, 2001. – 256 с.
69. Рудяков, А. Н. Язык, или почему люди говорят. Опыт функционального определения естественного языка. – М.: «ФЛИНТА», «Наука», 2012. – 160 с.
70. Русаков, В. М. Категория концепт-архетип-дискурс: методологические новации в исследовательском инструментарии современного гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Вестник Нижневартковского государственного университета, № 2, 2010. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-kontsept-arhetip-diskurs-metodologicheskie-novatsii-v-issledovatel'skom-instrumentarii-sovremennogo-gumanitarnogo-znaniya> (дата обращения: 25.04.2016).
71. Серебренников, Б. А. Общее языкознание [Электронный ресурс]. – 1970 http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/serebrenikov_obshee/02.aspx (дата обращения: 04.01.2011).
72. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195-223.

73. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
74. Словарь психологических терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belogurova.ru/glossary?letter=21&word=351> (дата обращения: 21.04.2016).
75. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 261 с.
76. Снегирев, И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. – М., 1837. – 231 с.
77. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.
78. Стеблин-Каменский, М. И. Несколько замечаний о структурализме // Спорное в языкознании. – Л., 1974. – С. 48 – 56.
79. Стеблин-Каменский, М. И. Миф. – Л.: Наука, 1976. – 104 с.
80. Степанов, Ю. С. Между «системой» и «текстом»: выражения «фактов» // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 111-119.
81. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
82. Стернин, И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. – Москва – Воронеж, 2002. – С. 44 – 51.
83. Сулименко, Н. Е. Аспекты изучения лексической семантики. – СПб: Свое издательство, 2012. – 277 с.
84. Толочин, И. В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. – СПб: Издательство СПбГУ, 1996. – 95 с.
85. Толочин, И. В. Монолог и речевая деятельность // Риторика монолога. – СПб: Химера, 2002. – С. 212-222.
86. Толочин, И. В. Stone Upon Stone: где найти человека в значении слова? // Язык человека. Человек в языке; под ред. Зеленщикова А.В., Хомяковой Е.Г. – СПб, 2012. – С. 130 - 164.

87. Толочин, И.В. Ценностное суждение как семантическая база поэтического текста // Язык как культурный код нации /под ред.А.В, Зеленщикова и др. – СПб, 2014. – С. 195 – 206.
88. Толочин, И. В., Лукьянова, Е.А. Переосмыслим "переосмысленное". Что же такое фразеологизмы? // Этюды. – СПб, 2008. – С. 69-76.
89. Учебник по лексикологии / Коновалова М. Н., Лукьянова Е. А., Сорокина М. В., Толочин И. В.; под ред. И. В. Толочина. – СПб: Антология, 2014. – 352 с.
90. Федяев, Д. М., Чинакова, Л. И. Архетипы философского знания // Омский научный вестник, № 2 (106), 2012. – С. 107-110.
91. Филиппенко, М. В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях // Исследования по семантике предлогов. – М., 2000. – С. 12-54.
92. Фисенко, О. С., Лазарев, С. В. Архетип в структуре метаконцепта [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 6-2, 2014. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-v-strukture-metakontseptja> (дата обращения: 24.05.2016).
93. Фрумкина, Р. М., Михеев, А. В., Мостовая, А. Д., Рюмина, Н. А. Семантика и категоризация. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
94. Хазанкович, Ю. Г. Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов № 2, 2009. – С. 186-188.
95. Хиллман, Дж. Архетипическая психология/ пер. с англ. Ю. Донца и В. Зеленского. – СПб: Б.С.К., 1996. – 157 с.
96. Холл, Дж. А. Юнгианское толкование сновидений. – СПб: «Азбука-классика», 2008. – 222 с.
97. Чепкова, Т. П. О соотношении номинации и коннотации в составных наименованиях современного раусского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, №2,

2008. – С. 67-72.
98. Чумаченко, О. В. Коннотативный компонент значения: структура и типы [лингвокультурологический аспект] // Вестник КАСУ. Общие проблемы филологии, № 2, 2009. – С. 76-86.
 99. Эстес, К. П. Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях. - М.: София, 2010. – 495 с.
 100. Atkins S., Rundell, M. The Oxford Guide to Practical Lexicography. – New York: Oxford University Press, 2008. – 540 p.
 101. Bachelard, G. La psychanalyse du feu. – Paris: Editions Gallimard (Première édition: 1949, Gallimard), 1992. – 192 p. Available at: <http://classiques.uqac.ca/>
 102. Barsalou, L. W. Grounded Cognition // The Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. – P. 618 – 645.
 103. Bhatia, V.K. Analyzing Genre. Language Use in Professional Settings. - London and New York : Longman, 1993. - 246 p.
 104. Bloomfield, L. An Introduction to the Study of Language. – New York: Henry Holt and Company, 1914. – 335 p.
 105. Butler, Ch. S., Doval-Suárez, S.M., Gómez-González, M. de los A. (eds). The Dynamics of Language Use. – Amsterdam: Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2005. – 415 p.
 106. Cadiot, P., Visetti, Y.-M. Pour une théorie des formes sémantiques. Motifs, profils, thèmes. – Paris: Presses Universitaires de France, 2001. – 234 p.
 107. Carston, R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics // Mind and Language, 17 (1/2). – Pp. 127-148.
 108. Cassirer, E. An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. –New Haven: Yale U. P., 1945. – 340 p.
 109. Culioli, A. Pour une linguistique de l'énonciation. Tome 1. – Paris, Ophrys, 1990. – 225 p.
 110. Culioli, A. A propos de *même* // Langue française, 133, 2002. - Pp.16 – 27.
 111. Damasio, A. R. L'erreur de Descartes. – Paris: Odile Jacob, 2010. – 368 p.

112. Dennet, C. D. *Consciousness Explained*. – New York: Back Bay Books, 1991. – 511 p.
113. Derradji, A. *Forme schematique et polysemie // Etudes romanes de Brno*, 35,1, 2014. – pp. 59 – 73.
114. Dewey, J. *Human Nature and Conduct. An Introduction to Social Psychology*. – New York: Henry Holt and Company, 1922. Available at: www.gutenberg.org (accessed on 25.10.2015).
115. Dik, S. C. *The Theory of Functional Grammar. 2 Vols.* – Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. – 509p., 477 p.
116. Eco, U. *Le Signe. Histoire et analyse d'un concept*. – Paris: Editions Labor, 1988. – 220 p.
117. Evans, V. *Cognitive Linguistics // WIREs Cognitive Science*. John Wiley & Sons, 2012. Available at: <http://wires.wiley.com/WileyCDA/WiresArticle/wisId-WCS1163.html> (дата обращения: 16.11.2013).
118. Evans, V. *Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction// Cognitive Linguistics* 17-4, 2006. – Pp. 491-534.
119. Falkum, I. L. *The Semantics and Pragmatics of Polysemy: A Relevance-Theoretic Account*. Thesis, University College London, 2011. Available at: <http://discovery.ucl.ac.uk/1139079/1/1139079.pdf> (дата обращения: 15.11.2014).
120. Fillmore, Charles J., Atkins, B. T. *Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbours // Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*, ed. by A. Lehrer and E. Kittay. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1992. – pp. 75-102.
121. Franckel, J.-J., Paillard, D. *Aspects de la théorie d'Antoine Culioli // Language*, 129, 1998. – Pp. 52-63.
122. Frazer, J. G. *The Golden Bough*. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/3623/3623-h/3623-h.htm> (дата обращения: 01.02.2016)

123. Frege, G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, NF 100, 1892. – S. 25-50.
124. Freud, S. Interpretation of Dreams. – UK: Oxford University Press, 1999. – 512 p.
125. Gärdenfors, P. Meanings as Conceptual Structures // Lund University Cognitive Studies, 40, 1995. Available at: <http://www.lucs.lu.se/LUCS/040/LUCS.040.pdf> (accessed on 25.03.2015).
126. Geeraerts, D. Theories of Lexical Semantics. – UK: Oxford University Press, 2010. – 341 p.
127. Gibbs, R. W. Jr. Idiomaticity and Human Cognition // Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Everaert M., E. J. Van der Linden, A. Schenk & R. Schreuder (eds.). – Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1995. - Pp. 97-116.
128. Gioia, D. A., and Poole, P. P. Scripts in Organizational Behavior // The Academy of Management Review, Vol. 9, No. 3, 1984. - Pp. 449-459.
129. Halliday, M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. – London: Edward Arnold, 1985. – 387 p.
130. Halliday, M. A. K., Webster, J. J. (eds.) Continuum Companion to Systemic Functional Linguistics. – UK: Continuum Companions, 2009. - 299 p.
131. Hanks, P. Do word meanings exist? // Computer and the Humanities. Vol. 34, 2000. – Pp. 205 – 215.
132. Harder, H. Functional Semantics: A Theory of Meaning, Structure and Tense in English. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996. – 586 p.
133. Harris, R. The Semantics of Science. – London: Continuum International, 2005. – 240 p.
134. Harris, R., Hutton, Ch. Definition in Theory and Practice: Language, Lexicography and the Law. – London: Bloomsbury, 2007. – 238 p.
135. Hébert, L. Typologie des structures du signe: le signe selon le Groupe μ , 2010. Available at: <http://revues.unilim.fr/nas/document.php?id=3401> (accessed on 26.04.2011).

136. Johnson, M. *The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason.* – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 272 p.
137. Kilgarriff, A. I don't believe in word senses // *Computers and the Humanities*, 31, 2003. – Pp. 91-113.
138. Klinkenberg, J.-M. *Précis de sémiotique générale.* – Paris: De Boeck Université, 2006. – 597 p.
139. Kövecses, Z. *Metaphor.* – Oxford University Press, 2010. – 375 p.
140. Labov, W. *Sociolinguistic Patterns.* – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 344 p.
141. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things.* – London: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
142. Langacker, R. W. *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar.* – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
143. Lebas-Fraczak, L. Description « communicative » des déterminants français en vue de la didactisation // *Les Cahiers de l'Acadle*, 6, 2, 2009. Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/hal-00910782/document> (accessed on 19.04.2015).
144. Lukianova, E., Tolochin, I. *Smelling the Red Herring. A closer Inspection of the True Nature of English Idioms. Учебное пособие.* – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. – 136 с.
145. Lukyanova, E. Idioms beyond their dictionary borders: How figurative meaning functions in texts // *Euralex 2012 Proceedings (Paper 063)*. Available at: http://www.euralex.org/proceedings-toc/euralex_2012 (accessed on: 06.10.2015).
146. Maturana, H. R. *Reality: The Search for Objectivity or the Quest for a Compelling Argument* // *The Irish Journal Psychology*, vol. 9 (1), 1988. - Pp. 25 – 82.

147. Morris, Ch. W. Foundations of the Theory of signs // International Encyclopedia of Unified Science. Vol. 1, No. 2. – Chicago: The University of Chicago Press, 1944. – 59 p.
148. Mwiwaki, A. Meaning as Use: A Functional View of Semantics and Pragmatics // Swahili Forum, 11, 2004. – Pp. 127-139.
149. O'Donnell. Introduction to Systemic Functional Linguistics for Discourse Analysis // Universidad Autónoma de Madrid, 2011-2012. Available at: <http://web.uam.es/departamentos/filoyletras/filoinglesa/Courses/LFC11/LFC-2011-Week1.pdf> (accessed 27.03.2015)
150. Omazic, M. Processing of Idioms and Idiom Modifications // Phraseology: an Interdisciplinary Perspective, S. Granger, F. Meunier (eds.). – John Benjamins Publishing, 2008. – Pp. 66 – 79.
151. Ogden, C. K., Richards, I. A. The Meaning of Meaning. – New York, 1946. – 363 p.
152. Paillard, D. A propos des verbes polysémiques: identité sémantique et principes de variation // Syntaxe & Sémantique 2, 2002. – Pp. 99-120.
153. Paillard, D. Prépositions et rection verbale // Travaux de linguistique, I/44, 2002. – Pp. 51 – 67.
154. Pauly, E. La polysémie. Réflexion théorique, méthodologique et application à la lexicographie. – Paris: L'Harmattan, 2014. – 417 p.
155. Perez, R. G. A Cross-Cultural Analysis of Heat Metaphors // Revista Alicantina de Estudios Ingleses, 21, 2008. – Pp. 25 – 56.
156. Pierce, Ch. S. Collected Papers. – Cambridge: Harvard University Press, vol. 1-6, 1931-1935.
157. Porto Requejo, M. D. The Role of Context in Word Meaning Construction: A Case Study // International Journal of English Studies, vol. 7 (1), 2007. -Pp. 169 – 173.
158. Putnam, H. Meaning and Reference // The Journal of Philosophy, Vol. 70, No. 19, 1973. – Pp. 699 – 711.
159. Robertson Ian, S. Types of Thinking. – London, New York, 1999. – 182 p.

160. Rosch, E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. – Hillsdale, New Jersey, 1978. – Pp. 27-48.
161. Russel, B. The Philosophy of Logical Atomism. – London and New York: Routledge Classics, 2010. – 162 p.
162. Sapir, E. Language. An Introduction to the Study of Speech. Available at: www.gutenberg.net (accessed on 02.05.2012).
163. Schank, R., Abelson, R. Scripts Plans and Knowledge // Advance Papers of Fourth Intern. Joint Conf. on Artif. Intell., 2, 1975. – Pp. 151 - 157.
164. Skinner, B. F. Verbal Behavior. – New York: Appleton – Century – Crofts, Inc., 1957. – 478 p.
165. Sperber, D., Wilson, D. The Mapping between the Mental and the Public Lexicon // Language and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – Pp. 184-200.
166. Swales, J.M. Genre Analysis. English in Academic and Research Settings. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990. - 260 p.
167. Tannen, D. Frames and Schemas in Interaction // Quaderni di Semantica, VI, 2, 1985. – Pp. 326 – 335.
168. Uexküll, T. v. From Index to Icon // Iconicity. Essays on the Nature of Culture. – Tübingen, 1986. – Pp. 119 – 140.
169. Ullmann, S. Semantics: An Introduction to the Science of Meaning. Oxford: Basil Blackwell, 1962. – 278 p.
170. Wittgenstein, L. Tractatus Logico-Philosophicus. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1922. – 173 p.
171. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. – UK: Basil Blackwell, 1986. – 250 p.
172. Xiao, R. Z. Theory-driven corpus research: using corpora to inform aspect theory // Corpus Linguistics. An International Handbook. Handbooks of Linguistics and Communication Science, vol. 1. – Mouton de Gruyter, Berlin, Germany. – Pp. 987 – 1008.

173. Jung, C. G. (ed.) *Man and his Symbols*. – New York: Anchor Press, Doubleday, 1988. – 321 p.
174. Jung, C. G. *Four Archetypes: Mother, Rebirth, Spirit, Trickster*. – London, New York: Routledge, 2003. – 201 p.
175. Zlatev, J. *Meaning = Life (+ Culture): An Outline of a Unified Biological Theory of Meaning // Evolution of Communication*, vol. 4 (2), 2003. – Pp. 253 – 296.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. Cambridge Dictionaries Online (CDO). Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fire> (accessed on 14.01.2015).
2. Chamber's English Dictionary (ChED). – UK: Cambridge, 1989. – 1792 p.
3. Cobuild English Learner's Dictionary (CELD). – London and Glasgow, 1990. – 360 p.
4. Harrap's Chambers English Dictionary (HChED). – Edinburgh: Chambers Harrap Publishers Ltd, 1999. – 604 p.
5. Longman Dictionary of American English (LDAE). New York, 1983. – 960 p.
6. Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE). Pearson Education Limited, 2003. – 597 p.
7. New Webster's Dictionary of the English Language (NWDEL). USA: the Delair Publishing Company, Inc, 1981. – 1158 p.
8. Online Collins English Dictionary. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/fire> (accessed on 15.01.2015).

9. Online MacMillan Dictionary. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed on 06.02.2014).
10. Online Merriam-Webster Dictionary. Available at: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed on 03.03.2014).
11. Oxford Advanced Learner's Dictionary by A. S. Hornby (8th edition). Oxford University Press, 2013. – 1796 p.
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby. Oxford University Press, 1974. – 321 p.
13. The American Heritage Dictionary of the English Language, ed. By W. Morris. New York: American Heritage Publishing Co, Inc, 1975. – 1550 p.
14. The World Book Encyclopedia Dictionary, ed. by Clarence L. Barnhart. USA, 1963. Vol. 1. – 1087 p.
15. Thorndike Barnhart Intermediate Dictionary. USA: Scott, Foresman and Company, 1974. – 985 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Albion Department of Public Safety // Facebook. Available at: https://www.facebook.com/AlbionDPS/posts/696235560455988?stream_ref=10 (accessed on 07/05/2014).
2. Alexandra Madden's Blog. Available at: <https://alexandramadden.wordpress.com/> (accessed on 10/02/2014).
3. Bellow, S. Mr. Sammler's Planet. – USA: Penguin Books, 2004. – 260 p.
4. Birkby, E. Up a Country Lane Cookbook. – University of Iowa Press, 1993. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 06/04/2016).
5. Bowman, S. L. The Functions of Role-Playing Games: How Participants create community, Solve Problems and Explore Identity. – McFarland, 2010. – 216 p. Available at : <https://books.google.dz/> (accessed on 25/02/2016).

6. Brazil vs Argentina match report: Diego Tardelli brace secures morale-boosting win for Selecao as Lionel Messi sees penalty saved // The Independent.
Available at: <http://www.independent.co.uk/> (accessed on 12/10/2014).
7. Brilliance, Fire and Scintillation. Available at:
<http://www.pricerscope.com/wiki/diamonds/diamond-brilliance-fire-scintillation>
(accessed on 25/01/2015).
8. British National Corpus. Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed on 07/02/2014):
Billion-dollar brain. Deighton, Len. London: Arrow Books Ltd, 1991, pp. 67-219. 3677 s-units.
Country Living. London: The National Magazine Company Ltd, 1991, pp. 4-180. 2186 s-units.
Dollimore, J. Sexual dissidence. Oxford: Clarendon Press, 1991, pp. ???. 1770 s-units;
Gates, S. The Lock. Oxford: OUP, 1990, pp. ???. 3691 s-units.
Hill, D. The Fraxilly Fracas. London: Victor Gollancz Ltd, 1989, pp. 8-127. 2868 s-units.
Holland, S., Richmond, S. Ungoverned passion. Mills & Boon, 1993, pp. ???. 4446 s-units;
Howard, S., Richmond, S. Miracles can happen. Mills & Boon, 1992, pp. ???. 4329 s-units;
[Miscellaneous unpublished stories]. u.p., n.d., pp. 1-75. 2681 s-units.
Neil, B. The possession of Delia Sutherland. London: Bloomsbury Pub. Ltd, 1993, pp. 59-179. 4086 s-units.
New Scientist. 1740 s-units.
[Scotsman]. World affairs material , pp. ???. 12622 s-units.
Simon, W. The Pacific. London: Arrow Books Ltd, 1992, pp. 3-97. 1229 s-units.
Wilson, P., Richmond, S. Dark sunlight. Mills & Boon, 1993, pp. ???. 4712 s-units

- Wood, A. (ed.) The history of Siberia. London: from Russian conquest to revolution. Routledge & Kegan Paul plc, 1991, pp. 1-91. 683 s-units.
9. Buck, P. The Good Earth. – London: Albatross. – 306 p. Available at: https://archive.org/details/goodearth00buck_1 (accessed on 25/08/2015).
10. Bunyan, J. The Works of John Bunyan: Allegorical, Figurative, and Symbolical. – Blackie and Son, 1853. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 28/01/2016).
11. Burge, S. Power in Mind: Defying an Evil That Would Control the Mind of Man. – Troubador Publishing Ltd, 2013. – 360 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 04/03/2016).
12. Butler, L. Amite County and Mississippi Woman. La Plata County Series. iUniverse, 1999. – 379 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 19/02/2016).
13. Cermak, R. W. Fire in the Forest: A History of Forest Fire Control on the National Forests in California. – USA: USDA Forest Service, 2005. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 24/03/2016).
14. Choyce, L. Reckless. Orca Book Publishers, 2010. – 112 p. Available at : <https://books.google.dz/> (accessed on 29/02/2016).
15. Coetzee, J.M. Waiting for the Barbarians. Vintage. – 176 p.
16. Coffman, E. When Love Comes Along. Ellora's Cave Publishing Inc, 2013. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 15/02/2016).
17. Cooper, S. Scorpio's Fire. iUniverse, 2006. – 56 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 28/01/2016).
18. Corpus of Contemporary American English. Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/> (accessed on 03/07/2015):
 Allegations Against Fmr. Nat'l Sec. Advisor Sandy Berger; Air Force Considers 30,000-pound bomb; NASA Celebrates First Moonwalk Anniversary// CNN_LiveFrom, 2004.
 Anne Arundel County and Howard County crime report// Washington Post. METRO; Pg. T27, 2015.

- Barron, L. Proboscis// Fantasy & Science Fiction. Vol. 108, Iss. 2; pg. 116, 24 pgs. 2005.
- Barr Staff, C. W. The short life of Imad Abu Zahrah// Christian Science Monitor, 2002.
- Booth, W. Israeli soldiers allege ^ethical failure^ in Gaza// Washington Post. A-SECTION; Pg. A07, 2015.
- Dalton, Q. LENNIE REMEMBERS THE ANGELS// The Kenyon Review. Vol. 26, Iss. 2; pg. 38, 18 pgs, 2004.
- Forstchen, W. R. Jamboree 3000// Boys Life. Vol. 90, Iss. 1; pg. 20, 6 pgs, 2000.
- GRETA @!VAN-SUSTEREN, HOST: Tonight: The Solyndra scandal is setting people on fire! Why did the Oba// Fox_Susteren, 2011.
- Heart Matters;Future Vision;Hanging Tough// PBS_Newshour, 1997.
- How to stay a Titan// New York Times, 1998.
- Ivanovich, D. BURNING ISSUES;; In a distressed region of Pennsylvania, Reliant Energy is turning to poisonous piles Left over from decades of mining and using it to power a new plant; Turning coal waste into light// Houston Chronicle. BUSINESS; Pg. 1. 2004.
- Jones, M. Finding a way// Washington Post. SPORTS; Pg. D01, 2011.
- Leno, J. Jay leno's garage: Fixing History// Popular Mechanics. Vol. 188, Iss. 1; pg. 36. 2011.
- Muller, M. A Walk through the Fire. Warner, New York, 1999.
- PBS NewsHour for April 26, 2013// PBS, 2013.
- Pennybacker, M. The Cooler Kitchen// E: The Environmental Magazine. Vol. 19, Iss. 1; pg. 42, 2 pgs, 2008.
- Rowell, D. Thewiz a rdofra hs// Washington Post. STYLE; Pg. C09, 2011.
- Rutherford, J. ^Tricky^ Oshie lifts Blues out of slide Winger^s hat trick keys club^s biggest offensive outburst of the season. NHL: BLUES 7, SHARKS 2// St Louis Post_Dispatch. SPORTS; Pg. C1, 2015.
- Sadon, R. Rising from the ashes// Washington Post. METRO; Pg. C01, 2014.

- Spotts, P. N. Mercuryrising// Christian Science Monitor. FEATURES, 2001.
- Stone, R. Under the Pitons// Esquire. Vol. 126, Iss. 1; pg. 72, 11 pgs., 1996.
- TECHBITS: Smart cars, City sensors, MySpace block, Opera, Solar panel, Pranks, EU names// Associated Press. DOMESTIC NEWS, 2007.
- Vance, J. When the Five Moon Rise. Underwood-Miller, Novato. 1992.
- Wartski, M. C. Fall Line// Boys Life. Vol. 95, Iss. 12; pg. 26, 4 pgs, 2005.
- WHO TAKE THEM ON// NBC_Dateline, 2000 (20000908)
19. Corson, A. The Family Guide to Survival Skills that Can Save Your Life and the Lives of Your Family. – Balboa Press, 2013. – 346 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 29/02/2016).
20. Declaration of Independence. July 4, 1776. Available at: http://www.constitution.org/us_doi.pdf (accessed on 04/04/2016).
21. Doherty, C. Our God is a Consuming Fire // Madonna House Publications. Available at: <http://www.madonnahouse.org/publications/store/friends-of-madonna-house/our-god-is-a-consuming-fire/> (accessed on 08/02/2016).
22. Dublin travel tips: Where to go and what to see in 48 hours// The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk> (accessed on 22/10/2014).
23. Environmental Health & Safety. Available at: <http://www.dartmouth.edu/~ehs/fire-emergency/> (accessed on 07/05/2014).
24. Erlewine M. The Intangibles: the Meaning in Language. URL: http://dharmagrooves.com/display_blog.aspx?id=161 (accessed on 14/07/2015).
25. Famous People Who Died in Fire // Ranker. Available at: <http://www.ranker.com/list/famous-people-who-died-of-fire/reference> (accessed on 04/05/2014).
26. Fires Surrounds – Benefits to the Tenant // Dimplex. Available at: http://www.dimplex.co.uk/products/fires_surrounds/benefits_to_the_tenant.htm (accessed on 15/02/2016).
27. Florida Illegally Purges Foreign Voters From Electoral Roll// The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk> (accessed on 16/01/2015).

28. Gingery, D. J. Building A Gas Fired Crucible Furnace. David J. Gingery Publishing, LLC, 2015. P. 103. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 17/02/2016).
29. Gordimer, N. The Conservationist. – UK: Bloomsbury Publishing, 2005. – 323 p.
30. God is A Consuming Fire. Available at: <http://hubpages.com/religion-philosophy/The-Kingdom-is-Now> (accessed on 08/02/2016).
31. Grayson Perry: Who Are You?, Channel 4 - TV review: Potter asks age old question with the help of Chris Huhne and Rylan Clarke// The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/> (accessed on 30/10/2014).
32. Gregory, G. A new and complete dictionary of arts and sciences: including the latest improvement and discovery and the present states of every branch of human knowledge, Volume 2. Collins and Co., 1819. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 16/02/2016).
33. 'How the A-level scandal caught fire'// The Independent. Available at: <http://www.theguardian.com/politics/2002/sep/22/uk.alevels20022> (accessed on 07/01/2015).
34. How to Build a Roaring Campfire. Available at: <http://www.artofmanliness.com/2008/09/04/how-to-build-a-roaring-campfire/> (accessed on 11/01/2015).
35. How to Install a Wall Hung Electric Fire. Available at: <http://www.ebay.co.uk/gds/How-to-Install-a-Wall-Hung-Electric-Fire-/10000000177320042/g.html> (accessed on 16/02/2016).
36. Hydro Tasmania to fire up Tamar Valley Power Station in 2016// ABC News. Posted 16/12/2015. Available at: <http://www.abc.net.au/news/2015-12-16/hydro-tasmania-to-fire-up-tamar-valley-power-station-in-2016/7034550> (accessed on 31/01/2016).
37. If Renee Zellweger wants to look different, who are we to question it?// The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/> (accessed on 31/10/2014).

38. Ignite! Awaken Your Inner Fire. Available at: <http://www.ayushriyoga.com/programs/ignite/> (accessed on 08/02/2016).
39. Istre S. A Heart's Crusade. Club Lighthouse Publishing. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 11/10/2015).
40. Kipling, R. Kim. – UK: Wordsworth Classics, 2009. – 269 p.
41. Lackey, M., Dixon, L. The Chrome Borne. – Baen Books, 1999. – 640 p. Available at: <https://books.google.fr> (accessed on 12/07/2015).
42. Lamberson, G. Cheap Scares!: Low Budget Horror Filmmakers Share Their Secrets. – McFarland, 2008. – 292 p.
43. Lewis, S. Work of Art. – USA: Popular Library, 1962. – 320 p.
44. Loizzo, J. Sustainable Happiness: The Mind Science of Well-being, Altruism, and Inspiration. – Routledge, 2012. – 708 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 14/03/2016).
45. Lloyd, R. The Knowledge that Leads to Wholeness: Gnostic Myths Behind Jung's Theory of Individuation. – Xlibris Corporation, 2007. – 263 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 29/03/2016).
46. Mann, R. W., Hunt, D. R. PHOTOGRAPHIC REGIONAL ATLAS OF BONE DISEASE: A Guide to Pathologic and Normal Variation in the Human Skeleton (3rd Ed.). Charles C Thomas Publisher, 2013. – 432 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 29/02/2016).
47. Modern World History. Available at: http://webs.bcp.org/sites/vcleary/ModernWorldHistoryTextbook/wwi/section_4/artillery.html (accessed on 26/02/2014).
48. Moe, S. How do I stop my child from raging? Available at: <http://www.mad2glad.com/how-do-i-stop-my-child-from-raging/> (accessed on 04/03/2016).
49. Mother, 8 Children Killed In Greenville House Fire // NewsChannel5. Available at: <http://www.newschannel5.com/story/24586873/mother-8-children-killed-in-greenville-house-fire> (accessed on 30/01/2014);

50. NHS plans put Tories in Labour's line of fire // The Guardian. Available at: <http://www.theguardian.com> (accessed on 10.03.2014).
51. Olufsen H. It Just Didn't Happen: A Danish Settler's Unacknowledged Life with an Indian Wife in the 1850s. iUniverse, 2006. – 328 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 21/02/2016).
52. Ozimkowski, K. M. The Gratitude Visit in Children and Adolescents: An Investigation of Gratitude and Subjective Well-being. Hofstra University, 2007. – 172 p.
53. Palmer, M. Tumbling Down. Andrews UK Limited, 2012. – 175 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 19/03/2016);
54. Patient Portal. Available at: <https://www.ohcare.com/he-fought-fires-all-over-the-city-but-his-biggest-battle-was-close-to-home/> (accessed on 12/02/2016).
55. Podder, J. Mumbai Dream's. V&S Publishers, 2012. – 128 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 21/02/2016).
56. Rangers Football Club. Available at: <http://rangers.co.uk/news/match-report/2014-15/alloa-1-1-rangers/> (accessed on 16/03/2016).
57. Reid, P. V. Readings in Western Religious Thought: The Middle Ages through the Reformation. Vol. II. Paulist Press, 1995. – 375 p.
58. Rwanda, Uganda forces exchange fire in battle for regional control // The Daily Nation. Available at: <http://www.nation.co.ke/Cecafa> (accessed on 01/02/2015).
59. Sabbath School Teacher. Available at: <http://www.sabbathschoolteacher.org/index.php?id=148> (accessed on 09/03/2016).
60. Social Housing in Crisis as too Many Homes are Sold under Right to Buy // The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/social-housing-in-crisis-as-too-many-homes-are-sold-under-right-to-buy-9684172.html?origin=internalSearch> (accessed on 16.01.2015);
61. Sotheby's looks to bring the hammer down on Dan Loeb // The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk> (accessed on 16/01/2015).

62. Spiritual Knowledge. Available at: <http://www.spiritual-knowledge.net/articles/fire-water-air-earth.php> (accessed on 17/03/2016).
63. Steinbeck, J. East of Eden. – UK: Penguin Books, 2000. – 728 p.
64. Steinbeck, J. The Grapes of Wrath. – UK: Penguin Books, 2000. – 536 p.
65. Summary of World Broadcasts: Asia, Pacific, Numéros 2907 à 2919. British Broadcasting Corporation, 1997. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 19/03/2016).
66. The Apprentice, Episode 1- as it happened: Alan Sugar points the finger at 20 new candidates // The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/> (accessed on 20/10/2014).
67. The Apprentice 2014: Karate expert Chiles Cartwright gets the chop from Lord Sugar // The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/> (accessed on 20/10/2014).
68. The Consequences of Fire. Available at: <http://www.nfpa.org/press-room/reporters-guide-to-fire-and-nfpa/consequences-of-fire> (accessed on 04/05/2015).
69. The Gnosis Link. Available at: <http://home.earthlink.net/~gnosisla/Aprilissue.html> (accessed on 20/01/2016).
70. The Holy Bible: King James Version. New York: American Bible Society, 1939. Available at: http://www.gasl.org/refbib/Bible_King_James_Version.pdf (accessed on 21/11/2015).
71. Twin Harbors History... Old pier blocks on beach mystery likely solved // The South Beach Bulletin. Available at: <http://southbeachbulletin.com/news/twin-harbors-history%E2%80%A6-old-pier-blocks-beach-mystery-likely-solved.html> (accessed on 01/03/2016).
72. Wales vs Bosnia-Herzegovina: Bale frustrated by Begovic but Hennessey makes valuable point // The Independent. Available at: <http://www.independent.co.uk/> (accessed on 12/10/2014).
73. Wasserman, A. Your Call Is Important To Us. – Lulu.com, 2014. – 234 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 19/02/2016).

74. Westall, R. Avenge. AuthorHouse, 2014. – 232 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 17/02/2016).
75. Withcraft and Shamanism. The Great Rite// Spring Wolf's Pagan's Path. Available at: <http://www.paganspath.com/magik/greatrite.htm> (accessed on 04/02/2016).
76. Under Fire: Growing Up on the Plain of Jars. Indochina Curriculum Group, 1974. – 94 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 21/02/2016).
77. Urban Wildlands Fire; Pebble Beach, California // US Fire Administration/ Technical Report Series. USFA-TR-007, May 1987. – 59 p. Available at: <https://books.google.dz/> (accessed on 02/04/2016).
78. Yarnell Hill Fire // Outside Magazine. Available at: <http://www.outsideonline.com/outdoor-adventure/YarnellFire.html> (accessed on 10/01/2015).
79. 39 people die after radicals set Trade Unions House on fire in Ukraine's Odessa // RT. Available at: <http://rt.com/news/156480-odessa-fire-protesters-dead/> (accessed on 06/05/2014).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ ДЛЯ СЛОВА *FIRE*, РАЗРАБОТАННАЯ С
ОПОРОЙ НА ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА**FIRE**

Integral Category - an ability to establish contact with a powerful source of energy providing comfortable warmth and clarity of surroundings if human control over it is maintained or being a highly dangerous scorching and blinding destructive force if the control is lost.

SENSE 1

NOUN [U] Beneficial energy in the form of hot and bright flames produced by sth burning that provides physical warmth and comfortable clarity of the surroundings (*to control fire; discovery of fire*)

METONYMICAL EXTENSIONS

1.1 NOUN [C] elemental force → **its specific instance**: A specific source of energy produced by sth burning which is used for utilitarian purposes such as heating, lighting or cooking (*to start a fire*)

VERB (1) [TR] To use intense heat for utilitarian purposes such as drying or baking sth (*to fire bricks, bread, pottery*)

1.2 NOUN [C] effect → **cause**: Fuel arranged to be lit for utilitarian purposes (*to lay a fire; to build a fire*)

VERB (2) [TR] To supply with fuel in order to maintain a source of energy used for utilitarian purposes (*to fire a furnace, a boiler, a plant*)

(2.1) [TR] cause → **effect**: to activate something by supplying it with fuel (*to fire the engine*)

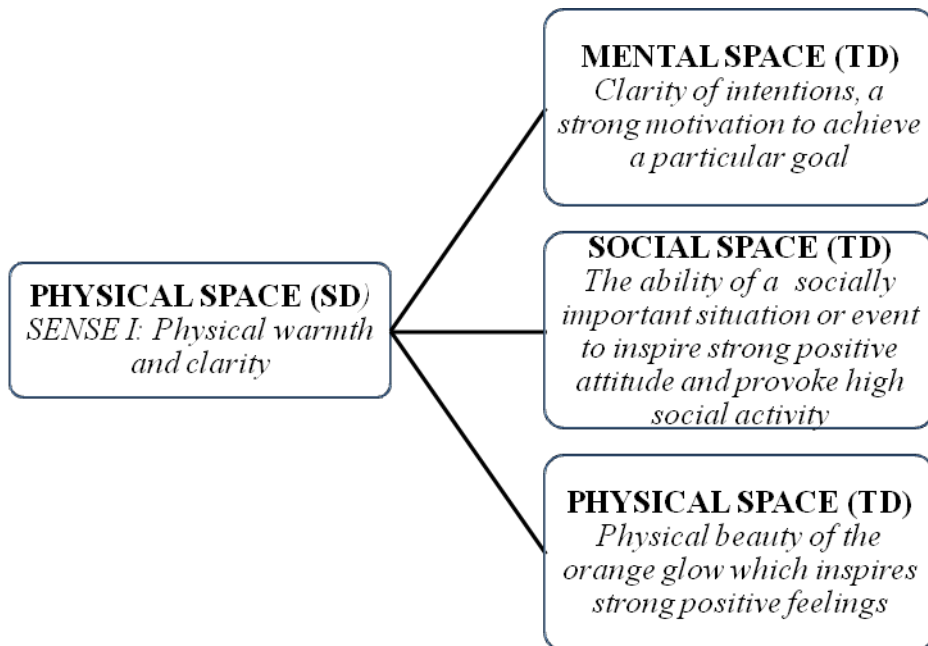
(2.1.1) [INTR] cause → **effect**: To acquire enough energy to be able to go off (*the engine fires*)

1.3 NOUN [C] cause → **effect**: an apparatus used for heating a room and for creating a cosy relaxing atmosphere by imitating the glowing appearance of flames (*to install a fire, to fit a fire, to maintain a fire*)

1.4 NOUN [U]: function → **form** (*in jewelry*) a characteristic of high quality cutting that manifests itself in the ability of a gem to disperse light producing

flashes of rainbow colours and increases the value of the gem (*to exhibit fire, to increase fire, to maximize fire*)

FIGURATIVE

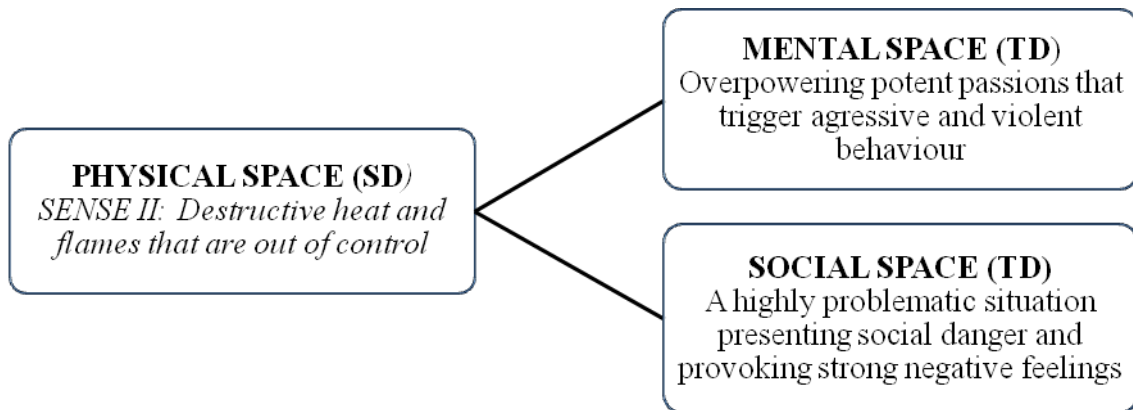
SENSE 2

NOUN [U] Destructive energy in the form of blinding flames and roaring heat that has devastating power over everything it meets (*fire kills, incapacitates; death by fire; a tornado/ wall/ cloud of fire*)

METONYMICAL EXTENSIONS

2.1 NOUN [C] elemental force → **its specific instance:** A specific source of powerful destructive energy produced by sth burning (*to die in a fire*)

VERB (3) [TR] To use the powerful energy of flames in order to destroy sth (*to fire a village*)

FIGURATIVE

2.2 NOUN [U] cause → effect: deadly dangerous destructive force and roaring sound of projectiles launched by a weapon in order to damage sth or to kill sb (*to be, come under, to exchange, to open, to return, to cease fire*)

VERB (4) [TR] To make a weapon release its destructive force by putting it in contact with a source of powerful energy (*to fire a cannon, a gun*)

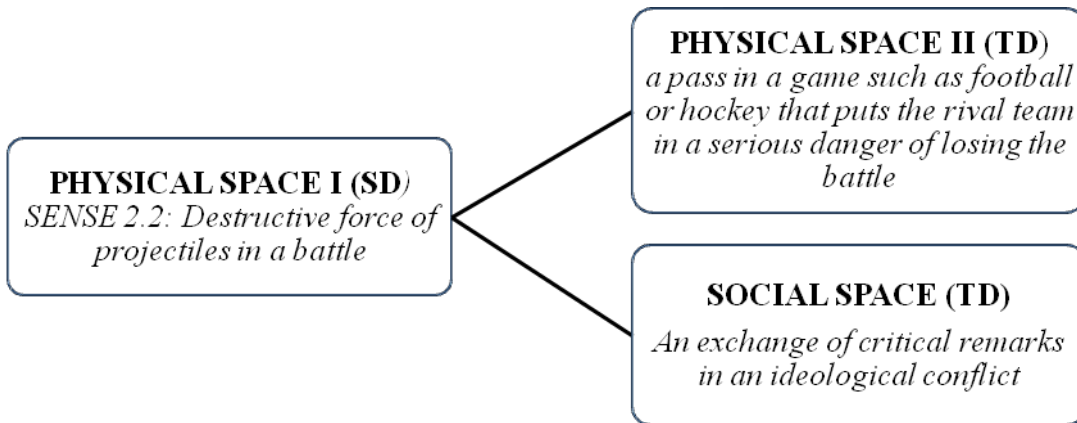
(4.1) [TR] cause → effect: To communicate an enormous destructive power to a missile by projecting it with the purpose of destroying sth or killing sb (*to fire a rocket*)

(4.1.1) [TR] whole process → its part: To communicate much energy to an object and therefore set it in motion with the purpose of attaining a specified goal (*to fire a ball*) (*frequent in sport*)

(4.2) [ELLIPTICAL] to subject sb to deadly dangerous destructive force and roaring sound of projectiles launched by a weapon (*to fire at/ on sb*)

(4.3) [INTR] cause → effect: to acquire and release its powerful destructive energy (speaking of a weapon) (*a gun fires*)

(4.4) [TR] cause → effect: To force an employee quit his or her job contributing to his or her social and moral annihilation (*to fire an employee*)

FIGURATIVE**SENSE 3 (esp. in poetry and religious texts)**

NOUN [U] *A superior life-giving inspirational force associated with intense light and heat, often perceived as having the divine origin and being the source of sacred knowledge. If the Self is overpowered by it, an instance of transcendence happens, leading to a blissful dissolution of the boundaries of physical existence. An inconsiderate attitude to it may lead, however, to serious punishment (the Sacred Fire; to be consumed by God's fire).*

METONYMICAL EXTENSIONS

3.1 NOUN [C] elemental force → its specific instance: A specific instance of contact with such a force (*an inner fire*).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СВОДНАЯ СХЕМА УПОТРЕБЛЕНИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И
ГЛАГОЛОВ *FIRE* В ГАЗЕТЕ THE INDEPENDENT ЗА ПЕРИОД С 10 ПО 24
ОКТАБРЯ 2014 ГОДА

SENSE 1 (positive, controlled)	№ of occurrences in the text		SENSE 2 (negative, uncontrolled)	№ of occurrences in the text		SENSE 3 (archetypal)	№		
	D.	Fig.		D.	Fig.				
FIRE 1 [N, U]		7	FIRE 2 [N, U]	24	9	FIRE 3 [N, U]	1		
→ 1.1 [N, C]	3	1	→ 2.1 [N, C]	62	7	→ 3.1 [N, C]			
→ (1) [V, TR]			→ (3) [V, TR]		4				
→ 1.2 [N, C]			→ 2.2 [N, U]	30	38				
			→ (4) [V, TR]	9					
			⇒ (4.1) [V, TR]	35	3				
			>>> (4.1.1) [V, TR]	22					
			⇒ (4.2) (elliptical)	5	1				
→ (2) [V, TR]		1	⇒ (4.3) [V, INTR]	1					
⇒ (2.1) [V, TR]	1		⇒ (4.4) [V, TR]	29					
>>> (2.1.1) [V, INTR]	1		TOTAL	217	62				
→ 1.3 [N, C]									
→ 1.4 [N, U]									
TOTAL	5	9	TOTAL	217	62			TOTAL	1
TOTAL								294	

ПРИЛОЖЕНИЕ III

СВОДНАЯ СХЕМА УПОРЕБЛЕНИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ГЛАГОЛОВ *FIRE* В РОМАНАХ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ

SENSE 1 (positive, controlled)	№ of occurrences in the text		SENSE 2 (negative, uncontrolled)	№ of occurrences in the text		SENSE 3 (archetypal)	№
	D.	Fig.		D.	Fig.		
FIRE 1 [N, U]	6		FIRE 2 [N, U]	30	5	FIRE 3 [N, U]	10
→ 1.1 [N, C]	146	4	→ 2.1 [N, C]	36	4	→ 3.1 [N, C]	1
→ (1) [V, TR]			→ (3) [V, TR]	2			
→ 1.2 [N, C]	14		→ 2.2 [N, U]		2		
			→ (4) [V, TR]	6			
			=> (4.1) [V, TR]	2			
			>>> (4.1.1) [V, TR]				
			=> (4.2) (elliptical)	6			
→ (2) [V, TR]		1	=> (4.3) [V, INTR]				
=> (2.1) [V, TR]			=> (4.4) [V, TR]	22			
>>> (2.1.1) [V, INTR]			TOTAL	104	11		
→ 1.3 [N, C]							
→ 1.4 [N, U]	1						
TOTAL	167	5	TOTAL	104	11	TOTAL	11
TOTAL							298

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

СВОДНАЯ СХЕМА УПОТРЕБЛЕНИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И
ГЛАГОЛА *FIRE* В СТИХОТВОРЕНИЯХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ XXV.

SENSE 1 (positive, controlled)	№ of occurrences in the text		SENSE 2 (negative, uncontrolled)	№ of occurrences in the text		SENSE 3 (archetypal)	№		
	D.	Fig.		D.	Fig.				
FIRE 1 [N, U]	5	7	FIRE 2 [N, U]	12	4	FIRE 3 [N, U]	46		
→ 1.1 [N, C]	6	1	→ 2.1 [N, C]	3	4	→ 3.1 [N, C]	15		
→ (1) [V, TR]			→ (3) [V, TR]						
→ 1.2 [N, C]			→ 2.2 [N, U]		1				
			→ (4) [V, TR]	2					
			=> (4.1) [V, TR]						
			>>>> (4.1.1) [V, TR]						
→ (2) [V, TR]			=> (4.2) (elliptical)	2					
=> (2.1) [V, TR]			=> (4.3) [V, INTR]						
>>>> (2.1.1) [V, INTR]			=> (4.4) [V, TR]	4					
→ 1.3 [N, C]									
→ 1.4 [N, U]		1							
TOTAL	11	9	TOTAL	23	9			TOTAL	61
TOTAL								113	

ПРИЛОЖЕНИЕ V
СПИСОК ИЗУЧЕННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ, В ХРОНОТОПЕ КОТОРЫХ
ПРИСУТСТВУЕТ СЛОВО FIRE

1. Bennett G. Hatred. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/a_f/bennett/poems.htm ;
 2. Bly R. The Cat in the Kitchen. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/a_f/bly/onlinepoems.htm ;
 3. Bogan L. The Crossed Apple. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/a_f/bogan/additionalpoems.htm ;
 4. Bogan L. The Alchemist. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/a_f/bogan/additionalpoems.htm ;
 5. Brown M. L. Mother's Home Rituals for Quenching Fires. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v8n2/poetry/brown_m/quenching_page.shtml
 6. Carlson-Wee A. The Raft. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v14n1/poetry/carlson-wee_a/raft_page.shtml;
 7. Chang V. [Once the boss fired a twin the twin was torn in] Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v12n1/poetry/chang_v/twin_page.shtml;
 8. Corn A. Fire: The People. Available at:
<http://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poem/22922#poem> ;
 9. Crane H. Carmen de Boheme. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/a_f/crane/additional_poems.htm ;
 10. Crane H. Voyages II. Available at :
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/a_f/crane/additional_poems.htm ;
 11. Deniord Ch. Poem on My 60th Birthday. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v14n1/poetry/deniord_c/birthday_page.shtml ;
 12. Doolittle H. Sea Poppies. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/g_l/hd/additional.htm ;
 13. Dubie N. The Meteor Shower. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v11n2/poetry/dubie_n/meteor_page.shtml;
 14. Everett N. T. Juliet and Fire. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v4n2/poetry/everett_nt/fire.htm ;
 15. Fennelly B. A. Say You Waved: A Dream Song Cycle. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v6n2/poetry/fennelly_b/dream_print.htm ;
 16. Flynn N. Fire. Available at:
<http://www.poetryfoundation.org/poem/181214> ;
 17. Frost R. Fire and Ice. Available at:
http://www.internal.org/Robert_Frost/Fire_and_Ice ;
 18. Frost R. Love and a Question. Available at:
http://www.internal.org/Robert_Frost/Love_and_a_Question ;
 19. Frost R. On Looking Up by Chance at the Constellations. Available at:
http://www.internal.org/Robert_Frost/On_Looking_Up_by_Chance_at_the
-

Constellations

20. Frost R. Storm Fear. Available at:
[http://www.internal.org/Robert Frost/Storm Fear](http://www.internal.org/Robert_Frost/Storm_Fear) ;
 21. Frost R. The Need of Being Versed in Country Things. Available at:
[http://www.internal.org/Robert Frost/The Need of Being Versed in Country Things](http://www.internal.org/Robert_Frost/The_Need_of_Being_Versed_in_Country_Things)
 22. Galvin J. Fire Season. Available at:
<http://www.poetryfoundation.org/poem/180254>;
 23. Goldberg B. Sound Wall. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v14n1/poetry/goldberg_b/sound_page.shtml;
 24. Hoffman C. M. No Midwives Can Do What Angels Can – Cotton Mather. Available at:
http://www.blackbird.vcu.edu/v12n1/poetry/hoffman_c/midwives_page.shtml;
 25. Jeffers R. Fire on the Hills. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/g_l/jeffers/onlinepoems.htm ;
 26. Johnson J. W. Brothers. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/g_l/johnson/poems.htm ;
 27. Larson K. Piano Lessons II. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v11n2/poetry/larson_k/piano_page.shtml;
 28. Levin D. You Have Nothing to Fear. Available at:
http://www.blackbird.vcu.edu/v12n1/poetry/levin_d/fear_page.shtml;
 29. Levin P. Breakfast with Joachim. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v1n1/poetry/levine_p/joachim.htm;
 30. Levis L. God Is Always Seventeen. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v12n2/poetry/levis_l/seventeen_print.shtml ;
 31. Levis L. My Story in a Late Style of Fire. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v5n2/poetry/levis_l/story.htm;
 32. Marion L. P. Homa Fire. Available at:
<http://www.poetryfoundation.org/poem/178939#poem> ;
 33. Mayes E. [In London, 1973, watching *Ultimo Tango a Parigi*]. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v12n2/poetry/mayes_e/london_page.shtml;
 34. Mccord K. Disciplining the Body. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v14n1/poetry/mccord_k/disciplining_page.shtml;
 35. Nieman V. Adam and Eve as Fire and Water. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v5n2/poetry/nieman_v/adam.htm ;
 36. Peirce K. Measure. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v2n2/poetry/peirce_k/measure.htm;
 37. Plath S. Black Rook in Rainy Weather. Available at:
[http://www.internal.org/Sylvia Plath/Black Rook in Rainy Weather](http://www.internal.org/Sylvia_Plath/Black_Rook_in_Rainy_Weather) ;
 38. Plath S. Burning the Letters. Available at:
[http://www.internal.org/Sylvia Plath/Burning the Letters](http://www.internal.org/Sylvia_Plath/Burning_the_Letters) ;
 39. Plath S. Crystal Gazer. Available at:
[http://www.internal.org/Sylvia Plath/Crystal Gazer](http://www.internal.org/Sylvia_Plath/Crystal_Gazer) ;
-

-
40. Plath S. The Applicant. Available at:
http://www.internal.org/Sylvia_Plath/The_Applicant ;
 41. Plath S. The Babysitters. Available at:
http://www.internal.org/Sylvia_Plath/The_Babysitters ;
 42. Plath S. The Burnt-out Spa. Available at:
http://www.internal.org/Sylvia_Plath/The_Burnt_out_Spa ;
 43. Plath S. The Goatsucker. Available at:
http://www.internal.org/Sylvia_Plath/Goatsucker ;
 44. Plumly S. Archaic Torso of the Sun Gos Apollo as a Star Apple, an Oil Lamp, a Broken Mirror. Available at:
http://www.blackbird.vcu.edu/v12n1/poetry/plumly_s/apollo_page.shtml;
 45. Plumly S. Winter Coastal Haiku. Available at:
http://www.blackbird.vcu.edu/v12n1/poetry/plumly_s/haiku_page.shtml ;
 46. Prooyen L. V. An Uncertain Sky Makes Her Wary of Stillness. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v5n2/poetry/prooyen_l/uncertain.htm ;
 47. Rzicznek F. D. Of Earth. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v13n1/poetry/rzicznek_d/earth_page.shtml ;
 48. Savard J. Spring Intervention. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v9n2/poetry/savard_j/spring_page.shtml;
 49. Scafidi S. The Pages. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v11n2/poetry/scafidi_s/pages_page.shtml;
 50. Scafidi S. The Sublime. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v1n2/poetry/scafidi_s/sublime.htm;
 51. Seuss D. Is There Still a Betty in This New Life? Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v12n2/poetry/seuss_d/betty_page.shtml;
 52. Snyder G. At Tower Peak. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/s_z/snyder/onlinepoems.htm ;
 53. Soderberg L. Fontanel. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v12n2/poetry/soderberg_l/fontanel_page.shtml;
 54. Staples C. All Souls Crossing. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v9n1/poetry/staples_c/crossing_page.shtml;
 55. Stine A. Dark. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v11n2/poetry/stine_a/dark_page.shtml;
 56. Teare B. The Fire. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v12n2/poetry/teare_b/fire_page.shtml;
 57. Thomas D. Among Those Killed in the Dawn Raid was a Man Aged a Hundred. Available at:
http://www.internal.org/Dylan_Thomas/Among_Those_Killed_in_the_Dawn_Raid_was_a_Man_Aged_a_Hundred ;
 58. Thomas D. Ears in the Turrets Hear. Available at:
http://www.internal.org/Dylan_Thomas/Ears_in_the_Turrets_Hear ;
 59. Thomas D. Especially when the October Wind. Available at:
http://www.internal.org/Dylan_Thomas/Especially_when_the_October_Wind ;
-

-
60. Thomas D. Fern Hill. Available at:
http://www.internal.org/Dylan_Thomas/Fern_Hill ;
 61. Thomas D. Holy Spring. Available at:
http://www.internal.org/Dylan_Thomas/Holy_Spring ;
 62. Thomas D. In the Beginning. Available at:
http://www.internal.org/Dylan_Thomas/In_the_Beginning ;
 63. Tomas Q. M. Echo. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v14n1/poetry/morin_t/echo_page.shtml;
 64. Trent L. Rapier Woman. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/s_z/trent/poems.htm ;
 65. Waldrep G. C. What Begins Bitterly Becomes Another Love Poem.
Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v2n2/poetry/waldrep_gc/begins.htm ;
 66. Walker M. We Havr Been Believers. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/s_z/walker/onlinepoems.htm ;
 67. Whitney E. Vivisecting. Available at:
http://blackbird.vcu.edu/v14n1/poetry/whitney_j/vivisecting_page.shtml;
 68. Williams L. Farthest Flame. Available at:
<http://waywiser-press.com/lisawilliams2006.htm>;
 69. Williams L. Torch. Available at:
<http://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poem/244724#poem> ;
 70. Wright C. D. Only the Crossing Counts. Available at:
http://www.english.illinois.edu/maps/poets/s_z/cdwright/online_poems.htm .
-

